

СНЕЖАНА РЕЗНИКОВА

Мадридский дневник

или

Хроники одного лета

МД

Снежана Резникова
Мадридский Дневник, или Хроника
Одного Лета.

Te puedo abrir la puerta, pero la tienes que atravesar tú [1](#). (Matrix)

Содержание

[1 июня](#)

[2 июня](#)

[3 июня](#)

[4 июня](#)

[5 июня](#)

[6 июня](#)

[7 Июня](#)

[8 июня](#)

[9 Июня](#)

[10 июня](#)

[11 июня](#)

[12 июня](#)

[13 июня](#)

[14 июня](#)

[15 июня](#)

[16 июня](#)

[17 июня](#)

[18 июня](#)

[19 июня](#)

[20 июня](#)

[21 июня](#)

[22 июня](#)

[23 июня](#)

[24 июня](#)

[25 июня](#)

[26 июня](#)

[27 июня](#)

[28 июня](#)

[29 июня](#)

[30 Июня](#)

[1 июля](#)

[2 июля](#)

[3 июля](#)

[4 июля](#)

[5 июля](#)

[6 июля](#)

[7 июля](#)

[8 июля](#)

[9 июля](#)

[10 июля](#)

[11 июля](#)

[12 июля](#)

[13 июля](#)

[14 июля](#)

[15 июля](#)

[16 июля](#)

[17 июля](#)

[18 июля](#)

[19 июля](#)

[20 июля](#)

[21 июля](#)

[22 июля](#)

[23 июля](#)

[24 июля](#)

[25 июля](#)

[26 июля](#)

[27 июля](#)

[28 июля](#)

[29 июля](#)

[30 июля](#)

[31 июля](#)

[1 августа](#)

[2 августа](#)

[3 августа](#)

[4 августа](#)

[5 августа](#)

[6 августа](#)

[7 августа](#)

[8 августа](#)

[9 августа](#)

[10 августа](#)

[11 августа](#)

[12 августа](#)

[13 августа](#)

[14 августа](#)

[15 августа](#)

[16 августа](#)

[17 августа](#)

[18 августа](#)

[20 августа](#)

[21 августа](#)

[22 августа](#)

[23 августа](#)

[24 августа](#)

[25 августа](#)

[26 августа](#)

[27 августа](#)

[28 августа](#)

[29 августа](#)

[30 августа](#)

[31 августа](#)

[Примечания](#)

1 июня

*Я в свет пустился без гроша,
Но был беспечный малый.
Богатым быть я не хотел,
Великим быть – пожалуй!*
Р. Бернс

Голова у меня всегда забита всякими глупостями. Еще подростком, начитавшись французских романов, я во что бы то ни стало решила выработать аристократическую походку. Водрузив на голову кипу книг, выпрямив спину и изо всех сил стараясь сохранять равновесие, я отважно вышагивала по паркету. Результаты были поразительны: через пару недель со мной стали сухо здороваться приятельницы, а пацаны, заливаясь смехом, прилепили мне кличку «Снежная Королева». Другая бы моментально ссутулилась, но не на такую напали: мушкетерская выучка гласила – не отступать.

А ну так вот, о глупостях: я еду на ночном автобусе Барселона – Мадрид, что само по себе глупостью назвать нельзя. Дурь, напавшая некстати, заключается в том, что взбалмошная Королева захотела это сделать 1 июня, то есть через три дня после того, как спустилась по трапу самолета Москва – Барселона в солнечное туманное утро Каталонии. Согласитесь, это символично, начинать новую жизнь с первого числа, вместо того чтобы продолжать валяться на горячем ракушечном пляже. Нумерология тоже настоятельно рекомендует эту дату. Коротко говоря, поскольку приметы придают уверенности в себе, я ими пользуюсь.

Рядом со мной сидит симпатичный испанец с типичной эспаньолкой и с интересом поглядывает на мои каракули и на меня. Бог мой, неужели я ему понравилась! В таком случае, одно из двух: или испанцы крайне неразборчивы, или сплошь сексуальные маньяки. Скажите пожалуйста, кому может понравиться с первого взгляда, если не углубляться в интеллектуальные дебри и познания или милый характер, восьмидесятикилограммовая тетя? В принципе, испанские мужчины как тип мне интересны... для изучения.

Час спустя.

Попытался-таки завязать знакомство, но дело не увенчалось успехом: я по-испански ни агу, он – по-английски. Помычали немного, вместе вышли на стоянке, выпили кофе, пообщались еще чуть-чуть при помощи жестов, но руки и скулы

быстро устали от непривычной работы, поэтому общение плавно прервалось.

Нет, пора всерьез заняться лишним весом. И изучением испанского... А вскоре и поисками квартиры... А также работы... По ходу событий точно прибавится еще пара десятков дел.

Надеюсь, меня встретят на вокзале...

Что ж, вокзал очень мил, а ждать встречающих придется около часа. Ведь договаривались...

Наконец появились два больших славянских парня: у одного видеокамера в руках, видимо чтобы запечатлеть историческую встречу, второй с дружелюбно распростертыми объятиями спешит навстречу.

– Бьенбенидос! – блещу я немногими познаниями в испанском.

– Бьенбенида, чукча, – почему-то отозвался Сашка. Его я только раз видела на родине, зато наслышана и про то, как он скрупулезен и ловок в работе, и про то, как не пропускает ни одной юбки и как вляпался в какую-то неприятность с местной братвой, после чего быстро купил билеты на самолет и укатил в солнечную Испанию. – Познакомься с моим братом. Васек, подойди к тете поближе, она не страшная.

Тощий, но жилистый Васек застенчиво приблизился и поцеловал в обе щечки, таким образом мой третий поцелуйчик завис в воздухе.

– Привыкай, старушка, на поцелуях экономить: двух раз достаточно.

– Не знала, не знала.

– Где наш знаменитый чемодан?

– Да это просто сумка; подумаешь, знаменитость.

– А как же! Я про то, что в нее даже бабочка не поместится, не то что лишняя бутылка водки, всю жизнь помнить буду!

– Ладно, поехали домой, приезд надо отметить, да и отдохнуть тебе с дороги, – вмешался Вася.

Вторая мысль мне больше понравилась, чем первая, но приличия требовали принять и ту и другую. Уже совсем рассвело, когда автобус домчал нас до Вентас, район, где жили ребята. Он показался мне прекрасным: высокие клены по обеим сторонам шоссе, заливающиеся этим ранним утром птицы вселили в меня такую невиданную радость, таким умиротворением наполнили душу, что я сразу решила: все у меня получится.

Сашина жена не показалась очень уж приветливой, но стол для далеких гостей накрыла как полагается, по русскому обычаю. Оба парня – высокие, с ввалившимися щеками и ссутулившимися от тяжелой физической работы плечами. Ира – полная им противоположность, эдакая матрона, широколицая и синеглазая, правда одетая при этом в коротенький легкомысленный халатик в крупную ромашку.

– Ирок, ты основное забыла, – сказал Саша.

– Я ничего не забыла, – подчеркнув я, недовольно отозвалась Ирина.

– Гости-то дорогие... Из-за границы, между прочим, – продолжал намекать Сашок.

– Если вы обо мне беспокоитесь, то ни к чему: тут всего достаточно, – сказала я.

– Как же, а проезд твой обмыть! А то не по-людски получается.

– Не по-людски в шесть утра водку пить, – сказала Ира.

В душе я была абсолютно с ней согласна, но отправиться второй раз на выручку, не разобравшись в аборигенской иерархии, не решилась.

Обмыв моего приезда все-таки состоялся, и умиротворенные парни отправились на стройку.

– Ты поспи, отдохни с дороги, а когда приду с работы, пойдем тебе квартиру искать.

– Разве я не с вами останусь? – перспектива жить с посторонними людьми, иностранцами, честно говоря, не очень радовала.

Когда я выразила свои сомнения вслух, Ира от души расхохоталась:

– Запомни, иностранка здесь ты! Послушай, тебе же полезно будет постоянно слушать испанскую речь и учить язык понемногу.

Грубо говоря, такой ход событий меня не вполне устраивал, но выбирать не приходилось. Поэтому, как только за Ирой закрылась дверь, я повалилась на жесткую полуторку в маленькой, заваленной кучей вещей комнате, и уснула как убитая.

14:00

Дверь открыла большая черная женщина, открыто и дружелюбно улыбаясь. Такие улыбки в американском кино показывают, и таких женщин тоже. Мы застыли на пороге, оскалившись ей в ответ. Думаю, моя мина все-таки была немного натянута. Из квартиры пахло чем-то мощным, древним, доисторическим.

- Господи, – сказала я, – откуда этот запах? Дезодорант такой, что ли?
- Нормальный запах черного человеческого тела, – сказала Ирина.
- А теперь помолчи, я буду договариваться.
- Подожди секундочку, – взмолилась я. – Ира, я же не выдержу, я не привыкла к такому.
- Сама квартиру искать будешь?
- Нет. Ты же знаешь, что я не могу, не говорю то есть...
- А у меня нет времени, чтобы искать что-то другое, – сказала Ира.

Такая прямота и раздражала, и успокаивала: выбора нет – будь что будет.

Переговоры увенчались успехом, я заплатила за месяц вперед, и мы рысью отправились за моими вещами на квартиру ребят, расположенную всего в трех кварталах от моего нового жилья. Все еще продолжаю удивляться; несмотря на дородную фигуру, Ирина быстрая и проворная. Видно, привыкла ее носить, фигуру то есть. У меня в этом плане трудности: я невероятно устаю от чертовски огромного тела. Ира, оказавшись на улице, залилась смехом:

- Ты – расистка?
- Почему же, – обиделась я. – Нас в школе учили, что быть расистом нехорошо... Вот только про запахи никто никогда словом не обмолвился!
- Обидное упущение, – сказала Ира. – Да ладно, ты не волнуйся, можешь приходить к нам в гости, когда захочешь.
- А если я все время буду хотеть?

- Не получится: мы работаем, да и тебе надо работу искать. Сколько денег-то осталось?
- Откуда ж я знаю, с этими песетами у меня голова кругом. Гм, десять тысяч. Это много или мало?
- Это шестьдесят долларов, – мгновенно посчитала Ира.

2 июня

Я всегда во что-то верил и постоянно нарывался из-за этого на неприятности. Чем больше меня щелкали по носу, тем тверже становилась моя вера.

Г. Миллер

Живу на улице Вирхен де ла Пас, по-нашему – Мирной, а буквально улице Девы Мира. Окна моей комнаты выходят на магистраль. И хотя квартира находится на седьмом этаже, гул автомобилей слышится совершенно отчетливо. Я опустила жалюзи, но и это не помогло. Зато по какому-то закону преломления света по потолку побежали тени машин. Какое-то время я смотрела и считала, а потом задремала.

Суббота... К двенадцати утра, находясь в полной прострации от чумной ночи, но помня наставления о занятиях испанским, я мужественно открыла учебник и старательно пялилась в него в течение получаса. В голове застряло дурацкое слово «сируела», очевидно оттого, что в русском языке от этого слова возникают смешные ассоциации. На этом мои лингвистические исследования закончились.

Я уныло огляделась. Вообще-то грех жаловаться, комната милая, покрашена в непритязательный белый цвет, полосатые занавески на окне... Из мебели – все необходимое: кровать, шкаф, тумбочка. Все какое-то белое и безликое. Скинув оцепенение, я полезла в битком набитую дорожную сумку, достала фотографию дочери в резной деревянной рамке и водрузила ее на прикроватный столик. Декор стал веселее... Тут уж я совсем разошлась, вытащила из шкафа мой брючный крепдешинный костюм с оригинальным мелкоцветочным орнаментом и повесила его на гвоздь на стене. Поскольку в обстановке, не рассчитанной на интеллектуалов,

книжной полки не предусматривалось, я аккуратно уложила стопку учебников в углу.

В этот момент на пол лег широкий луч солнца. Ага! Вот и причина гула от магистрали: в углу стены – приличная щель. Надеюсь, что до наступления зимы у меня будет другое жилье... Зато из моего окна просматривалась Пласа де лас Вентас или Пласа де Торос – кому как нравится. Здание круглое, как римский Колизей. «Ба! – осенила меня мысль. – Да ведь ничего в этом мире за последние три тысячи лет не изменилось! Теперь вместо гладиаторов выводят быков на арену, а человеческие эмоции остались прежними. И, наверное, не такие уж мы и разные: испанцы, русские, колумбийцы, перуанцы, украинцы... Не такие уж мы и разные...»

От этих философских размышлений меня отвлекла перебранка Линей с дочками. Из кухни начали доноситься знакомые сильные запахи. Честное слово, я всегда была уверена, что именно так должно пахнуть ведьмино зелье!

«Теперь можно и в гости», – решила я, взглянув на часы, – «Винни Пух всегда говорил, что час дня – это приличный визит». Еще я подумала, что не стоит утомлять моих новых знакомых своей навязчивостью, но первая мысль победила вторую, и, не откладывая дела в долгий ящик, я вышла на улицу.

Палящий зной тут же схватил меня за горло, как опытный убийца. Тень, где искать спасительную тень? Окинув окрестности быстрым взглядом, я поняла, что искать ее – занятие утомительное и безнадежное, что лучше включить первую космическую и быстро добежать до дома моих приятелей. Вскоре я сменила бег на шаг, устыдившись местного населения, которое лениво и размеренно волокло за собой сумки на колесиках, набитые субботними покупками.

– Я уже здесь! – радостно прошептала я, чувствуя себя на самом деле немного неловко.

– А, заходи, – сказала Ира.

– Как насчет борща с пылу с жару? – высунулся из кухни гостеприимный Сашок. – Мы тут с братком такого намутили: борщ с апиокой, ремолачей и кон ла коль.

– Должно быть, очень вкусно. Учитывая, что ингредиенты по своему звучанию напоминают китайскую кухню... – сказала я.

Но Саша обиделся:

– Как это китайскую кухню? Сравнить мой борщ с китайской кухней! Ну ты даешь, старушка. Не ожидал от тебя подобной... неделикатности.

– Ира, да что я такого сказала?

– Не бери в голову. Это Сашка в себя прийти не может от посещения китайского ресторана: так ему все не понравилось. Да сама знаешь, что там за еда.

– Гм, если честно, я не очень-то знакома с китайской кухней. Я как-то не часто по ресторанам в России ходила: ни по китайским, ни по мексиканским, ни вообще по каким бы то ни было.

– Тем более, перестань переживать по любому пустяку. А Сашке дурака повалить – медом не корми. Усаживайся за стол, пообедаем. Ароматы свежего борща, заправленного чесноком и укропом, решили дело.

Откровенно говоря, я не вполне хорошо понимаю обстановку. Ни странных русских: каких-то холодных, отстраненных, занятых исключительно собой. Познакомилась с еще одним эмигрантом, который живет в одной квартире с моими земляками, занимая софу в салоне. В городе он уже третью неделю. Старожил, стало быть.

– Ну как тебе Мадрид? – сытый Саша, блаженно откинувшись на диванные подушки, был готов к непринужденному разговору.

– Не знаю, – честно сказала я. – Жарко очень, солнце заходит поздно, воздух такой, что не надышишься. Думаю, мне нравится, хотелось бы увидеть центр, архитектуру города, памятники – в плане туристки.

– Так это просто. Ребят, покажите человеку город.

– Запросто, – отозвался Васек. – Вот спадет немного жара, и поедем в Ретиро.

– А что такое Ретиро?

– Самый большой парк Мадрида.

По моим представлениям, даже самый огромный парк не является памятником архитектуры. С другой стороны, смотря какой парк... Может, он как Александровский в Пушкине – с дворцами и статуями. Я с оптимизмом согласилась.

– Приходи часиков в семь, – меня вежливо выпроваживали.

– Договорились.

- Кстати, – вспомнил Саша, – как у тебя занятия продвигаются?
- Учю слова, на большее меня пока не хватает.
- Ладно, сегодня еще отдохай, а завтра поговорим, – пообещал Саша.

Васек и Вовка захихикали, а Ира закатила глаза:

- Оставь ее в покое, тебя никто ни о чем не просит.
- Нет-нет, я не откажусь от помощи ни в коем случае, – сказала я.
- В таком случае, пеняй на себя, – сказал Саня. – Потом не жалуйся.

Разговор мне показался странным, но я решила до поры до времени не придавать ему большого значения.

Вечером...

Ретиро – это огромный парк в центре Мадрида, его «зеленые легкие». Все, что хочет найти страдающая душа в поисках отдыха, сосредоточено здесь: могучая тень от высоких деревьев всевозможных пород; лужайки, приглашающие растянуться на траве; кафешки с яркими столиками, выставленными на открытом воздухе; площадка, где играет духовой оркестр; клоуны, устроившие представление тут же, на широкой аллее, где прогуливается народ... Наконец, пруд, наполненный ужасными прожорливыми рыбами, которые позволяют себя кормить почти из рук. Эти рыбы произвели на меня отталкивающее впечатление: большие, тупоголовые, с разинутыми зубастыми ртами, наплывающие одна на другую при виде куска хлеба или жареной картошки, дерущиеся с яростью голодных – сцена, достойная Спилберга для очередного фильма ужасов.

– Ретиро был задуман как место уединения, пребывания в одиночестве для того, чтобы молиться. Католические короли Фернандо и Изабель основали монастырь Херонимов и недалеко от него построили дом. При Филиппе Красивом дом превратился во дворец, где устраивали праздники, театральные представления, даже корриды.

- Ничего себе! Вот так Вовка!
- А что такого? – лениво усмехнулся Вовка. – У меня философский факультет, ну и давняя увлеченность Мадридом.
- Тогда конечно... Так любой сможет.
- Я продолжаю или как?

- Продолжай! – в один голос ответили мы с Васей.
- Когда сгорел Алкасар – тогдашний Королевский дворец – Филипп Отважный перебрался в Касон де Ретино вместе со своей свитой.
- И где этот королевский дворец? Очень далеко отсюда? – загорелась я.
- В следующий раз посмотрим дворец, – пообещал Вовка. – На сегодня тебе и Ретино хватит. Так вот, Карлос III, которого еще называют мэром Мадрида, велел переделать всю зону и обнести ее решетками. С того времени мадридцы могут гулять по парку, соблюдая, разумеется, чистоту и порядок.

Станный ритмичный шум доносился от монумента, находящегося по другую сторону пруда.

- Барабаны, – возликовала я, поняв причину звуков.
- Тамтамы, а не барабаны. Это не одно и то же, – поправил меня Васек.
- Мне все равно, пошли туда!
- Так мы туда и идем, – сказал Вовка. – Подожди, сейчас такое увидишь!

Это было царство негритянского населения испанской столицы. Усевшись на скамейки по краям беседки, а многие прямо на горячем бетонном полу, африканцы, одетые в яркие халаты и тюбетейки, самозабвенно выписывали ритм тамтамами. Причем черный оркестр прекрасно обходился без дирижера: кто-то заводил, затем к нему присоединялись другие, сначала робко, как бы нащупывая рисунок, затем все более уверенно, наконец беседка наполнялась бешеным ритмом, идущим из глубины древней души. Здесь же начинались танцы, напоминающие ритуал перед охотой, с движениями, доступными только африканскому телу. Белые студенты и «перрафлаутас» [2](#) практиковались в жонглировании, подбрасывая в воздух палочки с привязанными к ним длинными лентами. Над беседкой витал уже привычный мне запах: сладко-терпкий, смешанный с дымом сигарет и каких-то эссенций. Ничего похожего я раньше не видела, поэтому была зачарована зрелищем.

- Нравится? – с гордостью в голосе, как будто все это он сам придумал и организовал, спросил меня Васек.
- Очень, – сказала я.

– Для лучшего восприятия происходящего неплохо бы прикупиться, – сказал Вовка.

– Клевая идея! – сказал Вася. – Ты с нами или здесь подождешь? – это уже ко мне.

– Если вы обещаете меня не потерять, то предпочитаю подождать здесь.

– Смотри, чтобы тебя негры не украли, а то потом перед твоим мужем не отчитаемся.

– Я решила развестись, – внезапно вырвалось у меня. – Так что отвечать вам ни перед кем не придется.

– Это когда ж ты нарешала? – немного враждебно спросил Василий, который, как выяснилось, знал моего «бывшего» еще с детского сада.

– Даже не знаю, наверно, еще в Барселоне, впрочем, нет, раньше. Здесь никто на меня не давит, понимаете?.. И... и... Я из него выросла...

– Что ж ты о человеке как о штанах каких-то ?.

Я ничего не ответила, но, видно, что-то такое читалось в моем взгляде, что Вася внезапно смутился и сказал:

– Ладно, извини, что влез не в свое дело. Мир?

Я протянула ему руку:

– Мир!

Ребята вернулись довольно быстро, поэтому я предположила, что они выходили облегчиться. Правда, когда Вовка положил коричневый комочек на ладонь и начал его осматривать со всех сторон, мое предположение с треском провалилось.

– Гм, – я прочистила глотку. – Это то, что я думаю, или что-то другое?

– Смотри что думаешь, – заржали хлопцы. – Мы между собой называем это «дурь», местное население зовет ее хачиш или шоколаде, но суть одна и та же.

– А разве она законна?

– Конечно, – охотно пояснил Вовка. – Если используешь хачиш для твоих личных нужд, а не для продажи.

– Мы продавать ее не будем. Даже тебе, – сказал Васек.

– А тебе-то зачем употреблять этот ... хачиш, если ты уже ... веселый.

– Так то от предвкушения.

Сигаретка была скручена в момент, сказывался навык. Ребята затаились, задерживая подолгу дым в легких и с усмешкой поглядывая на меня. Честно говоря, я начала раздражаться. За кого меня принимают? За порядочную, благовоспитанную, безупречную, никогда не совершающую промахов матрону? Сейчас они у меня увидят!

– Дай даме затаиться, неуч, – имитируя Маньку Облигацию, сказала я.

– Вы уверены в правильном выборе, дама? – почтительно осведомился Вовка, затаиваясь в очередной раз.

– Ой, я тебя умоляю! – на этот раз вылезла Кисуля. Я взяла протянутую сигаретку и затаилась. На мое удивление, вкус у нее был гораздо приятнее, чем у обыкновенной сигареты и... гораздо сильнее. Поэтому задержать в легких наркотический дым не получилось в силу того, что из глаз полились слезы.

– О, смотри, как мы умеем, – сказал Васек.

– Вы, мальчики, еще меня не знаете, – похвасталась я, воодушевленная успехом и затаилась опять, на этот раз почти как заядлый курильщик марихуаны или чего там...

– Не торопись, спокойно, не то сплехеет, – посоветовал Вовка.

– Здорово, когда о тебе заботятся, – сказала я.

Господи, похоже я кокетничать начала? Вовке уже за сорок, но никто и не думает называть его Владимир или еще как-то . Он небольшого роста, но сильный. В лице нет ничего выдающегося, за исключением детской улыбки. Вовка – философ, и по образованию, и по образу жизни.

...Да-а, до сигаретки я его не находила привлекательным ни в чем...

Вскоре мир стал странно меняться: вечерние сумерки приобрели синие тона, музыка теперь не оглушала, как раньше, а танцующие вдруг начали двигаться как заведенные манекены.

– Смотрите, – сказала я, тыча пальцем в жонглера, – какой смешной, что выделяет!

– Повезло старушку, – констатировал Васек.

– Чушь, ерунда. У меня просто чудесное настроение, я абсолютно свободна. А вы знаете, что такое свобода? Знаете, каково это – не обращать внимание на условности? Быть предусмотрительной и осторожной? Такой, какой тебя хотят видеть друзья, родители... Никогда не терять лица, всегда соответствовать. Это такая тяжесть, такой груз, такая гадость... А я не такая и больше не хочу ею быть, – совсем неграмотно и бестолково закончила я героически-наркотическую речь.

– Не грусти. Здесь ты свободна, – неторопливо выпуская дым в небо, философски заметил Василий.

– Да, и буду делать то, что захочу. И никто, слышите, никто не может мне запретить!

– Конечно, никто, – сказал Васек. – Поступай, как считаешь нужным. Не забудь только работу найти, а то живо окажешься «на свободе», под ближайшим мостом. Сейчас мимо кустов пойдём, так я тебе такое сборище «свободных» покажу!

– Под мост не хочу, – сказала я. – Как же я буду без ежедневного душа и макияжа?

– Граждане, я, конечно, извиняюсь, но базар этот гнилой. Мы здесь отдыхаем, а не исповедуемся. Посмотрите лучше на ту красотку: как движется, какая грудь!

Теперь мы с Васей развеселились, выслушав сексуальные страдания утомленного солнцем, пивом и гашишем мужчины.

Уже заметно стемнело, и мы отправились на поиски выхода, что оказалось не так-то просто. Заблудившись в пустынных закоулках парка, мы не испугались, а еще больше расхохотались, держась за болевшие от хохота животы. Наконец найдя выход, мы обнаружили, что потеряно метро. Васек, будучи долгожителем в Мадриде, почетным эмигрантом, можно сказать, пошел спрашивать у всех подряд:

– Дондэ эста эль мэтро?

Люди, видя большого одурманенного парня, пожимали плечами и торопливо уходили в сторону, не желая отвечать. Апофеозом всех расспросов послужил ответ одного хорошо одетого сеньора, вышедшего из мерседеса, к которому Васек обратился все с тем же дурацким вопросом.

Сожалеюще разведя руками, приличный господин ответил:

– Ничем не могу вам помочь; я не пользуюсь метро.

- Что? Что он сказал? – заинтересовались мы с Вовкой.
- Обратите внимание, какой гад вежливый! – сказал Вася. – Выпал из Мерса, воняет Диором и спокойно так, без понтов, отвечает какому-то там иностранцу.
- Вася, не принижай своих достоинств. Ты – славный парень, твоя «иностранность» глаз не режет. Единственное но это то, что ты очень пьяный. Давай беги, спроси у того забулдыги. Глядишь, и поможет собрат по разуму...

3 июня

Фанатик – это тот, кто страстно верит и, отталкиваясь от того, во что он верит, совершает отчаянные поступки.

Г. Миллер

Как ни странно, но наутро (вернее, около часа дня), я не обнаружила ни следов похмелья, ни головной боли, ни желудочных томлений, в общем, никаких обычных последствий после весело проведенной ночи. Я отнесла это обстоятельство к климатическим, но себе дала слово впредь вести себя немного сдержанней (ненавижу слово «благоразумие», хотя в данном случае оно уместнее всего).

Линей показала кухонную утварь, старательно проговаривая все слова, вероятно надеясь что я все запомню с первого раза. Я улыбалась, тронутая ее стараниями. Экскурсия на маленькой кухне затянулась на полчаса благодаря моей бестолковости и полному незнанию языка. Я устала так, как будто вспахала в одиночку гектар целины. Теперь стало понятно, почему Ира говорит, что теряет калории, когда разговаривает по-испански.

Что ж, пора делать покупки. Вчера Ирина предупредила, что в первое воскресенье месяца все продуктовые магазины открыты. Пришло время пополнять запасы и начинать вести хозяйство: как бы ни были добры ко мне ребята, а питаться за их счет не могу, да и не хочу.

Супермаркет, расположенный всего в нескольких шагах от моего дома, оказался уютным и прохладным, наполненный немислимыми продуктами. От ценников, даже когда я пересчитывала песеты на доллары, кружилась голова. «Как ей в голову могла прийти идея о

недорогом магазине», – с яростью подумала я о советчице. Но делать было нечего и выбирать не приходилось: я нашла соль, сахар, чай, бублики, а также рис, макароны растительное и сливочное масло. Нарочно отказала себе в аппетитных на вид бисквитах. К заслуживающей, на мой взгляд, внимания, была отнесена колбаса с зелеными кусочками внутри – оливками, а также немного овощей и фруктов.

У кассы я протянула билет в пять тысяч песет с изображением великого Колумба – половина моего состояния. Мне выдали сдачу, состоящей из нескольких продырявленных в середине, очевидно, испорченных, монет. Выразительно взглянув на монетки в моей ладони, затем переведя укоризненный взгляд на кассира, я ожидала хотя бы краски смущения за открытое хамство, а еще лучше – немедленного исправления нелепой ошибки. Но дождалась лишь того, что смуглая девушка вновь пересчитала деньги в моей ладошке, сказала: «Эста бьен» и занялась следующим покупателем. Почувствовав себя полной дурой, я поплелась домой: необходимость изучения языка становилась все более очевидной.

Мой обед состоял из отварных макарон с розовато-зеленой оливковой колбасой и чая с бубликами. Еда показалась пресной, а колбаса и вовсе отвратительной. «Так и похудеть недолго!» – подумала я. Сначала мысль эта меня удручила, а затем воодушевила. Вперед, на штурм великого и могучего!

Прошел целый час после начала атаки. В воспаленных мозгах каша, перед глазами – черные расплывающиеся круги, сердце ухает и стучит, как от тяжело проделанной работы, потому что я знаю четко: мне никогда не выучить испанского... Рука потянулась за фотографией дочери на ночном столике. Расцеловав её, я залилась беззвучным слезами.

Поздней ночью, после очередного визита, меня провожал домой Саша.

– Что-то ты кислая, – искоса взглянув на меня, констатировал он. – Зайдем в бар, хлебнем чего-нибудь прохладительного.

– Ладно, – вяло согласилась я.

– Что, мысли тяжелые одолевают?

– Они самые. Я по дочке сильно скучаю... В голову ничего не лезет, все мысли о ней.

- Правильно, что мысли о ней. Потому ты и здесь, верно? Из-за неё?
  - Нет, не только... Из-за себя тоже.
  - Вот и славно. Знаешь, чем тоску отгонять?
  - Только не говори мне о водке – не поверю.
  - Нет, я о другом: надо переключиться на что-то, чтобы реализовать себя. Не знаю, правильно ли я выразился, а ты прислушайся.
  - Тоскливо мне, Саш, не хочу ни думать ни о чем, ни анализировать. Плакать хочется.
  - А как насчет спряжения испанских глаголов?
  - А? – не поняла я мгновенного переключения.
  - Б, – ответил Саша. – Начинаем урок спряжения глаголов. Что вы мне об этом поведаете, дама?
  - Практически ничего, – все еще ошарашенная, промямлила я.
  - Очень плохо, – заявил мой мучитель, – ну хотя бы в общих чертах.
  - Ну они в чем-то похожи на русские, то есть тоже изменяются по лицам и по числам и еще у них куча времен – наши столько не придумали...
  - Неплохо для начала, – поощрили меня. Дальше последовал урок, которого мне не забыть никогда: по своей насыщенности, эмоциональности, крепким нецензурным выражениям и продолжительности: три часа! Из бара нас давно выгнали по случаю его закрытия, поэтому вот уже час, как мы сидим, словно куры на насесте, на спинке скамейки и обсуждаем правильное построение утвердительных фраз.
  - Понятно? – интересуется учитель.
- Я согласно киваю: а как же, с нашим-то умищем!
- Тогда повтори еще раз последнюю фразу.
  - Саш, – взмолилась горе-ученица, – я уже полчаса как ничего не соображаю.
  - Дура, – констатировал педагог. Потом, смягчившись, добавил: – Могла бы и раньше сказать. Я ж не зверь.
  - Ты был так увлечен...

- Нечего подлизываться.
- Я?
- Тогда, если не подлизываешься, не издевайся.
- Простите, не хотела затронуть ваших чувств, Маэстро.
- Смотри, разошлась. Пойдем, до дому тебя провожу.
- Ах! – испугалась я. – А до этого что ты делал?

Сашка расхохотался во все горло и больше не вступал со мной ни в какие разговоры.

4 июня

Язык возникает тогда, когда в нем есть необходимость.

Е.Клюев

Понедельник. Все ушли работать, кроме меня. Хотя Ира и дала объявление в газету, предлагая мои услуги в качестве прислуги, пока никто не торопится заполучить меня в этом качестве. Единственное, что я могу сделать сейчас для себя, – это учить испанский.

Как ни странно, но после Сашкиного затяжного урока все оказалось более понятным и менее внушающим ужас. Воспользовавшись моментом, я часа на три погрузилась в науку, съедая персик или апельсин в короткие перерывы. Паника отступила, и мне он начал нравиться, этот язык: четкий, логичный, с звучной «р».

В обед я пошла навестить вернувшуюся с работы Иру. Узнала, что пока ничего нового, надо ждать. Долгожительница местных прерий посоветовала написать объявления и расклеить их на автобусных остановках и столбах в пределах нашего района. Текст она мне надиктовала, так что, вернувшись домой, я принялась за адский труд: копирование вручную тридцати экземпляров.

Этот вечер будет проведен за расклеиванием опусов о жутком желании посвятить остаток моей жизни домашнему сервису.

Сегодня я решила, что ребятам будет полезно немного отдохнуть от моего чудесного общества, а мне будет полезно позаниматься еще несколько часов или погулять в одиночестве.

На первое была выбрана прогулка: за четыре дня мой кругозор пополнился знаниями о Ретиро, о марихуане, о спряжении глаголов и сотней новых слов из испанского. Пора его расширять другими впечатлениями... Кругозор то бишь...

Архитектура современной части города, где живу сейчас, не производит такого отталкивающего впечатления, как в Санкт-Петербурге. Уж слишком силен там контраст... Мадрид гораздо более «уравновешен»: широкие улицы для машин, просторные тротуары для пешеходов, всюду посажены деревья. Пока из старой части города мне знакома улица Алкала. Судя по всему, это самая длинная улица города. Она начинается на Пуэрта дель Соль и уходит даже дальше моего района! Кстати, надо бы сходить на Соль, ребята говорят, что стоит.

Здания в моем районе в основном из кирпича – красного или темно-коричневого. Балконы и террасы украшены навесами зеленого или синего цвета – одинаковыми во всем доме! И на всех окнах – жалюзи. Тут это не роскошь, а суровая необходимость: как только солнце начинает припекать, где-то в десять утра, сразу же опускаются жалюзи, и до девяти вечера ты не увидишь ни одного окна «незащищенным»! Зато увидишь сады, раскинувшиеся на балконах: пальмы и камелии, строгие гардении, «заячью капусту», кактусы с распустившимися цветами! Тоскующий по земле народ реализовывает себя в цветущих балконах, а может, это просто вечное стремление к прекрасному.

Что ж, пора и мне идти и самовыражаться; первый этап – простые грамматические конструкции (и кто сказал, что они просты?)

5 июня

Если бы все, что блестит, было золотом, золото бы стоило намного дешевле. Ничто не дается так дешево и не ценится так дорого, как вежливость.

М. Сервантес.

Июнь в Мадриде – щедрая пора. Цветут азалии, с тутовых деревьев падают длинные белые плоды, посередине правой и левой дорожными полосами благоухают розы, которые каждое утро освежаются бьющими из земли автоматическими поливалками. Рай для всех – даже для роз!

Магазины, торгующие фруктами, выставляют свои лотки на улицу без боязни, что кто-то захочет взять и попробовать аппетитную клубнику, тугой инжир, яркую черешню, прозрачный виноград, душистый персик – да мало ли чего! Все такое чудесно-нереальное...

Я прогуливаюсь по длинным, извилистым улицам, стараясь держаться в тени, но чувствую солнце каждой клеткой тела: оно наполняет меня энергией настолько, что хочется петь, хохотать во все горло, жить!

Это так странно, что в чужой стране, за пять тысяч километров от дома, я почувствовала себя как дома. Он уютный, этот многомиллионный город, приветливый, ничуть не кичливый. У меня от Мадрида эффект дежавю, как будто я всю свою предыдущую жизнь здесь провела: та самая триумфальная арка, та самая площадь, тот самый дворец. Говорят, что этот эффект обусловлен тем, что мозг, улавливая знакомый тип, воспринимает увиденное как хорошо знакомое. И тем не менее, разумное научное обоснование не убеждает меня абсолютно.

Познакомилась с киоскером, который продает газеты около моего дома. Зовут его Хосе (пожалуйста, не надо арий тореадора, это не тот случай!) Дело в том, что по утрам я спускаюсь в скверик, дышу воздухом и учу слова – это самое легкое, что можно делать в атмосфере, где вовсю заливаются птицы, детишки играют, а солнце припекает. Так вот, как раз в этом скверике и расположен киоск Хосе. Уже на третий день, завидев меня, он поднял руку в приветствии, я ему ответила тем же жестом и милой улыбкой. А сегодня он покинул на время прилавок, чтобы представиться. «Какое дружелюбие», – подумала я, хотя дядя не производил приятного впечатления ни пивным брюхом, ни сластолюбивым выражением лица. Несмотря на это, я решила быть приветливой – недорого стоит, зато дает большие дивиденды.

Кстати, за науку я должна поблагодарить прародительницу. Было мне около девяти лет. Однажды мы прогуливались, а из-за невысоких заборов соседи нас приветствовали: «Доброе утро!». Мама в ответ: «Доброе утро» и по имени-отчеству. Я тоже важно кивала головой: «Здравствуйте!». Тут мне мама говорит: «Дочка, скажи, тебе трудно улыбаться?» Я удивилась: конечно, мне было нетрудно, просто я считала это ну... неуместным! «Тогда, если тебе нетрудно, улыбайся, детка, всякий раз, когда кого-нибудь приветствуешь. Тебе это ничего не стоит, а людям приятно».

...Вечером пришел Саша.

- Ты что, обиделась? – были первые его слова.
- А надо было?
- Ну достал я тебя испанским.
- Глупый! Какое дикое предположение! Я тебе страшно благодарна. Теперь все гораздо легче.
- А, ну ладно... Тогда приходи в гости. Ирка запилила, говорит, что за день человека от дома отвадил.
- Правда? А я решила, что вам от меня надо отдохнуть.
- Не глупи. Думаю, поначалу всем трудно в чужой стране. И одиноко. Так что будет время, заходи.
- Спасибо, приду. До завтра вам хватит времени приготовить торжественный ужин и нагладить фраки?
- Без фраков никак?
- Сожалею, без фраков – никак.
- Тогда, это, я пошел... Манишки гладить.

6 июня

А имя... что ж, имя – только имя: от него не требуется каким-то образом представлять своего носителя.

Е. Клюев

Хорошие числа: 6, 6. И настроение тоже ударное. Не в смысле, что работаю до седьмого пота, а в смысле, что ударила бы сейчас кого-то, чтоб душу отвести. Беда в том, что кроме меня любимой поблизости никого нет, так что бить только себя и получится.

Съездила утром в «Камарада» – это такая организация для эмигрантов – безработных и безъязычных. С работой у них туго, а вот направление на бесплатные курсы испанского дали. И на том спасибо.

Деньги приходится экономить. Пока не голодаю – ребята постоянно зазывают на ужины, но пора подумать о будущем. Вспомнила Бернса:

И так и сяк

Пытался я понравиться фортуне,

Но все усилъя и труды

Мои остались втуне.

Срочно нужна работа! – это уже мое.

К обеду я была дома. Семилетняя Диана, дочка Линей, забавно тараша глазенки и отчаянно жестикулируя, начала что-то быстро щебетать. Разумеется, я ее не поняла, попросила говорить помедленнее, тогда уловила, что кто-то приходил и просил, чтобы я зашла. Кто мог прийти, кроме Саши или Иры? Я помчалась на Рикардо Ортис.

– Что-то случилось? – запыхавшись от быстрого шага и волнения, я говорила с трудом.

– Случилось. В шесть вечера ты должна быть по этому адресу. Сеньору зовут Эмилия, очень милая старушка, будешь у нее убирать два раза в неделю по одному часу.

Я взвыла от восторга:

– Саша, ты гений! Ты спасаешь меня от голодной смерти, ты...

– Ладно, ладно, от голодной смерти, говорит. Да у тебя внутренних резервов на год хватит.

– А вот хамить не надо. Я тебе страшно благодарна и все такое, но всему есть предел.

– Извините, не из графьев буду, – не сдавал позиций Сашка.

– Попытаюсь простить вас за плебейское происхождение, господин Ломтев.

– Вот спасибо, вот порадовала!

– Ну, я пошла, – поставила точку в разговоре я. – Надо морально подготовиться к первому рабочему дню, вернее, часу. Адьюс!

...Пожилая сеньора, к которой я пришла начинать новый этап трудовой деятельности, резко поменяв «учителя на уборщицу», мне понравилась. Она вся какая-то светящаяся – теплые карие глаза, искренняя улыбка, золотые браслеты, цепочки, колечки... И зовут ее как героиню оперетты – Эмилия.

Ей ужасно интересно узнать что-нибудь о загадочных русских, поэтому ни на минуту не умолкая о чем-то говорит Что вам

рассказать, сеньора? Да, такая молодая – тридцать лет всего лишь, а уже есть дочь Угу, с университетским образованием зарабатывала сорок долларов в месяц. Согласна, это мало – потому я здесь, потому готова намывать кафель, вычищать унитазы, жить впроголодь с перспективой оказаться в конце месяца на улице. Как ни странно, меня поняли, мой испанский, состоящий в основном из жестов и мимики, был понят! Мы каким-то образом очутились в одном энергетическом поле и общались, без хитроумных машин продвинутых фантастов, без знаний телекинеза... И мне посочувствовали... А вот это ни к чему. Я счастлива этим солнцем, этим небом, этими улыбающимися светлыми лицами на улицах, пышным цветением всего и пением птиц... В городе, пятиmillionном городе поют птахи!!! Я уверена, что все мои трудности – явление временное, придется, конечно, потерпеть, но я прорвусь, вот увидите! А швабра... что ж, иногда надо отступить, чтобы победить.

– Как тебя зовут, дочка, твое настоящее имя? – спросила она.

Я сказала. Мое имя с кучей согласных и впрямь трудно выговорить. Я научилась правильно его произносить уже в пятилетнем возрасте, что ж говорить о пожилой испанке, которая слухом не слыхивала ничего подобного! Пришлось повторить мое имя по слогам, но и это не дало результатов. Спасибо мамуле: постаралась, чтобы единственное дитя имело странное имя.

– Я буду звать тебя Сусанной. Ты не против?

Возможно, если б меня хотела переименовать другая старушка – менее приятная, я бы не согласилась, но эта была симпатична. К тому же вспомнилась школа, где пацаны из параллельного класса, завидев меня, принимались напевать знаменитую песенку Челентано: «Сусанна, Сусанна, Сусанна, мон амор»

Крещение состоялось в момент, когда я убирала ванную, вымывая порошок водой. По всем законам христианской церкви, к тому же при полном согласии вновь крещенной. Это просто здорово – возрождаться!

7 Июня

– *Чем же, по-вашему, надо пользоваться при объяснении?*

– *Мокрой сетью. Исключительно эффективно.*

Во взаимоотношениях Иры и Саши стоит столько вопросов, что я, при всей моей любви к анализу, теряюсь. Например, покупают продукты они порознь, к тому же Ира платит за свою половину постели, а Саша – за свою. Учítывая, что спят они под одним одеялом, это более чем странно. Любопытно, что Ира считает такое положение дел нормальным и естественным. Не могу поверить, что капиталистические отношения внутри государства заставляют в корне переменить институт семьи. Впрочем, здесь не принято лезть с советами: каждый живет как ему вздумается. Правда, как раз Ира дает «мудрые» советы по любому поводу...

У Васи тоже сказочная ситуация: он влюблен в русскую девушку, лучше и краше которой, по его словам, никого нет. Познакомились они, когда ей было четырнадцать лет, а ему – двадцать. Скорее всего, девушке льстило внимание такого взрослого парня, хотя и не мешало иметь и других поклонников. Перед отъездом Васи в Испанию она сделала ему подарок, о котором тот и мечтать не мог: она ему отдалась. Теперь он здесь, трудится на благо и живет ожиданием встречи.

У Вовки, к примеру, четкая цель: спрятаться так, чтобы его никто и никогда не нашел. На данный момент ни прекрасные дамы, ни карточка резидента не возбуждают в нем такого страстного интереса, как желание скрыться от братков, которым он задолжал изрядную сумму денег, раз и навсегда. Он так замаскировался, что мы всерьез подозреваем, что фамилия Сидоров – не совсем его. Ну это отдельная история...

А в чем же моя цель?.. Для начала, думаю, должна в себе разобраться, понять себя, как поется в одной песне: «...на чем стоим, куда идем...». Слишком долго я была ограничена правилами и традициями, которые меня связывали и не давали понять, кто же такая я на самом деле: всухую, в голую, без всей этой галиматьи? Сейчас можно расслабиться, прислушаться к себе и начать новую жизнь, мою жизнь, без правил и ограничений со стороны родителей, подруг и мнения общества. «Невидима и свободна!» Освободиться! Великая цель.

...Еду в автобусе и тихо так закипаю. Оказывается, все мои тщеславные иллюзии о том, что уверенно продвигаюсь в изучении испанского, ничем не обоснованы. Час пик: машина заполнена разным людом: рабочими, матерями и бабушками, детьми и

внуками. И все это кричит, вопит и каким-то образом умудряется понимать друг друга. В отличие от них, я не понимаю ни одного дерьмового слова из этой какофонии, ни одного! Меня охватывают сразу два чувства: злость и невыносимое одиночество; я потеряна в большом, огромном мире, населенным таким множеством людей – я потеряна. И никакие объяснения не идут в счет, я просто хочу понимать, о чем судачат вполголоса эти две толстые тетки, или о чем с таким упоением рассказывает шестилетнее ясноглазое создание своей матери, что говорит нежным голосом в телефон симпатичная девушка с копной кудрявых смоляных волос. Я хочу определиться в этой матрице, я чувствую себя чужеродным элементом, мне тоскливо, я готова разделиться, как амеба, лишь бы не задохнуться от невыносимого одиночества.

8 июня

Слава вам, идущие обедать миллионы!

И уже успевшие наесться тысячи!

В. Маяковский

Саша пригласил меня в Макдоналдс, американский ресторан быстрого питания, который был долгое время «невходной» в России, как и многое другое из «буржуазной пропаганды». В начале девяностых, когда под натиском капитала открыли первый Мак в Москве, выстроилась километровая очередь. Я в ней не стояла. Наверное, знала, что лет эдак через десять будет и на моей улице праздник...

Ну ничего замечательного в этом Маке я не увидела: в помещении пахнет столовкой, еда мягко говоря «неприхотливая»: толстые гамбургеры да кока-кола. Впрочем, мягкое мороженое, напоминающее «ванильное в вафельном стаканчике» из далекого детства, понравилось. Одним словом, маркетинг – великое дело. Главное не стейк продавать, а то, как он шкварчит на сковородке!

Мы съели по стандартному меню с напитком. Саша заказал пиво, ну а я – фанту. Уж не знаю, по какому случаю я была приглашена, но Сашка сказал, что надо просто радоваться халяве.

И все-таки моя неприязнь к американской котлете была раскрыта. Мой сотрапезник склонился ко мне и доверительно прошептал:

– Меня тоже больше испанская национальная еда привлекает. Но чтобы в местном ресторане пообедать, надо о-о-очень хорошо зарабатывать. Как я, например!

Э-э-э, не знаю, как все это расценивать. Как намек? Лучше уж никак не расценивать, мало ли что может парню в голову прийти после банки пива... Гм, наверное, то же самое, что и до этой банки.

...Вася с упоением слушает песни одной испанской группы – «Ла ореха де Ван Гог» По-нашему – «Ухо Ван Гога» – во как оригинально! Поначалу мне не очень понравилось: у солистки, безусловно, есть вокальные данные, только пользуется она ими странно. Короче, слушая несколько часов кряду «Бен, асеркате, бен и абрасаме... 3» и все в таком роде, поневоле начинаешь проникаться массовой испанской культурой. И вот мы уже вдвоем сидим на диване и голосим в два голоса: «А рекордар Парис а сер ми ангустья... 4». И каждый о своем: Васек о появлении своей ненаглядной, а я – о моей великой цели.

Приходит Саша и удовлетворенно кивает: слушать и петь испанские песни помогает в изучении языка.

9 Июня

*Я не твой, снеговая уродина.
Глубже в перья, душа, уложись!
И иная окажется родина,
вижу – выжжена южная жизнь.
В. Маяковский*

В пятницу ночью была назначена пытка дискотеккой. К машинкам на потолке я уже притерпелась, так же как и к шуму магистрали, но это!..

Около двух ночи соседи начали выходить на балконы, возмущаясь нарушением порядка. Кто-то, по-видимому, спустился в бар, выражая всеобщее недовольство. Так что весельчаки быстро угомонились, и больше никто не появлялся на улице и не вопил дурным голосом; все веселье происходило внутри.

Если же быть абсолютно откровенной, мне так все вокруг нравится, так я очарована происходящим, тем, что вижу, что чувствую! Я

получаю удовольствие от приветливых лиц и мягких улыбок пожилых и от неудержимого, из глубины души искрящегося веселья молодого поколения... Счастливое население, не озабоченное ни экономическими проблемами, ни попытками государственного переворота, ни присвоением природных ресурсов десятком умников... Ира говорит, что Саша тоже влюблен в Испанию по уши. Наверное, это заразное...

А еще я в восторге от фонтана, расположенного на перекрестке дорог. Говорят, их установлением прославился предыдущий мэр города, который воздвиг во всех спальных районах Мадрида изящное и необходимое в пышущем жарой городе сооружение. Каскадный фонтан в рабочем районе!

...Сегодня суббота, работаю один час у Эмилии. Она отправила меня за молоком и еще какими-то продуктами. Хорошо, что у меня всегда с собой двувеликий русско-испанский словарь! Перевела и купила все нужное! В награду за труды получила 2000 песет и плитку белого шоколада. Ну вот, я только-только худеть начала...

Уже становится ясно, что при такой трудовой занятости мне лишь хватит заплатить за полмесяца проживания в комнате. Шикарные рестораны и развлечения с молодыми красавцами придется до поры до времени отложить.

И все-таки, я люблю тебя, жизнь...

10 июня

Чем упорнее вы тянетесь к миру, тем стремительнее отступает он от вас.

Г. Миллер

Ура, у меня собеседование! Речь идет о работе прислужкой, проживающей в одном доме с хозяевами. Здесь это называется «интерна». Что ж, идею о свободе придется пока временно отменить. Так, настройся, детка, сконцентрируйся и повторяй: «Рабство – это особая форма взаимоотношений, существовавшая во времена феодализма и спорадически употребляющаяся в современности. «Я люблю рабство, это единственно приемлемая форма существования, я буду обожать своих хозяев как преданный

пес... Пойдите, я же женщина! Как преданный пес – нет, как преданная... Нет, на это я не согласна!»

Сеньора Гонсалес добралась до делового центра Мадрида – Пасео де ла Кастейана – на Рено с кожаной обивкой внутри салона. Говорит, что её Министерство как раз неподалеку от Ворот Европы, – это где мы переговоры вести будем. Гм, Её Министерство... Подумаешь, Хозяйка медной горы! Мы с Ирой забрались в автомобиль и начали говорить. Поправлюсь: начали говорить эти две дамы, а я улыбалась, чтобы расположить к себе... э-э-э... говорящих. Только не думайте, я почти все понимала – да и фразы были простенькими. И тут ко мне с вопросом обратилась эта самая сеньора Гонсалес:

– Допустим, в дом пришел садовник, а нас с мужем нет дома. Что ты должна сделать?

Вопрос мне показался диким. Единственный ответ, который мне пришел на тот момент в голову: «Убить садовника». Конечно, пусть не приходит в неположенное время и не создает бедной служанке дополнительных трудностей! Я пожалала плечами, мол, кто ж может ответить на такой трудный вопрос вот так сразу.

– Надо позвонить по телефону мне или моему мужу и рассказать, что произошло, а потом попросить инструкций, – объяснила ситуацию сеньора.

Всего-то-навсего! Позвонить и спросить... И убивать никого не надо, все очень цивилизованно. Она меня утомила, эта женщина, считающая, что очень умна и что перед нею сидит законченная дура. Я поняла: убейте меня на месте, а открыть рот и произнести простейшую фразу на испанском НЕ МОГУ! Условия труда, по словам Ирины, были превосходны: дом за городом, без детей, по вечерам два-три раза в неделю собираются гости и их надо обслужить выпивкой и закусками, в июле они с мужем и с домработницей поедут на Майорку, оплата сто тысяч песет или пятьсот долларов. Ира смотрит на меня выразительно, мол, давай, скажи что-нибудь, ты же можешь! Я почувствовала себя говорящей собачкой...

– Ира, извини за хлопоты, не могу я, не готова. И ответить ей по-испански могла бы, что-то простенькое, разумеется, а что-то держит за язык, и ...

Я вышла из машины, а Ира еще немного задержалась, видимо, доказывала сеньоре Гонсалес, что я сообразительная, только ужасно скромная.

М-да, душенька, настрой не удался: «Мы не рабы, рабы не мы». Ну ничего, придет и мое время. Я уже понимаю кое-что, а выучу язык, хрен они меня увидят со шваброй в руках!.. Вы еще узнаете, кто такая сеньорита Сусанна!

11 июня

Если вам все равно, где вы находитесь, значит, вы не заблудились.

Закон Руна

Кажется, вчера я немного разозлилась...

Здесь, в Мадриде, у меня новая роль, пока плохо изученная. Я – эмигрантка. Во всем мире отношение к нашему брату, мягко говоря, неуважительное. На мой взгляд, дело не в «волне» – первой, второй или еще какой, а в наличии наличных! Здорово сказанула! Ну да, если ты Лев Толстой и живешь на Рю де Риволи, потому что приехал парижским воздухом подышать и Тюильри с утра любоваться – это один разговор... Если ты живешь в Марбейе и принадлежишь к русской мафии – это другой вид эмигранта. Ну а если у тебя университетское образование, а ты готова чужие унитазаы намывать, то это третий и не самый выигрышный вид...

Испанцы все это прекрасно понимают и соответственно к нам относятся. Изначально на нищего эмигранта выделяются средства из государственной казны: на еду, на бесплатное изучение языка, на ночлег. Говорят, что есть социальные программы помощи женщинам... Но пока я не в состоянии и двух слов связать... И мне не нужна никакая помощь, вот только если бы с работой...

Вовка говорит, что женщине-эмигрантке в Испании гораздо проще, чем мужчине. Особенно если славянка, и особенно если хорошенькая.

– Ты о какой работе, дурень, говоришь? – возмутились мы с Ириной.

– Девчата, я к тому, что у вас много шансов! И главное, где захотите!

– Да уж, у нашей Сусанниты есть шансы, – подтвердил Саша, игнорируя злобный взгляд своей подруги.

...Какие-то непонятности-неприятности приключились у Саши с Васей на работе, да и в повседневной жизни тоже едва друг на друга смотрят, бычатся и почти не разговаривают. Спросила, в чем дело, может, помогу уладить конфликт, пока он не разросся до бешеных размеров, но мне вежливо дали понять, что это не мои проблемы. Ну не мои, так не мои...

Вечером, после четырех, договорились встретиться с Ирой в Ретино:

– Ты уже знаешь, где это. А кафе найдешь около пруда со «спилберговскими» рыбами, – моё замечание, судя по всему, понравилось.

Я не была так уверена относительно моей памяти на рыбные места, но согласилась приехать.

Промелькнувший в автобусном окне парк я увидела сразу и, не сомневаясь ни секунды, сошла на первой же остановке. Оставался открытым вопрос с искусственным озером. Почти у самого входа в парк стало ясно, что ворота не те... Повторялась история с поиском нужного выхода-входа недельной давности, с той небольшой разницей, что тогда я была не одна. Озираясь по сторонам в поисках пресловутого пруда, я наткнулась взглядом на молоденькую латиноамериканку с младенцем в коляске и, обрадовавшись живому человеку, спросила:

– Дондэ эста лос пэскадос? [5](#)

– А-а, пэскадо! [6](#) – и, почти засовывая сложенные щепотью пальцы в рот, спрашивает:

– Пара комэр? [7](#) – дальше последовали объяснения о ближайшем рыбном магазине. Судя по всему, молодая мамаша поняла меня неправильно и рассказывает о рыбе, которую едят. Но мне-то нужна та, которая плавает! Глагола «плыть» я не знала, потому просто показала жестом в сопровождении слов:

– Комер – но! Но! Пэскадо, – и рукой поплыла я.

– А! – смеется и машет рукой в сторону пруда мой темнокожий и уже не вызывающий в связи с этим бурных эмоций гид.

Я благодарю и удаляюсь в указанном направлении, удивляясь разительным переменам, что происходят во мне как бы сами по себе. Честное слово, я почти не предпринимаю никаких усилий!

Урок испанского от Ирины! Оказывается, для обозначения живой – это которая еще плавает, и неживой рыбы – это та, что в магазинах

продается, бывшие колонисты римской империи два разных слова употребляют. Так что это не молодая мамочка меня не поняла, а я неправильно выразилась. Все-таки комплексы училки – всегда быть правой, по крайней мере, в грамотном употреблении языка – пора оставить.

У нас с Ирой очередная встреча. На этот раз с сеньором Марселино Лопес. Пожилой мужчина предложил 75000 песет за пятичасовой рабочий день с понедельника по пятницу. Сеньор Лопес улыбался, поглядывая на меня, и, судя по всему, был совсем не против заполучить меня в качестве прислуги. Что ж, условия неплохие, а от взглядов я не расту. Но тут появляется папашин сынуля, экзаменует меня, выясняет, что язык я понимаю только при помощи жестов и, кроме того, не знаю испанской кухни. И... забраковал чудесный вариант.

Опять дурацкий Макдоналдс. Впрочем, неважно, чем брюхо набить, лишь бы не урчало. Плюс хорошая компания из Иры, Васи и Вовки. Угощает Вася: у него получка, да и вообще он не жаден.

Скорее всего, мерзкие бургеры имели странные добавки, а может, сказалось напряжение последних дней. Как бы то ни было, но на нас напал такой неудержимый и беспричинный смех, что спроси меня сейчас, о чем мы смеялись, я даже тему не в состоянии вспомнить. В автобусе дурацкий смех еще больше усилился. Поздней ночью, спускаясь по улице Рикардо Ортис, наша четверка, держась за животы, услышала приветствие:

– Здравствуйте! – произнесенное с акцентом, но все-таки по-русски.

Мы удивлялись ровно секунду, после чего раздался новый взрыв хохота.

12 июня

Идет дождь, но я с этим не согласен.

Дж. Мур

Получила пинка под зад от Ирины. Произошло следующее. Я пришла с очередным визитом к Ломтевым. Так как хозяйка была чем-то занята, то я уселась писать объявления «Буско трабахо». В

это время у Иры зазвонил мобильник. Она недолго поговорила по телефону, записала адрес, отключилась и, сияя лицом, сообщила:

– Вот это работа! Уборка культурного центра с пяти до десяти вечера с зарплатой 80000 песет! Я ее, наверно, у тебя возьму.

У меня внутри все похолодело: как же так, ведь Ира прекрасно знает мою ситуацию и про газету эту проклятую тоже знает. Как же так можно?

Видимо, возмущение и растерянность легко читались на моем лице, поэтому, увидев, что я засобиралась домой, она предложила:

– Сделаем лучше: я тебе отдам все подработки, которые у меня сейчас есть, а культурный центр себе оставляю. Идет? Да и потом, у тебя все равно разрешения на работу нет, а у меня скоро будет.

– Поступай как знаешь, Ирина, тебе видней...

Я направилась к двери. От обоих предложений стало так мерзко на душе, я почувствовала себя такой беззащитной и одинокой!.. На прощание я махнула рукой не поворачивая головы, чтобы она не увидела текущих по щекам слез.

13 июня

Начинать поиски надо с самого неподходящего места.

Закон Поиска

Немного о газете. Стыдно было писать об этом... Хотя эти записи никто не увидит, если я не захочу, а все ж таки стыдно, даже перед самой собой.

Мой первый «выход» состоялся 8 июня, через несколько дней после собеседования с сеньорой Гонсалес. Когда начну зарабатывать – Бог весть, а питаться каждый день и оплачивать квартиру надо сейчас. Саша всячески меня подбадривал, говорил, что ничего страшного в газете нет, что это помощь безработным эмигрантам, что он тоже стоял с газетой и Васек, и Вовка. Но ведь Ира не стояла! Разве мужчина может понять чувства женщины, стоящей около супермаркета и предлагающей купить у нее газету?

– La Farola! La Farola! Nuevo numero! [8](#)

Почти никто не хочет ее покупать, поэтому тебе дают милостыню в 25, 50, 100 или 200 песет. Я – первая ученица в школе, активистка, наконец, просто популярная девчонка! Замужем за перспективным профессорским сыном (правда, перспективы за четыре года замужества куда-то подевались)! Уважаемый коллективом и учениками учитель!.. Я – на паперти! Даже если это не церковная паперть, а магазина, разве от этого проще? Разве я не взрослый здоровый работоспособный человек?.. Да, но еще и без знания языка, без разрешения на работу, без поддержки семьи, без знания общества...

Стыд, жгучий стыд испытывала я, идя в первый раз «на работу». На груди у меня красовалась искусно подделанная карточка легального продавца газеты «Ла Фарола», в руках – стопка непроданных еще Васей газет, под газетами – исписанный листок с испанскими словами, чтоб не скучала.

Одиннадцать утра – это время, когда позавтракавший люд начинает задумываться об обеде. Я пришла немного раньше этого часа. Смотрю на бегущее табло напротив меня, понимаю, что рекламируют путешествие на Канарские острова... «Ну а нас-то и тут неплохо кормят», – подбадриваю я себя и надеваю улыбочку, продолжая, впрочем, смотреть вдаль. Подошли две старушки и спросили что-то на своей скороговорке. Я покачала головой, сожалеюще улыбаясь. Думаю, бабульки поймут, что разговаривать со мною бесполезно... С меня довольно пытки стоянием на людном месте! Одна из женщин протянула 100 песет и потрепала меня по щеке.

Пожилые испанские сеньоры – это лучший человеческий фонд Испании! Очень многие из них подходили со словами утешения, оставляли монетки, волновали меня своим участием. Затем явился карликового вида дедок, окинул меня оценивающим взглядом с головы до ног, одобрительно цокнул языком и спросил:

– Нужна работа? Плачу тысячу.

– Что? – не поверила я своим ушам.

– Пойдем со мной, я недалеко живу. Плачу две тысячи – за десять минут.

– Что надо делать? Убирать? – я окончательно запуталась. Где это видано – уборка за десять минут?

– Нет-нет-нет. Займешься со мной любовью, – решительно возразил проходимец и подтвердил при помощи грубого жеста свои намерения.

Я была шокирована: ни тени смущения на лице у этого негодяя! Как будто то, что он мне предлагает, нормально и естественно. Я изо всех сил отрицательно замотала головой, а из глаз, независимо от меня, полились слезы.

В такой патетический момент меня застал Сашка, который пришел провести «рабочую молодежь». Увидев совсем раскисшую Снежную Королеву, он взял меня за руку и отвел на ближайшую скамейку. Услышав мой рассказ, посоветовал не обращать на это ровно никакого внимания, заметив, что дураков везде хватает. Да, но мне от этого не легче!

А на следующий день я увидела Педро. У нас их в Испании, как у вас там, в Бразилии. Некоторое время он тихо стоял в сторонке, наблюдая за мной. Я тоже его разглядела: небольшого роста пожилой сеньор с круглым животиком и необыкновенно грустными глазами. Вскоре он подошел и дал мне 300 песет, жадно заглядывая при этом в глаза. Я поблагодарила и протянула ему газету. Газета принимается, моя первая продажа!

– Асталуего, бонита [9](#), – прощается он.

– Адьос. Грасиас! – отвечаю я.

С того момента он приходит ежедневно и каждый день оставляет мне 300 песет, но газету уже не берет. Сегодня мой таинственный поклонник представился и пригласил меня в кафе выпить чего-нибудь освежительного. У меня четкие инструкции от русских друзей на всяческие предложения. Согласно их наблюдениям, в Испании поход в бар не предосудителен: во-первых, это общественное место, а во-вторых, испанцы проводят там половину своей жизни.

Итак, идем в кафе, я заказываю фанту, а он – пиво. Разговор, понятное дело, надолго не затянулся. При помощи словаря я объяснила-таки, что приехала из России, что по профессии – преподаватель, что продаю газету, потому что нет денег. Он сочувственно поцокал языком, покивал, обещал о чем-то подумать. О чем думать? Мне работа нужна! Не хочу я спать в парке...

14 июня

Значимость человека определяется не тем, чего он достиг, а скорее тем, чего он дерзает достичь.

Ездила в Министерство Труда (по подсказке знающих русских товарищей) за какими-то бумажками на тот случай, если вдруг объявится местный житель, мечтающий сделать мне предложение работы.

К девяти утра на Бретон де лос Эррерос подъехали две полицейские машины – следить за порядком, который, впрочем, никто не собирался нарушать. Это правда, народ тут мирный; и местное население, и приехавшие из разных стран тоже, чтобы не нарушать баланса, так сказать. Хотя однажды довелось наблюдать «юношество», кричащее, наскაკивающее один на другого, отчаянно размахивающее руками, но при этом не задевающее носа соседа. Было совершенно ясно, что хода этим рукам не дадут. Так, прокричавшись, и разошлись. Очень благородно и предусмотрительно. А еще говорят, что испанцы вспыльчивы. Они русских не знают!

К десяти утра нужные для заполнения и представления бумаги были у меня на руках. Оставалось только ждать удобного случая, когда кто-то сделает мне предложение работы и я легализуюсь. Конечно, главное – это выжить; как говорится, не до жиру, а все ж таки случаи разные бывают.

После обеда я задремала и снилась всякая чушь: будто нежданно-негаданно приезжает мой бывший муженек, как говорится, с оказией. Я – в дикой панике. Не знаю, как мне с ним объяснить, как ему доказать, что разойтись сейчас – это самое лучшее для обоих. Неожиданно появляется официальный чин – в униформе и с орденами на груди – и торжественно вручает мне «Тархета резиденция [10](#)», разрешение на работу то бишь... Муж растворяется в воздухе, а я прижимаю руки к груди, пытаюсь выразить искреннюю признательность!

Проснулась и за испанский взялась: как же, скоро придут разрешение на работу вручать, а я даже поблагодарить по-человечески не могу.

Вечером отработала у Эмилии, получила, как всегда, за труды плитку белого шоколада и тысячу песет. Хорошая она сеньора, добрая. Сразу видно, что много в своей жизни видела и много пережила... После смерти мужа у Эмилии начались серьезные проблемы со здоровьем, но переезжать к сыну категорически

отказывается: говорит, что не хочет мешать невестке жить в свое удовольствие.

Сиюю сейчас около Дракона, отдыхаю. Ха, звучит как цитата из романов Асприна о Великом Скиве. На самом деле дракон – это центральная фигура в детском скверике, разбитом недалеко от дома Эмилии. У него длинный зеленый хвост, добрые, посаженные кучей глаза, поэтому страшно разинутый рот, полный острых клыков, из которого лавой вытекает горка, никого не пугает. Внутри он полый, так что малышня всю резвится и бегают как внутри, так и снаружи. Этот дракон очень теплый и живой, потому его и любят дети.

Я тоже его люблю. Поэтому я устроилась в тени на скамейке недалеко от дикого зверя и наблюдаю за детишками. В какой-то момент я даже глаза закрыла от удовольствия. Очнувшись от вежливого покашливания, раздававшегося прямо над моим ухом.

– Простите, не помешаю? – интеллигентного вида старичок склонился в полупоклоне. – Разрешите задать вам несколько вопросов.

– Да? – попыталась очнуться от полусна.

– Вы откуда приехали?

Вот это да! Так сразу, без лишних глупостей. И предполагается, что отвечать ему я должна вежливо, хотя он-то начал как татарин – с набега.

– Из России, – все-таки отвечаю.

– Из России или Польши? – уточняет дедок. Почему Польша? Наверное, славянский тип глаза режет.

– Из России, из России, – дважды повторяю я.

– Как турист? – продолжает допытываться настырный дед.

– Да, – терпения у меня хоть завались, а любопытства еще больше, потому и отвечаю на многие дурацкие вопросы.

– Работаете?

– Нет, ищю работу.

Я прекрасно знала, что автомаркетингом надо заниматься всегда и везде.

– Хотите работать у меня?

– Убирать? – по привычке уточняю я.

– Да, у меня в квартире.

– Когда?

– Хоть сейчас!

Пошли смотреть его квартиру. Мне понравилось: светлая, залитая вечерним светом, очень уютная и слишком большая для одинокого человека. Старичок рассказал немного о себе. Выяснилось, что он бывший военный, теперь уже пенсионер и девять лет как вдовец.

– Будешь жить со мной? Мне помощница нужна. Да и одиноко...

Конечно, я согласилась. Ведь эту работу мне искала Ира, а я нашла сама! Чувство, что я чего-то стою и, кроме того, никому не обязана рассыпаться в благодарностях, заставило меня согласиться не задумываясь. дон Лео пригласил меня в кафе поужинать. Он заказал по большому бифштексу на каждого, гору жареной картошки, печенье болгарские перцы и что-то из ливера. Я наелась, я почувствовала себя сытой в первый раз после моего отъезда из Барселоны. Мне предложили восемьдесят тысяч песет в месяц. Все складывается замечательно! С понедельника я приступаю к исполнению служебных обязанностей.

15 июня

Оптимиста хорошей новостью не удивишь.

Закон Мерфи

Все ужасно за меня рады, а я еще больше. За Эмилией пообещала присматривать Ира. По ее словам, когда на собеседовании в Культурном центре выяснилось, что у нее нет разрешения на работу, ей отказали в месте. Хм, Ирина не из тех людей, которые изливают свою душу кому бы то ни было. Скорее всего, таким образом она оправдывалась передо мной, стоящей «на газете».

...Смотрим с Сашей и Ирой телевизор: все, что помогает в изучении языка, приветствуется. Сообщение синоптиков передает полногрудая, постоянно улыбающаяся стройная девушка. Делает она это с явным удовольствием, не забывая назвать ни одной провинции, ни одного самого маленького островка, указывая на возможные облачности, пасмурности, небольшое понижение температуры по ночам и резкое повышение по утрам, теперь по

дням недели – с понедельника по пятницу. Минут пять говорила, не меньше. И это при дороговизне экранного времени!

– Похоже, в Испании существует одна проблема, – заметила я. – Муча калор... [11](#)

Ну что ж, пошла учить латынь: эх, в испанской стороне, на чужой планете, предстоит работать мне... и это правильно, потому что любой труд – достойный, а все же лучше спрятаться в чьем-то доме, а не стоять напоказ. Да, пожалуй, для моей будущей, давно обещанной одним горемычным астрологом всемирной славы, «газетная работа» ни к чему. Кстати, об астрологе; визит к нему состоялся за четыре года до моего приезда сюда...

...Дверь мне открыли тотчас же. В полутемной прихожей стоял высокий худой человек, в котором меня смутило невыносимое косоглазие. Ужасно неудобно ежесекундно определяться, в какой глаз смотреть. Пока я справлялась с этой проблемой, из боковой двери вылетел маленький четырехлетний монстр на трехколесном велосипеде и воинственно взглянул на меня.

– Привет, малыш! – жизнерадостно прочиркала я.

– Дура! – сказало дитя.

– Прелестно...

– Прошу вас, не обращайтесь на него внимание, возраст, знаете ли, к тому же Скорпион и год Змеи – адская смесь, – извиняющимся тоном проговорил счастливый отец.

– Поколение Пепси.

– О, простите, проходите, пожалуйста, – проговорил хозяин, принимая мое пальто. – Овен, год Кабана, час Дракона, 1-й дом, Марс, символ Огня, стихийный темперамент, любовь к свободе – все это он пробормотал про себя, как бы припоминая. – О, моя вечная забывчивость, я так и не представился: Георгий.

– Очень приятно, – стереотипно отозвалась я. Честно говоря, ничего приятного от этой встречи я уже не ждала: ни Георгий, ни его сын мне абсолютно не понравились. Впрочем, пришла я сюда не за приятными впечатлениями, а по делу.

Кабинет астролога порадовал своей просторностью и полной изоляцией от маленького чудовища, которое, кстати, предприняло было попытку прорваться, но было остановлено ласковыми, по-видимому, материнскими руками. Зверь в ребенке взвыл и затопал ногами. К несчастью, ему попала сильная, а главное, волевая

женщина, и схватка закончилась быстро и с полным поражением воинствующей стороны. Берегитесь, агрессоры, – русская женщина – это сила!

– Итак, приступим. Ваши координаты вы мне сказали по телефону, проверьте, все ли верно?

Я бегло просмотрела исписанный лист бумаги и не обнаружила ни одной неточности: несмотря на свою обыденно-жизненную рассеянность, в своей работе он был более сосредоточен. Осталось только выяснить, насколько он точен.

– Может, по чашечке кофе? – предложил Георгий.

Я согласилась.

– Ну что ж, пожалуй, начнем, – в спокойной и доверительной манере начал астролог. – Я вам признаюсь, уважаемая, что такой интересной и, можно сказать, удивительной астральной карты, как у вас, мне еще не доводилось встречать, хотя я работаю в этой области вот уже 12 лет, и много людей прошло через этот кабинет. «Ба-бла-бла!», как говорят испанцы.

– Признайтесь, у вас есть такое чувство, что стоите на пороге больших событий, которые повернут вашу жизнь на 180 градусов? – и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Пока в ней все скучно, рутинно. Вы в школе работаете?

Я кивнула.

– Даже очень хороший учитель со временем становится рабом своей профессии, «человеком в футляре». Избежать этого удастся лишь избранным, кто не теряет веры несмотря ни на что: ни на чумное поколение Пепси, ни на маленькую зарплату. В вас такой веры нет, хотя и человек вы ответственный, и дело свое знаете... Или, к примеру, ваша семья... Мужем вы тяготитесь... Нет в нем амбиций... И живете в постоянном напряжении и непонимании: «Почему я здесь?».

– Да, «видно, высокое у меня было предназначение, да не угадал я его: и чувства высокие, и мысли...», – не удержалась и процитировала я.

– А вы не иронизируйте над своими, как вы их называете, «высокими чувствами». Не каждому это дано, не каждый находит силы начать все сначала, с нуля, а вы сможете!

Мы знакомы? Конечно нет. Его имя я нашла в газете, среди многих других объявлений это понравилось спокойным, некичливым

тоном. Живем мы в разных районах города, и, в конце концов, это не сыскное агентство! Скепсис в человеке с университетским образованием при таких визитах всегда неизбежен, но этот странный человек сумел за считанные мгновения мягко убрать маску образованности и вернуть меня в лоно матери-природы. Он знал все о моем настоящем – не хуже моей подруги, каким-то образом проник в сферу моих чувств – и угадал их! – и теперь предстояло войти в мое будущее. Вот теперь стало по-настоящему страшно.

Когда я вышла на улицу, было темно, а дождь моросил еще чаще. Плотнее запахнула пальто, накинула капюшон и обрадовалась, что я могу побыть наедине с дождем, обдумать услышанное. Оставалось одно: ждать подходящего случая, потому что все уже было решено...

16 июня

Надежды юношей питают...

А.С. Пушкин

Прощальный бенефис на «Ла Фарола». Заработала 1200 песет за полтора часа, народ ко мне уже привык. Педро, разумеется, тоже пришел, но я ему ничего не сказала: сама еще толком ничего не знаю, да и с какой стати? Как встретились, так и разошлись.

Ближе к обеду мы с Ирой отправились с визитом к дону Лео. Оказывается, пока я на газете деньжищи зарабатывала, он несколько раз звонил Ирине. Та тоже осталась довольна визитом, говорит, вполне приличный старичок, даже пообещал со временем позаботиться о моей легализации. Да и мне так кажется, в смысле, что неплохой парень.

Странные повороты делает судьба. Еще студенткой мне довелось подрабатывать в домашнем сервисе перестроечной России. Тогда я жила в Питере и получала аж сорок рублей стипендии, которые целиком уходили на оплату жилья. Мама тоже посылала денег «на жизнь», но их почему-то всегда не хватало.

Когда я в очередной раз искала комнату, темноглазая еврейка предложила мне ее бесплатно, а в обмен на это я должна была выполнять кое-какие домашние обязанности. Бартер показался мне интересным и взаимовыгодным. В скором времени круг этих обязанностей стал расширяться с невероятной быстротой, ну а

затем и вовсе произошла неприятная история, из-за которой меня быстро выпроводили.

У моей хозяйки – молодой разведенной женщины с семилетним ребенком – был любовник. Так, ничего особенного, но моя Лиза была от него без ума. Вчетвером мы пытались разместиться в двухкомнатной квартире: одну комнату занимала я, другую – маленький Пашка, ну а парочка размещалась на кухонном угловом диване. Как правило, наутро, до того как мы с Пашкой проснемся, наш герой-любовник исчезал. В одно серое питерское утро я вошла на кухню с единственной целью – позавтракать, а обнаружила обнаженного мужчину, с удовольствием потягивающегося после сна. Почему-то я не закричала в голос и не выскочила из комнаты, как подобало бы благовоспитанной девице, а целенаправленно продолжила движение в сторону плиты: мужчины – даже голые – мужчинами, а завтракать тоже надо вовремя, иначе не успею в институт.

Вечером, когда я вернулась с занятий, забежав по дороге домой в химчистку, Лиза встречала меня у порога. Сначала она меня долго отчитывала и стыдила, спрашивала, заходила ли я в спальню к родителям, а затем и вовсе указала на дверь. А чего стыдить-то! Во-первых, я не специально, во-вторых, никого не рассматривала, а в-третьих, я не в спальню зашла, а в место общего пользования!

...Страшно, немного страшно, что там скрывать: и насчет уборки – есть же какие-то особенности, и насчет готовки – вообще не знаю я испанскую кухню, а самое главное, насчет языка. Дай Бог нам обоим терпения и великодушия!

Как будто славный сеньор: комнату дал большую, с террасой. Да и заработок в четыреста долларов. Разве в России могла бы я так заработать? Думаю, вряд ли. Так что, «прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ»... До встречи в Испании, мои любимые крохи, здесь вы станете господами!

17 июня

Пока ты жив, пока теплится в жилах кровь, будь любезен делать вид, что под кожным покровом у тебя нет ничего похожего на кровь, ничего похожего на кости.

Генри Миллер

Ранним утром в воскресенье, когда летняя жара еще не набрала силу и улицы почти пусты – без машин, автобусов и людей, спешащих на работу, – это мое время для прогулок. Воздух в это время по-особому прекрасен свежестью фонтана, прохладных тротуаров, легким ветерком, едва шевелящим крупные листья каштанов, и ароматом кофе, мощной струей вытекающим из всех открытых в это время кафе и баров.

Я иду по виляющей во все стороны улочке, и за мной следом вьется аромат крепкого кофе. Иногда я захожу в бар и заказываю чашечку едва разбавленного молоком кофе – «кафе кортадо». Это мой секрет, потому что считается неприличным тратить деньги на капризы, когда их нет на повседневные нужды. В глубине пуританской души я с этим постулатом согласна, но в моей нынешней жизни так мало радостей...

Собираю чемоданы. Опять дорога. Дай Бог, чтоб к лучшему.

Звонил мой бывший. Я была практически спокойна, когда Вася протянул трубку мобильного и сказал: «Олежка на проводе». Высокие слова, возвышенные порывы, понимание произошедшего, желание исправиться – все как прежде: советский романтик. А нет, есть новость: «он скоро приедет, чтобы мне стало полегче и чтобы я потерпела и ему не изменяла». Честное слово, мне стало смешно: пока мы жили вместе, он утверждал, что физическая измена ничего не означает, главное – родство душ, а как только разошлись, все вновь стало на свои природно-законные места.

...Я намеренно не хочу говорить о любви. Как правило, люди часто путают ее со страстью. А страсть проходит через два-три года после первой вспышки – доказано наукой... И что же остается? Почему мы хотим быть вместе? Или наоборот, не хотим?

Женщина нуждается в нескольких вещах со стороны мужчины: внимании, понимании и восхищении. И нам, женщинам, тоже необходимо восхищаться своим мужчиной, гордиться им и, как это ни грустно признавать, нуждаться в нем как социально, так и экономически. В противном случае, отношения становятся неуместными, начинают раздражать, а потом умирают.

Наши с Олегом отношения издохли. По многим причинам. А самое главное, я поняла, что сильная и что в нем не нуждаюсь. Особенно здесь, за четыре тысячи километров от родного дома.

18 июня

*Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня...*

К. Бальмонт

Я устала и хочу домой, к маме: отдохнуть, поплакать, набраться сил. Или просто затаиться на всю оставшуюся жизнь и уже никогда не вылезать из норы. Была бы верующая, ушла б в монастырь. Пусть даже католический...

Вчера на какой-то момент мне стало страшно: я ощутила себя душевнобольной, неадекватной. Все меня раздражает и ранит...

Вчера Ирина разразилась сентенцией из-за поварешки, которую я закинула в посудомоечную машину, а не вымыла руками. В заключение нравоучения она отмыла половник и покрутила им у меня перед носом, мол, вот так поступают умные, хорошие, неленивые люди. Мне ужасно захотелось плюнуть в лицо глупой бабе и послать ее ко всем чертям! Эмоциональная интеллигентность ей не под силу. Ирина черства и безучастна к людям, даже к самым близким. Ну не дано человеку, что ж поделаешь...

...Главное для меня – это сохранить душевный покой, уверенность в силах, желание жить, продолжать бороться, покорять, быть первой... Ни в коем случае не потерять ощущение радости бытия, того, что имею – мою вечную душу, что птицы, что весна, что смех ребенка...

Я думала, что самоубийство лучшего друга излечило меня навсегда от дурацких мыслей о «бесконечной бесцельности мира». А может, и нет... Если бы не колоссальное чувство ответственности, разве бы я думала? Разве бы я не выбрала давным-давно?..

Ненавижу это мерзкое прозябание, это жалкое существование, эти ничемные, обиденные интересы, эту серость перед телевизором, это ненужное соседство в кровати, которое не греет, этот поцелуй со сжатыми в линию губами, этот немилостивый взгляд, если не думаю одинаково... Что могло бы меня удержать возле давно нелюбимого? Желание однозначно выправить ситуацию? А разве не наоборот: продолжать быть с ним значит оставаться в болоте обыденности, которое с каждым шагом засасывает все глубже? Он

это тоже понимает, потому и не удивлен, узнав, что стансы вместе с половецкими плясками закончились.

Заслужила ли я хоть какое-то пристанище? Видать, нет. Иду как вечный жид, в поисках очередного шатра, куда меня, быть может, прибудет на ночь. Живи этим днем, завтра наступит завтра. Не имей много вещей, они мешают в дороге. У меня есть дочь, которая нуждается в нормальной матери, нормальном детстве, друзьях, игрушках... Гребаное чувство ответственности!

19 июня

Вам ли, любящим баб да блюда, жизнь отдавать в угоду?!

В. Маяковский

Нет ничего лучше для преодоления душевного кризиса, чем работа с иностранцем! Пока напрягаешься, чтобы его понять, начисто забываешь о переживаниях, связанных с телефонным звонком бывшего супруга. Аллилуйя! Он там, а я здесь, и ему до меня никогда не добраться! Свободна!

Пока моя работа мне нравится. По утрам мы идем в парк наматывать километры, спокойненько, без лишней спешки. Во время прогулки дон Лео сообщает мне названия растений и цветов, просто предметов, я тут же, присев на корточки, записываю новые слова в блокнот, чтобы поучить попозже, и бегу догонять сеньора. Он останавливается, поджидая меня, успокаивающе помахивая рукой, мол, не торопись, а то запыхаешься. Ближе к полудню мы возвращаемся из парка и идем за покупками. В магазине у меня прежняя задача: запоминать слова, теперь из области продуктов.

Около часа приходит Маргарита – бывшая домработница дона Лео: учит меня готовить «Сопа де Мариску», иначе говоря, суп из морепродуктов. Я записываю рецепт, внимательно наблюдаю и запоминаю, через полчаса мне дают попробовать приготовленное блюдо: батюшки, да я в жизни ничего более вкусного не ела!

После обеда дон Лео отправляется спать, это называется «эчар уна сиэста», а у меня появляется время повторить новые слова и поучить грамматику.

За ужином, под грохот телевизора – мой старичок глуховат – происходит странный разговор.

- Ты ведь замужем? – спрашивает дон Лео.
- Да, – не моргнув глазом вру я. Вопрос «о замужестве» мы с Ирой давно обсудили: у замужней женщины меньше проблем с мужчинами независимо от их возраста, национальной принадлежности и семейного положения.
- И ты говорила, что у тебя есть дочь?
- Так и есть.
- Сейчас молодежь живет по принципу: дети от мужа, а все остальное при помощи презерватива, – и гаденько так засмеялся. У меня похолодело от страха внизу живота, но я собралась с силами и ответила:
- Я так не думаю, и я так не живу.
- Дон Лео еще больше развеселился на мои заявления, да так, что из глаз у него потекли слезы.
- Иди сюда, сядь мне на колени, детка. Да не бойся, меня уже не надо бояться.
- Я отрицательно помотала головой и на всякий случай отступила на шаг. Старик опять расхохотался:
- Я шутил, просто шутил, глупая!
- Меня он оставил в недоумении. Что он из себя представляет на самом деле, этот дон Лео? Будут ли у нас нормальные служебные отношения, или отставному военному нужны сердечно-служебные? Н-да, настроение паршивое.

20 июня

*Чтобы одно очистить, надо другое запачкать.
Закон Неразумного Сохранения Грязи*

Утром опять пришла Маргарита, чтобы научить меня купать старикана. Дело это нехитрое: набирается ванна, добавляется душистая пена для старых костей, ну а потом надо тереть его мочалкой. Интимные места, слава Богу, он моет сам. Чистенький дедуся обматывается огромным полотенцем, обрызгивается

одеколоном («Кельвин Клайн»! Спортивный парень, ничего не скажешь!), а в заключение получает легкий массаж.

Я все время была лишь наблюдателем, но когда дошли до массажа, дон Лео потребовал, чтобы Маргарита уступила место мне.

Граждане, ему понравилось так, что он застонал от удовольствия!..

А я ведь ничего особенного не делала: обычные массажные приемы, которые в свое время мы изучали «за компанию» с подругой, которая собиралась эмигрировать в Израиль. Марина была еврейкой больше по убеждениям, чем по рождению, так как известно, что мудрый народ отводит отцу минимальную роль и дитя получает фамилию и национальность благодаря матери. Несмотря на то, что ситуация у Марины была прямо противоположной, она выучила иврит, добилась разрешения от израильского правительства на въезд и довольно успешно пыталась приучить себя и семью к мысли, что ничего плохого в ношении звезды Давида нет, что знание Талмуда расширяет сознание и образование и что призыв Танюшки в армию там все же не так страшен, как призыв Алеши в армию здесь. Твердо убеждена она была лишь в том, что из сегодняшней России надо уезжать во что бы то ни стало.

Так вот, Марина и привела меня на эти курсы, полагая, что и мне не повредят базовые знания в умении делать что-либо руками.

Такая практичность с ее стороны позволяет нам обеим заработать на кусок хлеба на противоположных берегах Средиземного моря.

Похоже, что придется эту петрушку с купанием терпеть два раза в неделю. Пока Маргарита со мной рядом, я спокойна, а вот что буду одна делать – вопрос.

Сама себе напоминаю храброго солдатика, который сражается с закрытыми глазами.

21 июня

Когда события принимают крутой оборот, все смываются.

Закон Линча

Как выяснилось, не зря я опасалась. Сегодня этот старый козел попытался усесться мне на колени в позе «лицо к лицу».

Разумеется, юбка высоко задралась на бедрах, в то время как

хозяин торопливо мямлил мне грудь. Такое поведение, мягко говоря, не совсем совпадает с моими представлениями о дружбе или взаимоотношениях между работницей и нанимателем. Не понимаю, почему Лео неприятно удивился, когда я ему сказала:

– Но, дон Лео, но...

Накрыла ему ужин и заперлась в ванной комнате, пытаюсь побороть подступившую тошноту. Через минуту слышу:

– Суси, иди сюда!

Я вышла из моего убежища:

– Что случилось? – довольно недружелюбно спросила я.

– Почему ты со мной не ужинаешь?

Боясь разреветься, я только махнула рукой и убежала.

Через час старый павиан попытался объяснить; называя то, что он сделал, «жестом дружбы». Я попросила закрыть тему и не возвращаться к ней вновь. Настырный сообщает, что его народ, то есть испанцы, гораздо более открыты в вопросах секса и полов.

– У нас разные культуры, – делаю сам собой напрашивающийся вывод я.

– Именно! – горячо соглашается дед, не понимая иронии.

Ну и ладно, как говорится, консенсус был достигнут, хотя у меня и оставалась куча вопросов. Наконец я поняла чувства глухонемого Герасима, когда есть что сказать, но – черт побери! – не знаешь как.

22 июня

Возлюби ближнего своего» – это значит прежде всего: «Оставь ближнего своего в покое» – и как раз эта деталь добродетели связана с наибольшими трудностями.

Ф. Ницше

Кажется, я уже могу начинать «Записки из дурдома». Новая глава называется «Воскресенье, или Как выдурить выходной день». После бурных дебатов было решено, что хотя в принципе я не устаю на работе у Лео – и это сушая правда – мне полагается

шесть часов в субботу – с 16.00 по 22.00 и в воскресенье – целый день с возвращением в 22.00. Иначе говоря, ночевать я обязана у него в доме. А я размечталась о небольших посиделках, о длинных беседах на родном языке, о рюмочке-другой коньяка или о дискотеке, а тут нате, обломитесь, гражданка домработница!

Похоже, что мой работодатель не кто иной, как рабовладелец. Следит даже за тем, чтобы я каждую ночь чистила зубы и принимала душ, опасаясь, вероятно, что в варварской России такие привычки не в ходу. Что касается моей личной половой жизни, так и тут ему интересно, отсюда и вопросы о детях и о презервативах, отсюда и указание ночевать в доме... Ну разве это не рабство?

У меня начали появляться шаловливые мысли о сексе. И все из-за Лео, черт бы его побрал с его идиотскими вопросами и поведением! Думала, что я себя забронировала, но уж очень жаркое здесь солнце, слишком уж чересчур наполнено все жизнью, да и времени прошло, старушка, предостаточно. Эх, молодость, молодость...

Становится абсолютно понятно, что долго выдержать рабскую жизнь не получится, я совсем по-другому устроена. Готова работать и отдавать свои силы и труд, но мое личное пространство должно оставаться моим личным пространством, и никто, никто не имеет право посягать на него. А рабство – даже у меня на родине – отменили еще в позапрошлом веке, дон Лео!

Попытаюсь продержаться хотя бы месяц, чтобы хоть немного подкопить денег: на жизнь и на квартиру, а потом уйду, однозначно уйду!

Вечером, как полагается, совершилось омовение, на этот раз один на один. После ссоры вел себя прилично, даже не сделал ни одного идиотского комментария.

23 июня

Компромисс всегда обходится дороже, чем любая из альтернатив.

Закон Джухени

Ура, ура! У меня первый выходной. Пусть всего шесть часов, но на воле! А потом, кто сказал, что я обязана возвращаться ночью? Так будет, если я захочу. И никто мне не указ.

С таким настроем я заявила в дом моих русских приятелей. Разумеется, когда Вася заговорил о возможном походе на дискотеку, я тут же внесла себя в списки, хотя никто меня и не приглашал. Впрочем, я могла пойти совершенно одна, так как деньги у меня были – Лео благородно оплатил отработанную неделю. Другое дело, что Мадрида не знаю, да и вместе веселее.

Вышли около одиннадцати, предупредив все-таки хозяина, что овечка хочет немного отбиться от пастыря и прибиться к другому стаду. Было дано высочайшее разрешение до двух утра. Я возмутилась. Как же так, если дискотека открывается в двенадцать, каким это образом я могу повеселиться до двух, то есть всего один час, учитывая дорогу. Но старый был непреклонен: или так, или убирайся из дома. Ни к селу ни к городу припомнил свою внучку, которая пропадает на дискотеках до шести утра и, по его словам, трахается там же со всеми подряд... Старый мерзкий кретин! Феодал! Похоже, этот придурок помешан на теме секса. Грустная история о старом Лео, который закончил половую карьеру, так и не насладившись ею вдоволь...

И мы попали на фиесту! Совершенно случайно...

Втроем мы вышли из метро Соль и тотчас очутились в плотной полураздетой толпе. Эти люди были странно одеты, а подчас полураздеты. Мы как вкопанные остановились около выхода из метро. Во-первых, не было никакой возможности передвигаться, а во-вторых, и здесь было интересно. Прямо перед нашими глазами, около конной статуи Карлоса Третьего, соорудили подмости, на которых находилась странная группа мужчин. У одних классические мужские прически и офисные квадратные очки сочетались с розовыми костюмными тройками, у других – купальные трусы или обтягивающие попки джинсы сочетались с обнаженными торсами, надо сказать, мускулистыми и привлекательными. По плечам некоторых мужчин струились яркие боа.

– Карнавал, что ли? – задохнулась я от восторга.

– Я вспомнил! – закричал Васек. – Это гомики собрались, у них сегодня День Гордости.

– Чего-чего? – не поверил своим ушам Вовка.

– Ну да, они ж добиваются, чтобы и их за нормальных считали... Чтобы жениться могли, замуж там выходить, детей рожать...

– Вася, что ты буровишь? Каких детей? У мальчика с мальчиком детки не рождаются, – продолжал Вовка, обращаясь к Васе как к полоумному.

– Черт, ты только посмотри!

Вовка, опираясь локтями на гранитный парапет метро и свесив голову вниз, тыкал пальцем в направлении входа в метро.

В этот самый момент из подземки вынырнула очередная группка, размахивая шестицветным флагом. Возглавлял ребят высокий блондин с распущенными по плечам волосами, обалденной мускулистой фигурой, одетый в кроссовки и... фиговый лист.

– Ты так сильно не наклоняйся, – незлобиво посоветовал Вася, – зад побереги.

Мы дружно захохотали и начали вытискиваться из толпы. Вообще-то мне понравилось, я бы еще с удовольствием понаблюдала за борьбой за права человека, выраженной в такой необычной форме, но ребята не разделяли моего энтузиазма, говоря, что среди такого огромного числа гомиков, они-де чувствуют себя беззащитными.

Видимо, баталии с моим эксплуататором повлияли на мой настрой, и наслаждения от музыки и танцев я не получила. Все было на высшем европейском уровне: два мускулистых кубинца у входной двери, качественное цветное и музыкальное оформление, типичная западная молодежь – не разодетая в пух и прах, а по-простому, в слаксах да удобных летних платьях. Они беззаботно попивали коктейли из бокалов, пытались снимать и сниматься: им-то не надо думать о крыше над головой, они с папами-мамами живут. Впрочем, разве эти парни и девушки в этом виноваты? Каждый сам делает свой выбор...

Васек проводил меня до дома плантатора и внезапно сказал:

– Не переживай, старушка, трудно первые сто лет.

– Ты о чем, Вася?

– Сама знаешь, о чем... Все одиночки через это прошли. Сначала все болит и ломит, а потом привыкаешь и почти не замечаешь, что есть такая вещь классная – сексом называется. Смотрю на тебя и себя вспоминаю.

– Вася, ты серьезно? Это так сильно заметно?

– Заметно для того, кто через это прошел.

– И что же это?

– Глаза. Взгляд голодной волчицы.

24 июня

Падает камень на кувшин – горе кувшину, падает кувшин на камень – горе кувшину; так или иначе, все горе кувшину.

Талмуд

Этим утром со мной не разговаривают, я наказана за плохое поведение и «половую невоздержанность». Потом объявляется поход – знакомство с его детьми. Простите, а как же мой выходной?.. В другой жизни, здесь – это вам не тут.

Итак, девять утра. Пьем кофе с младшим сыном – Анхелем. Это высокий, нечесаный очкарик, и у него свой собственный бизнес – газетный киоск. Меня он рассматривал совсем не стесняясь, как на выставке пуританских картин. Потом одобрительно кивнул отцу:

– Она ничего, хороша.

Плантатор приосанился: как же, похвалили его вещь!

– Недурна, правда? И работает хорошо.

Я усердно пью кофе, делая вид, что мне безразлично, когда говорят в моем присутствии, как будто я не существую. Даже предположив, что я ничего не понимаю, это невежливо, некрасиво. Сразу видно, этот Анхель – любимый сыночек старикана: такой же мужлан. Ритуал кофепития, к моему удовольствию, закончился довольно быстро. Парень оставил папуле кипу газет в подарок и, распрощавшись с нами, ушел: мелкие капиталисты по воскресеньям тоже работают.

В десять около бара, где мы пили кофе, нас ждал белый Сеат. Из него вышел среднего роста худощавый бородач – тоже в очках – протянул мне руку для знакомства и представился:

– Хуан. Рад познакомиться.

– Сусанна. Я тоже.

Похоже, в этой семье есть и приятные люди!

Хуан со своей семьей живет в собственном доме с небольшим бассейном в пригороде Мадрида, кажется, в Ривас.

Меня представляют жене – Кармен, которая работает в школе учительницей, и их детям-погодкам – Давиду и Лео. Младшенький оказался тем еще фруктом: для начала он в меня плюнул, видимо, чтобы знакомство с ним стало незабываемым фактом моей биографии, а затем, уже в бассейне, каждый раз когда он ко мне подплывал, то незаметно от всех щипал за грудь. Вот уж дедушкины гены!

Росио оказалась очаровательной женщиной. После традиционного испанского обеда, состоящего из овощной паэльи, каких-то белых червячков в чесночном соусе – гулас, оливок и кучи разных фруктов, мы остались наедине с Росио и проговорили около двух часов на испанском! Меня расслабило ее дружелюбие, готовность понять, знание английского, который, кстати, начал выветриваться у меня из головы. Я сумела рассказать о своем путешествии, о том, где и как работала, о моей дочке, даже о политической и экономической ситуации России...

Наконец-то, снова в Мадриде! Сейчас около шести, я еще успею сбегать к ребятам, расслабиться и поговорить по-русски.

Не тут-то было: у нас запланирован еще один визит: к старшей дочери – Марианхелес!

Нас и здесь встретили очень сердечно: Марианхелес – в летних коротких шортах, маленькая, с густыми каштановыми волосами и ее муж, тоже невысокий, с пузцом, но приятной улыбкой и внимательными светлыми глазами расцеловали, напоили кофе и все такое. У старшенькой тоже собственный трехэтажный дом с садом и бассейном, но в Мадриде, а не в пригороде. Дело в том, что наш муж – директор банка. Всем бы такое везенье, да не у всех такая счастливая звезда. Здесь я познакомилась с той самой внучкой, которая «выгуливается» до шести утра. Нормальная симпатичная семнадцатилетняя девушка, о чем я и сказала матери, когда она убежала:

– Нет, – возразила она, – это ты симпатичная и хорошенькая.

С ума они все походили? На мой взгляд, быть блондинкой с голубыми глазами – вульгарно. А испанцы и латиноамериканцы наперегонки свистят вслед и провожают восхищенными взглядами. Сашка недавно перевел мне реплику рабочих со стройки: «Красотка, скажи, как тебя зовут, и я попрошу тебя в подарок у Деда Мороза!» Так, глядишь, и поверю во все эти восхваления, зазнаюсь и запишусь в участницы конкурса красоты – неважно, что рост 165 и, по крайней мере, 15 кило лишнего веса (что на 10

меньше первоначального!) главное, верить в себя и быть уверенной в победе.

Восемь вечера: усталая, но довольная, доползла до дома моих приятелей. В 22.00 – отбой. Ненавижу военных.

25 июня

*...А если сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется – и вот
я захохочу и радостно плюну...*

В. Маяковский

Сегодня, после утренней прогулки, у нас появилось игривое настроение, в смысле, у старого хрыча. Как только мы зашли в квартиру, он задрал мне подол платья в самом буквальном смысле слова и даже наклонился, чтобы получше все увидеть. Я спокойно отвела его руку и опустила подол.

– Простите, я вас не понимаю.

Старый гриб, судя по всему, пребывал в эйфории, поэтому не понял угрозы, скрывающейся за спокойствием.

– А что тут такого, – и схватился за край платья еще раз.

Я ударила его по руке, клянусь, чисто инстинктивно. Я вообще-то терпелива, но когда закипаю, то по-настоящему.

Сколько возмущения! Какая неблагодарность! По его словам, Васе я позволяю все что угодно, а ему, моему благодетелю и хозяину, видите ли, нельзя даже ног моих увидеть.

– И почему вы решили, что Васе позволено все? Только потому, что я с ним на дискотеку пошла? – все еще пытаюсь воззвать к благоразумию.

– Да, если идешь с парнем на дискотеку, то все понятно, чем это заканчивается.

Я только зарычала от гнева. Старый идиот! У этого индивидуума понятие о дружбе между мужчиной и женщиной абсолютно атрофировано. Здесь это называют «мачиста», а по-нашему – «все бабы б...».

«Мачисты» встречаются в любой стране и при любом политическом режиме. В моем советском детстве был такой персонаж: дедок из соседнего дома, которого все звали пан Заюбкин. Очень уж ему нравилось задирать нам, девчущкам, играющими в «классы», юбки. Мог и за попку ущипнуть – от обилия чувств. Мы жаловались нашим мамам, те шли с протестами к пану Заленскому и натыкались на броню в виде его супруги. Она быстро переходила в атаку, указывая нашим мамам на «развратное поведение» их дочерей. Пришлось моей маме после энного визита пригрозить милицией, и пусть, мол, она разбирается...

Так что дело не только в мужчинах, а еще и в женщинах, готовых поступиться чувством собственного достоинства.

Да, тут мамы нет, и свои проблемы я должна решать сама: уже большая девочка.

Вечером дон Лео учил меня играть в испанские карты: муш. Было довольно забавно и совершенно не похоже на те карточные игры, что я знала. Если бы была хоть малейшая возможность проводить время с Лео таким спокойным и мирным образом – лучшего и желать не надо!

26 июня

Люди труднее всего прощают нам то плохое, что они о нас сказали.

А. Моруа

Мы с Василием – безработные. Вася разругался с Сашей и ушел... Причем ушел чисто по-русски: с запоем. Я считаю дни до первого июля, чтобы тоже уволиться: жить со стариком становится просто невыносимо.

Вася с Вовкой уже подыскивают квартиру, чтобы съехать от Ломтевых. Надеюсь, что и мне в их берлоге отыщется самая маленькая комната, где я буду жить одна, где буду абсолютно независима от прихотей старого павиана. А работа найдется, не может быть, чтобы не нашлась

Ан нет, не все так просто в нашем королевстве. В обеденный перерыв, предчувствуя что-то недоброе, я заглянула в гости к Ире и нашла Вовку и Васю сидящими около подъезда со всем своим скарбом.

- Мальчишки, вы что здесь делаете? – удивилась я.
- Загораем! – бодро и одновременно зло ответил Вовка.
- И чемоданы тоже?
- А чего там, пусть тоже свежим воздухом подышат!
- Что случилось?
- Изгнаны из рая за плохое поведение, – с невеселым смешочком сказал Вовка. Вася за все время не проронил ни слова.
- И что же вы делать теперь будете? Квартиру уже нашли? – ситуацию я просекла мгновенно, зная немного Сашу с его замашками царя-батюшки: или слушаешь его во всем, или пошел куда знаешь.
- А зачем? Нам и тут неплохо: бар рядом, хорошенькие девушки так и ходят кругами – чего больше желать?
- Я серьезно спрашиваю!
- Я домой уезжаю, – мрачно, но решительно заявил Василий.
- Как же так, Вася? У тебя ж документы на легализацию практически на руках. Ты готов за минуту потерять то, что тебе с неба свалилось? Сашка с Ирой уже два года здесь нелегально живут, а ты только приехал, и вот она – амнистия для незаконно пересекших границу! Это же подарок судьбы! Вась, не отступай, не позволяй себе раскисать. Сделаешь что-то в запале, а потом жалеть будешь.
- Я ему то же самое говорю, только он не слушает, – сказал Вовка. Подъехало такси. Вася встал, отряхнул смятые от долгого сидения брюки и сказал:
  - Это за мной. Давайте прощаться.
  - Я думала, он шутит, – не веря себе, прошептала я.
  - Я тоже так думал, пока этот придурок такси не вызвал, – с озабоченной миной ответил Вовка. – Тут только один человек помочь может...
  - Саша? Я тоже про него подумала.
  - Саша? – поморщился Вовка. – Да Васька про него и слышать не желает. Нет, я имел в виду Иру. Пусть она этот семейный конфликт и разбирает. Сама же все и затеяла... – проворчал он.
  - Как? – удивилась я. – Не может быть! Черт побери! Немедленно говори, что между ними произошло!

– Сашка, по мнению Василия, не доплачивал ему крупные суммы денег за ремонтные работы. Мнение, внушенное, кстати говоря, всем известной деятельницей Ирой. А того не понимает наш юный болван, что заказ надо найти, а к нему имя приставить, которому клиент доверяет. А ты говоришь – Ира! Ты ее пока не очень хорошо знаешь. Та еще интриганка! Глупая, правда, под собой же сук и пилит.

Между тем Василий зря времени не терял, загружая чемоданы в багажник такси.

– Могли бы и помочь, – укорил он.

– Я в глупостях не помощник, – сложив руки на груди, заявил Вовка.

– А я и подавно, – повторив жест Вовки, я встала рядом с ним в агрессивно-выжидательную позу.

– Ну и хрен с вами, – безобидно сказал Васек. – Ну, покедова. Приветы всем передавать или выборочно?

– Давай вали, не затягивай время. А то мы подумаем, что ты хочешь остаться. А приветы бабушке своей передай.

– Как же с вами тяжело, – вздохнул Вася, захлопывая дверцу машины. Такси медленно тронулось, а наш приятель, высунув голову в окно, проорал:

– Не поминайте лихом!

Я ошарашенно смотрела на Вовку. Неужели он ничего не предпримет, ведь Васек – его друг? А Вовка, как только такси исчезло за углом, достал мобильник из заднего кармана брюк и позвонил:

– Ира? Ты где? Поворачивай в Барахас на отлов Василия. Самолет вылетает почти в двенадцать ночи, время есть, но и поторопиться надо. Он заупрямился как осел. Не сможешь, говоришь? – голос у Вовки опасно опустился. – Ты лучше смоги. О'кей? Будут новости – звони, – и отключился.

27 июня

В конце концов наши отношения испортились до такой степени, что оставалось одно: договориться, что мы чрезвычайно уважаем друг друга.

Относительное затишье. С утра плантатор объявил, что надо ехать в госпиталь, сдать анализы, ну а я, естественно, должна его сопровождать... В качестве телохранителя, что ли? Впрочем, в одном старый прав: анализы ему давно пора сдать, только не на уровень холестерина в крови, а на психическую нормальность... И если есть такой тип анализа, как уровень сексуальной озабоченности – тоже не помешало бы.

Поездка в госпиталь удалась на славу, без эксцессов, спокойно. Кто бы мог подумать, что кому-то может понравиться в больнице? Но здесь не воняло ни пенициллином, ни мочой; не сидели, сгорбившись, на неудобных стульях старики в бесконечной очереди; не кричала измотанная уборщица с нищенской зарплатой на бестолковых, не желающих поднять ноги, в то время как она намывает полы под лавками. Здесь все наоборот: широкие светлые коридоры, симпатичные, улыбающиеся медсестрички в зеленых халатах, ненавязчивое жужжание кондиционера, запах кофе и освежителя воздуха. Нет ни одного человека со шваброй в руках, как будто бы все это чистится по мановению волшебной палочки. Я понимаю, конечно, что это специальный, военный госпиталь, но, сдается мне, что это скорее норма, а не исключение из правил.

Со всеми, даже с медсестрами, Лео вел себя хорошо, не придерешься. Я думаю, что если кому-нибудь расскажу о его маразме, мне просто не поверят: уж очень приличный старикан!

До сих пор ничего не знаю о Васе. Надеюсь, Лео отпустит меня «в рабочий полдень» сбегать на опорный пункт, квартиру Иры.

...Слава Богу, Вася остался. Он здесь, в Мадриде, более конкретный адрес знает лишь Вовка. Теперь, когда самое ужасное позади, о таких мелочах можно не беспокоиться: со временем объявятся оба.

Ира не была настроена на легкую болтовню. Наоборот, стремилась закончить разговор как можно быстрее. Выяснилось, что она легко и быстро разыскала Василия в мадридском аэропорту (кто на свете всех умнее?), пригласила его на чашку кофе – ужасно дорогого, по ее словам (кто на свете всех щедрее?), и через пару часов парень понял, что совершает ужасную глупость. Так что до Вентаса они доехали вместе, ну а там их пути разошлись.

– Я сделала огромную работу. Надеюсь, что Саша это оценит. У него были бы большие неприятности с родителями, если бы Вася уехал накануне легализации.

Я благоразумно промолчала, не выдав ни жестом, ни словом Вовку, который обвинил Ирину в «братском конфликте».

28 июня

*Если один раз пожалеешь, что не сказал, то сто раз пожалеешь,
что не промолчал.*

Л.Н. Толстой

Этим утром, чтобы как-то занять себя, я принялась намыывать окна, напевая попури из русского фольклора: про уток, про очи черные и все в таком роде. Окна удобно вынимаются из рам, поэтому работа доставила мне удовольствие, а учитывая, что сеньор, немного понаблюдав, заскучал и удалился в скверик – поиграть в муш с приятелями, я была почти на седьмом небе от счастья.

К обеду пришла Маргарита – сделать покупки и науськать меня еще немного в поварском искусстве. В этот момент я обратилась к ней с вопросом: как себя вел дон Лео, когда они жили под одной крышей в течение одного года?

– Не понимаю, Сусанна, что ты имеешь в виду?

– Он к тебе не приставал? – грамматическое несовершенство фразы и дикий вопрос не давали ей понять сути.

– Как он может приставать, это же не томатная за жарка, – рассмеялась Маргарита.

– Глупая, как мужчина может лезть к женщине, вот как! – я разозлилась на саму себя оттого, что затронула тему, и оттого, что теперь не могу объясниться.

Наконец у пожилой эквадорки наступило прозрение:

– Как? – открыла рот она. – Как ты сказала? Он к тебе лезет? Да как такое возможно, он ведь стар!

– Ты серьезно? Лео садится мне на колени, задирает юбку и постоянно ведет разговор о сексе. И хотя я думаю, что сексуально он неактивен, тем не менее это неприятно.

– Подумать только! А ведь он зазывал мою дочку, чтобы работала у него, – вспомнила Маргарита. – Ни за что, только через мой труп! Спасибо, Сусанна, что предупредила.

– Не за что, – уныло сказала я. – Предупредить-то я предупредила, а вот проблему не решила.

29 июня

Воздержись от спора – спор есть самое невыгодное условие для убеждения. Мнения как гвозди: чем больше по ним колотить, тем крепче они вонзаются.

Ювенал

Сегодня разругались с Лео вдрызг. Ругались так, что между нами потрескивали электрические искры, как во время экспериментов в лаборатории у Эдисона.

Начну сначала. Как всегда, ранним утром – время хороших новостей – Лео объявляет:

– Завтра поедem в деревню в окрестностях Аранхуэза, где я родился и вырос. Там у меня есть дом. Нас отвезут на машине мои друзья: Пепа и Сантьяго. Потом пообедаем в хорошем ресторане запеченным барашком. У-у, – причмокнул от удовольствия старый гурман, – вот увидишь, мы прекрасно проведем время!

– И во сколько мы вернемся в Мадрид? – предчувствуя недоброе, спросила я.

– Какая разница, во сколько мы вернемся в Мадрид! Мы поедem наслаждаться, а не за часами следить! В семь, в восемь или раньше. Откуда я знаю?

Было очевидно, что Лео злился, чтобы придать убежденности кое-чему, в чем был неправ. Я решила сохранять спокойствие, не терять головы и не позволить ему спровоцировать скандала.

– Для меня этот вопрос имеет значение, потому что в четыре вечера начинается мой выходной, и он полностью распланирован.

– Распланирован? – задохнулся от возмущения Лео. – Как это «запланирован»? Разве ты не работаешь у меня?

– Конечно работаю, но в субботу – до четырех.

– До сколько я пожелаю!

Мне даже стало его немного жаль. Конечно, ему нужна в первую очередь компания, а мне – мое личное пространство. Так же, как

ему плохо в одиночестве, я задыхаюсь в его обществе, да и вообще в любом, если нет каких-то особенных чувств. С русскими ребятами другая история: они помогают мне расслабиться и спрятаться на какое-то время от потока новой информации: как социальной, так и языковой. Похоже, Лео этого понять не в силах. И не потому, что он плохой – нет, просто он никогда не был в моем положении или не хочет предположить его в силу своего эгоизма.

– Нет, дон Лео, у нас с Ирой планы. Вы же знакомы с ней, – похоже, я начала заранее оправдываться, мол, успокойся, ворчун, мои дела запланированы с женщиной, парни и сексуальные удовольствия тут ни при чем.

– Пусть она едет с нами, – тут же нашелся он.

– Она не захочет! – я уже отчаялась что-то объяснить и сорвалась на крик.

– Как это не захочет? Я ее приглашаю в ресторан за мой счет, а она не захочет? Бери телефон, звони ей. Увидишь, как она прибежит.

Спорить было бесполезно. Я набрала Ирин номер и посвятила ее в ход событий. Конечно, она отказалась, разумеется, ей некогда развлекаться, даже за чужой счет, у нее работа, вот если я оплачу час ее работы, она поедет. Это уже слишком! Я положила трубку и пожала плечами; я ж говорила.

– В таком случае, если не хочешь ехать со мной, оставайся со своей Ирой: пусть она тебе платит и дает кров, – оттарабанил деспот.

– Я не против поездки, – от бессилия я почти плакала, – я хочу знать, в котором часу мы будем в Мадриде.

– Ладно, – смягчился Лео, видя мои страдания. – Постараемся вернуться к пяти. Тебя устраивает?

Я замотала головой как китайский болванчик. Из глаз ручьем текли слезы – казалось напряжение разговора, дурацкое заявление Иры, да и события предшествующих дней тоже. Лео подошел, взял меня за руку, поднес ее к своим губам и поцеловал:

– Прости меня, дочка. Я не хотел тебя обидеть.

Я замотала головой и закусила губу, чтобы еще больше не разреветься.

Час спустя сидим на террасе: я ем инжир, он пьет кока-колу.

– Дон Лео, когда у вас день рождения? – задала я вопрос, который с некоторых пор меня интересовал.

– Первого апреля, – говорит он.

Я смеюсь, искренно смеюсь.

– В чем дело? – удивляется Лео, тоже похихикивая, зараженный смешинкой.

– Я тоже родилась в апреле!

– Я это почувствовал сердцем, – серьезно ответил Лео.

30 Июня

*Трубка дает умному человеку возможность подумать, а дураку –
поддержать что-то во рту.*

Парадокс Тришмена

Суббота. Девять вечера. Мы сидим в зале ожидания в госпитале. Мы – это Сантьяго, Пепа и я. Ожидаем известий о Лео. Впрочем, все по порядку.

Ранним утром мы выехали из Мадрида. День выдался, как всегда, погожий. За все время, что нахожусь здесь, пока не упала ни единая капля дождя, не промелькнуло ни одно облачко. Поток машин мчался из пыльного раскаленного города в деревню, в прохладу тенистых деревьев...

Сантьяго вел машину на огромной скорости. Взглянув на спидометр, я онемела от восторга и ужаса. Сто сорок километров в час!

– Сантьяго, извини, мы не слишком быстро едем?

– Что, страшно? – рассмеялся лихой водитель.

– Вообще-то да, – честно сказала я.

– В России так не ездят?

– У нас дороги плохие, – неохотно призналась я, благоразумно умолчав про классических дураков.

– Да... Да ты не переживай, у нас было то же самое, потом этот самый Европейский Союз помог.

– У нас все наоборот: мы всем помогали, а теперь на калачах сидим, – я, конечно, сказала «на хлебе», потому что до «калачей» еще не дошла, да и не знаю, скоро ли дойду. Как будто меня подслушав, Сантьяго говорит:

– Как идет изучение испанского? Легко?

– Нет... – скривилась я.

– Ну ты же говоришь. Или раньше изучала?

– Нет, я не изучала раньше испанский. Вот за месяц кое-что...

– За месяц? – восхитился Сантьяго, а его жена недоверчиво покосилась на меня.

– О, она очень умна, – вклинился мой хозяин, – и трудолюбивая. Целый день что-то делает. И поет!

Все рассмеялись, а я покраснела: ну похвалил, так похвалил!

Доехали мы без приключений и, разумеется, очень быстро. Машина остановилась около одноэтажного, выкрашенного белой краской каменного дома. Вокруг дома росли дикие неухоженные абрикосы, инжир, какая-то разновидность слив и высокая, поднимающаяся на высоту окон, трава. В доме, где никто не жил, пахло сыростью и затхлостью необитаемого помещения, поэтому первым делом мы дружно бросились открывать окна – на солнышко, на волю!

– После церемонного осмотра территорий как внутри, так и снаружи вся компания уселась за столик, накрытый зеленым сукном.

– Будем играть в муш! – объявил Лео. Тут меня осенило: так вот к чему велись тренировки! Ладно, покажем, на что способны русские, мне б чуть-чуть везения, а там увидим. Играли пара на пару: я с Лео, а Пепа со своим мужем. Уж не знаю, каким образом, но мы постоянно выигрывали! Правил игры я толком не знаю, поэтому Лео постоянно заглядывал в мои карты и подсказывал ходы. Так незаметно приблизилось время обеда.

Обедают здесь довольно поздно по русским понятиям – около двух часов. Вообще-то оно и понятно: солнце летом заходит поздно, где-то в десять вечера, поэтому еда распределена таким образом: в девять утра – легкий завтрак, с двух до четырех – плотный обед с последующим часовым сном, в шесть – полдник, состоящий из фруктов, бутерброда или йогурта, и в девять тридцать – ужин. Думаете, при таком распорядке испанцы толстые? Ничего подобного! Взять того же Лео: в семьдесят восемь лет он

поджарый, сухонький, и с неизменной сигарой во рту – истинный плантатор! Как говорят сами испанцы, толстеют не от еды, а от софы.

Горячий воздух окутывает нас, как только мы выходим из сырой прохлады дома.

– Вот это да! – воскликнул Сантьяго. – Не меньше пятидесяти градусов!

Я с ним мысленно согласилась, а Лео потребовал быстро залезть в машину и включить кондиционер.

Ресторан находился в десяти минутах езды – одноэтажное, ничем не выдающееся здание, без затей и заморочек: это место для еды, а не для демонстраций содержимого кошелька. Сантьяго припарковал машину недалеко от входа, и Лео, выйдя наружу, тут же засунул в рот неизменную сигару. Вдруг его пошатнуло, он остановился, опустил голову вниз, положив руки на колени, и тяжело задышал. Сигара выпала у него изо рта, а подоспевший Сантьяго с яростью раздавил ее.

– Что? Что случилось, Лео? Ты меня слышишь?

– Да, да... – он успокаивающе махнул рукой, давая понять, что ничего страшного не произошло и ситуация под контролем. – Жарко...

– Ах, эта жара кого хочешь доведет до приступа! – сказала Пепа. Я на нее недовольно посмотрела: чего каркать? Какой приступ?

Вся наша четверка поспешила войти в здание, а Лео, увидев вентилятор возле одного столика, коршуном набросился на него. Что ж, по крайней мере сейчас я его видела вполне восстановившимся.

Официант появился почти мгновенно, поприветствовал моего хозяина как старинного и почетного клиента и попросил заказ. Всем народом решили, что для начала надо съесть небольшую горку салата, дюжину крокет, еще три закуски, названий которых не помню, и в довершение – большую гору бараньих ребер. Как все это количество можно съесть вчетвером, не знаю...

Закуски появились через пару минут, а запивать все нам предложили красным вином Риоха с газировкой. На еду накинулись с таким аппетитом, будто сегодняшнему дню предшествовало три дня голодовки. Я посмотрела на хозяина – как он? Надо признать, Лео не отставал от своих друзей в поглощении закусок. «Ну и

Слава Богу», – подумала я. Хоть он тиран и деспот, а подчас ведет себя как полный придурок, но зла я ему не желаю.

Торжественно внесли большое блюдо с ребрышками барашка, запеченными на открытом огне. Блюдо было встречено одобрительными возгласами, разве что не аплодисментами. Не могу поверить в то, что у людей существует самый натуральный культ еды! Мне это показалось не совсем деликатным, не совсем утонченным, неаристократичным, что ли... есть в такую жару мне не хотелось, но чтобы никого не обидеть, я лениво и не очень ловко орудовала ножом и вилкой, сосредоточенно отделяя все куски жира, за что уже получила неодобрительный взгляд со стороны Пепы.

Вот тут-то и случилось настоящее «вдруг». Не переставая жевать барашка, дон Лео захрипел и откинулся на спинку стула, запрокинув назад голову, дернувшись при этом всем телом. Я увидела, что его брюки горчичного цвета вдруг начали приобретать гораздо более темный оттенок. «Конвульсии, непроизвольное мочеиспускание: он умер!» – пронеслось у меня в голове. Дон Лео еще раз всхрипнул, и тут я увидела, что во рту у него полно еды и что если он не умер от сердечного приступа, то запросто может умереть от удушья. Я кинулась на выручку: обхватив левой рукой его голову, я запустила указательный палец правой в набитый едой рот, пытаюсь выудить за один раз все, что находилось там. По мере того как сознание покидало Лео, его челюсти сжимались все плотнее и плотнее. Через несколько секунд, когда нажим усилился и медлить уже было нельзя, я с силой выдернула палец, сложенный крюком, вытаскивая непрожеванную пищу. Сантьяго умчался за помощью, а Пепя стояла, вытянув шею, наблюдая за моими действиями.

– Еда, – пояснила я, выбрасывая едва пережеванные остатки на пол.

Она одобрительно мотнула головой и закрыла, наконец, рот. Удивительно, как кстати пришлось многолетнее науськивание на занятиях НВП (начальной военно-политической подготовки, для тех, кто не учился в советской школе) при оказании первой помощи! Прибежал шеф ресторана, несколько официантов и Сантьяго, заверяя постепенно приходящего в себя Лео, что скорая уже выехала. Старик чувствовал себя неважно – и физически, и морально: он уже увидел мокрые штаны. Медленно он полез за кошельком в карман брюк, вынимая деньги, чтобы расплатиться. Шеф замахал руками, мол, какие деньги, лишь бы клиент пришел

полностью в себя и не жаловался ни на что. И тем не менее, дон Лео настоял. Я незаметно обернула салфеткой кровоточащий палец, с этим разберемся позднее, сейчас главное – Лео на ноги поставить.

Машина скорой помощи прибыла через каких-то десять минут. Санитары с величайшей осторожностью вывели старика на воздух, заверяя, что в машине есть кондиционер и что он обязан поехать в госпиталь, чтобы сдать кое-какие анализы. Лео был мягок как воск и не спорил.

Дальше началась гонка похлеще утренней: скорая неслась на ста пятидесяти, и мы с Сантьяго и Пепой не отставали ни на миллиметр. Вот уже три часа как наша троица бродит вокруг госпиталя в ожидании результатов.

Наконец на кресле-каталке вывезли Лео. Все хорошо, просто резко упало кровяное давление, что вполне понятно по причине невыносимой жары и преклонного возраста. Надо поберечься, не курить и есть только легкую пищу. Во всем остальном это чудесный, здоровый старикан, еще до ста лет дотянет. Ну и замечательно, я только рада!

1 июля

*Не помню сам, как вошел туда,
Настолько сон меня опутал ложью,
Когда я сбился с верного следа.
Данте Алигьери.*

*...Нас – двое,
Ораненных, загнанных ланями...
В. Маяковский*

Этим утром мы опять отправились в госпиталь. На этот раз дело было во мне: за ночь укушенный палец так распух, что я не могла даже тряпку отжать, чтобы вытереть после завтрака стол. Лео это заметил, поинтересовался, как это со мной случилось, и, когда я, с

трудом подбирая нужные слова, рассказала все, что произошло, он онемел от обилия чувств.

– Ты спасала мне жизнь?

– Я подумала, что вы можете задохнуться, – пояснила я свое поведение. Мол, ничего героического, просто рефлекс: человеку плохо, значит, надо спасать.

– Надо срочно сделать противостолбнячную сыворотку! – решительно заявил мой работодатель.

– Не надо, зачем?

– Как это зачем? – возмутился моей непонятливости Лео. – Здесь жаркий климат, надо беречься.

Подумав, я согласилась, не мешает подстраховаться.

После госпиталя меня отпустили погулять в одиночестве целых три часа: «О, на волю, на волю, как все!»

Вечером бродили с Лео по парку Фуэнте де Берро. Меня ужасно занимает растительный мир новой страны. Обнаружила какое-то странное дерево с темно-зелеными продолговатыми листьями вперемежку со светло-зелеными круглыми. Подошла поближе: оказалось, апельсиновое дерево с еще зелеными плодами! Здорово! Тут же, совсем недалеко от него, стоит огромное тутовое дерево с длинными, в мизинец длиной, плодами. Я не удержалась: подошла, наклонила к себе ветку, сорвала и отправила в рот сочную ягоду, вызвав бурю негодования со стороны Лео. Оказалось, что есть можно только то, что продается в фруктовых магазинах, куда фрукты привозят из селекционных садов, находящихся вдали от запыленных городов. Предположим, я знаю намного больше и про пыль, и про загрязнение, и про уровень радиологической активности, так что не ему меня учить.

2 июля

Мир реальный – не более чем один из возможных миров...

Е.В. Клюев

Вчера, подсчитав деньги, я захотела сделать себе любимой небольшой, но крайне необходимый в моем гардеробе подарок: штаны. Помимо первой причины – все становится слишком

просторным в силу стремительного снижения веса – была и другая: штаны не так легко задрать вверх, как юбку, чтобы насладиться прелестями тридцатилетней женщины.

Я выбрала расширяющиеся книзу брюки бежевого цвета, с удовольствием отметив сужение талии на два размера. Кажется, испанский климат и пища идут впрок, по крайней мере, как я это понимаю. От радости я купила к брючкам джинсовую блузку без рукавов и с отложным воротничком: получилось очень мило!

Сейчас, когда я могу побыть наедине с самой собой, не напрягаясь в попытке понять обращенную ко мне на испанском языке фразу, вспомнилась Россия... Мои шепотные и верные подруги-училки, не потерявшие ни достоинства, ни чувства юмора, несмотря на круговерть девяностых... Друг детства, Герка, благодаря которому я в очередной раз сумела по-другому увидеть мою жизнь и решиться на поступок. Не хватало малости: я должна была созреть.

Все изменилось в тот момент, когда я попала в больницу с кровотечением. Молодая докторица важно заявила, что нужна срочная операция. На мое робкое предложение подождать до завтра ответила:

– Вы мне не доверяете как профессионалу?

Как говорится, не в бровь а в глаз: да, я ей не доверяла. Более того, я испытывала такой панический ужас от возможной операции, что заранее решила, что не выживу... А ведь это так просто сказать: «Да, уважаемая, я вам не доверяю!» Ну, это сейчас попроще... А тогда... Неправильное воспитание, помноженное на эмоциональную незрелость дает дурные плоды.

С мыслью, что после операции я окажусь уже в другом мире, где не будет страданий и борьбы за выживание, и что это даже к лучшему, я позволила сделать анестезию. Очнувшись наутро в палате, залитой солнцем, подумала: «Как здесь все славно устроено: тишина, покой и свет». Потом зашла медсестра и чары рассеялись, но где-то в подсознании засела мысль, что мир изменился для меня раз и навсегда, что отныне мне предстоит жить в новом, неведомом мире и что мир новый будет значительно добрее ко мне, чем мир старый, так как отныне все мои желания и стремления будут исполняться. Аллилуйя!

Наверное, у меня произошло освобождение от условностей, прежних привычек, негативного взгляда на происходящее: я умерла для реального мира и родилась в ирреальном. Здесь гораздо интересней!

3 июля

Выдержка – это способность с наслаждением слушать, как вам рассказывают вашу любимую шутку.

Неизвестный автор

Лео пришел в себя окончательно: приступ прошел, а маразмы, как им и положено, продолжают.

Утром готовлю кофе как ему нравится – без кофеина и с цельным молоком. Поджариваю хлеб в тостере, достаю маргарин и апельсиновый мармелад из холодильника – обычная суета с завтраком. В это время сзади подходит хозяин, обнимает и целует меня в шею. Разумеется, у меня вывалилось все, что было в руках: чашка и сахарница.

– Я хотел поблагодарить тебя за все, что произошло в субботу.

Оригинально!

– Не надо меня так благодарить, – как можно спокойнее сказала я.

– Разве тебе не хочется ласки? Мне – да.

Я остолбенела от возникшей ситуации и всего услышанного, а Лео как ни в чем не бывало пошаркал к любимому креслу. Может, и в самом деле, надо спокойней ко всему относиться, не придавая большого значения вещам, – подумает, старческий поцелуй в шейку! Так советует мудрая Ира. Ну это если не живешь под одной крышей с человеком, который с тобой чрезвычайно ласков, то ничего страшного, можно и посмеяться над его притязаниями. Но у нас-то другой расклад! Думаю, что Ирина мне не верит или думает, что я вижу то, чего нет – в силу воображения, как говорится.

Сегодня по плану баня. Хозяин зачем-то перенес ее на вечер, а не на привычное дневное время. Все вместе меня немного пугает: то ласки ему хочется, то баня на ночь глядя. Успокойся, детка, не загадывай: мысли, они, знаешь ли, предопределяют реальность.

4 июля

Предполагать действительно очень легко.

Два часа ночи. Не спится. Уже вчера ушла с работы. Довел меня старый хрыч, или я его? Оказывается, я сплю с Васей, а ему не позволяю даже легкого прикосновения, невинного поцелуя и т.д. и т. п... Все это говорится после принятия ванны, когда я завершаю массаж. Ну я завершаю, а дедушка только начинает... ноги мне поглаживать. Возможно, это и было сделано с чистыми намерениями, возможно, я напридумывала, что такие нежности предосудительны – я не спорю – но меня прорвало, как давно сдерживаемую лавину:

– Я не пута, я не пута! – орала не своим голосом (это правда, что в первую очередь учишь мат или жаргон). – Не хочу вам ни давать ласк, ни принимать их. Понятно? Я ухожу, надоело.

Расплакалась, конечно... Нервы сдали... Собрала вещи и ушла. Вася, который пришел помочь мне с сумками, увидев Лео, сказал:

– Этот старый хрен просил ласки? Да ему уже год в гробу надо подушку обнимать.

Смерти я ему не желаю, но терпеть «разные культуры» больше не в силах.

Дошли с Васей до Дракона – перекрестка всех дорог.

– Ты теперь куда, Сусаннита? – переводя взгляд с меня на сумки, спросил он.

– Этой ночью Ломтевы пообещали пригреть.

– А то приходи к нам с Вовкой под мост: не пожалеешь.

– Ага, договорились. Вот только за кузнецом схожу. Тоже мне, половые гиганты...

– Да куда уж нам, молодым да неопытным. Ты теперича к мужчинам постарше привыкла.

– Дурак! Подожди, Вася. Ты что там про мост говорил?

– А, – отмахнулся Васек, – ерунда. Мы с Вовкой третий день на сухой траве спим. Тут недалеко, приходи, проведает. У нас и одеяла, и подушки: все, как полагается цивилизованному человеку. А главное – выпить и закусить.

– Как же вы пиво неохлажденным принимаете? – от ужаса я говорила какие-то глупости.

- Для этого и родились китайцы: чтобы нам с Вовкой пивасико холодным продавать, – поделился открытием Вася.
- Прости, я со своими проблемами совсем друзей забыла.
- Ничего, старушка, еще наверстаешь упущенное. Какие твои годы?

5 июля

- Или ты не любишь свободы? – и из заднего кармана брючек Гном Небесный внезапно вынул наручники огромных размеров.
- Я люблю свободу! – прочувствовал ситуацию Петропавел.

Е.В. Клюев

Чувствую невероятное облегчение. Наслаждаюсь жизнью, ничего не делая и разгуливая, где душе угодно. Написала бравурное письмо маме, рассказывая о чудесах новой жизни: о несложной и хорошо оплачиваемой работе; о том, что я сбалансированно питаюсь и потому худею; о том, что нашла замечательных друзей, которые всегда готовы поддержать, хотя до этого пока дело не доходило и, надеюсь, не дойдет. Пусть старушка успокоится и порадуетя...

Очередная новость заключается в том, что два часа уборки у Эмили я потеряла, потому что по глупости и по неопытности не обговорила этот вопрос с Ирой заранее. Таким образом, она получила еще одну работу, а я – потеряла абсолютно все.

Почему все так жестоко? Каждый сам за себя... таким ли образом выживает сильнейший? Так ли становятся по-настоящему сильными, победителями? Значит, для этого надо всего лишь быть подлым. Уметь вовремя поставить ножку, воспользоваться наивностью, подобрать упавшие из брюк старика деньги. Как просто поймать удачу... и как мерзко! Не быть мне победителем в этом паршивом и несправедливом мире. Ежику понятно, что я не из той команды.

6 июля

Не осуждай ближнего своего, пока не будешь на его месте.

Талмуд

Нашла комнату, где теперь буду жить. Она находится недалеко от квартиры Ломтевых. В моем новом пристанище живут эквадорцы. Мне выделили запущенное помещение с двумя кроватями. Одна из них уже занята другой «жиличкой» – молоденькой восемнадцатилетней девочкой, матерью двухгодовалого очаровательного мальчугана. Моя компаньонка приходит ночевать лишь по субботам, в свой выходной. Все остальное время она работает интерной в богатой семье, а малыш живет у монахинь. Что ж, цена небольшая – двадцать тысяч песет в месяц. Неважно, что кухонная утварь жирная и липкая от мытья холодной водой, пол всего лишь подметается, так как вымыть его никому не приходит в голову, а терраса завалена таким количеством вещей, что ногу поставить негде!.. Важно то, что на целый месяц у меня есть крыша над головой и удобная кровать. Я научилась не загадывать далеко вперед, не строить далеко идущие планы.

Начала ходить на курсы испанского в Internacional House. Пока не знаю, стоящее ли это дело, зато бесплатно. В любом случае, не помешает как можно больше общаться, «развязать язык».

Васек и Вовка по-прежнему живут под мостом, пропивая заработанные деньги, зато «экономят на съеме дорогого жилья». Так что права присказка о том, что русские пьют двумя способами: до тех пор пока не кончатся деньги или до состояния полной невменяемости; судя по всему, деньги у них никогда не кончаются. Грустно...

Все свободное время, а у меня его теперь завались, я провожу в компании этих двух обалдуев, пытаюсь отвлечь их от пива и вселить уверенность, что жизнь не закончена и что надо бороться.

Ира, которая рассорила двух братьев, теперь вовсю старается примирить их. Василий непреклонен: родной брат выгнал его на улицу, под мост! Так нет ему за это прощения! Вовка тоже непреклонен – за компанию, хотя его никто не просит вернуться... По-моему, у обоих дурней посттравматический стресс: это вам не пряники – жить в чужой стране! Здесь нет ни папы, ни мамы, а только суровые капиталистические отношения.

7 июля

*В былом не знали мы добра,
Не видим в предстоящем,
А этот час – в руках у нас.
Владей же настоящим!
Роберт Бернс*

День рождения Васи. В шесть утра, когда движение машин становится очень интенсивным, его разбудил Вовка и поздравил, пропев «С днем рожденья тебя!» на испанском. По Васиным словам, это было очень романтично, по крайней мере, у него в жизни такого еще ни разу не случилось: начинать празднование под мостом, а не заканчивать его там. Все дурачатся... Может, от страха?

Ходила в церковь Святого Духа, которая находится недалеко от моего нынешнего дома. Меня приветливо принял местный батюшка – кура:

– Что привело тебя, дочь моя?

– Я православная, не католичка, – сразу с порога честно призналась я. – Это не мешает?

На самом деле я считаю, что если Бог еще существует, в чем сомневался еще Ницше, то он абсолютно некомпетентен как управляющий и что из любой компании его бы давно выгнали за «авторитарные методы и негуманный подход», но поскольку шеф – это Он, то и выгонять некому. А может, Он на пенсию ушел: поразвлекся немного, притомился с нами, чудаками и придурками, да и ушел на покой, по-моему, не вполне заслуженный. Играет сейчас себе в гольф, загорает, иногда со скуки ураганы там всякие наводит или наоборот, облака разгоняет, но чтобы что-то серьезное – упаси... Как его... Он самый. Пусть дурацкие людишки сами разбираются.

Но служителю церкви дела нет до моих мыслей, у него самого их полно. Так что он серьезно, по-христиански благородно отвечает:

– Нет, дитя, не мешает. Для церкви главное – помочь всем, кто живет с любовью к Христу.

– Мне нужна работа, – напрямик заявила я, оставив в стороне теологические вопросы.

– Какую работу ты ищешь?

– Убирать в домах, у меня документов пока нет.

Поп подумал немного, попросил знаком подождать и отправился к столу, заваленному бумагами. Там, перебирая одну кипку за другой, наконец нашел нужное.

– Иди к этой сеньоре. Адрес записан внизу, скажешь ей, что тебя батюшка из церкви Святого Духа прислал. Ступай, дочь моя.

– Спасибо, большое спасибо.

Что ж, по крайней мере, кто-то святую работу делает: нантербовал себе Господь помощников.

Через пять минут я уже была у подъезда нуждающейся в уходе сеньоры. К сожалению, меня не допустили к ее очам, а велели приходить в понедельник. Ну что ж, в понедельник, так в понедельник.

Вася с Вовкой въезжают на днях в комнату на улице Алкала, недалеко от супермаркета, где мне опять предстоит стоять с газетой. Я рада, что бродячая жизнь моих приятелей наконец закончилась. А моя, похоже, только начинается...

8 июля

Если вы сохраняете голову на плечах, когда все вокруг теряют свои, значит, вы просто не понимаете ситуацию.

Закон Эванса

Продолжаю искать работу: как говорится, один вариант хорошо, а пять лучше. Плюс ко всему мне помогает Ира! Еще вчера дала мне адрес нового кандидата в работодатели (может, чувствует себя неловко за то, что «перехватила» Эмилию?).

Дом потенциального нанимателя находится в историческом центре Мадрида – Чамбери, район Маласанья. Здесь неширокие улицы, прихотливо извивающиеся, пытающиеся убежать от вездесущего дневного светила. На тротуарах выставлены столики из соседних баров: садись, путник, утоли жажду, холодным ли пивом, колой ли

со льдом... А может, стаканчик пенистого сидра с прозрачными ломтиками хамона в качестве аперитива? Или вермут, который легко пьется, а потом внезапно подкашивает ноги? Все, что угодно, господин клиент, все, что угодно... От стен старых зданий, постепенно раскаляющихся на солнце, исходит запах мочи и порока, впитавшийся за много-много бурных летних ночей.

Квартира оказалась большой и с невероятно запутанной планировкой. Все это надо убирать каждый день с понедельника по пятницу по пять часов. Я мысленно прикинула еще час на поиски выхода. В любом случае, получалось неплохо: восемьдесят тысяч песет. Особых надежд на этот вариант я не возлагала, поскольку надо уметь хорошо готовить, а я за все время, что проработала у Лео, научилась только морской суп варить да кофе с молоком. Разумеется, я честно рассказала о своих кулинарных достижениях. Хозяйка оказалась дамой с чувством юмора, посмеялась и без лишних проволочек отказала.

Сегодня познакомилась с владельцем нашего вигвама. Зовут – держитесь, граждане, за стулья – зовут его Ленин! Надо сказать, что он чем-то похож на вождя русской революции: раскосый, с широким носом, высоким с залысинами лбом и маленьким ростом. Парень был готов к общению: еще бы, не всем выпадает удача встретиться с самой настоящей русской! Пока Ленин не вызывает у меня отрицательных эмоций, да и жена за ним постоянно приглядывает. Сначала позвонила, когда он дома появился, а через полчаса прибежала домой – проследить за текущей ситуацией.

Бесплатные курсы в Интернасьональ Хаус дают потрясающие результаты, пока в виде приятных знакомств. В первый же день занятий ко мне подсел невысокий мужичок «за сорок» и стал ненавязчиво помогать, когда речь зашла о каких-то жутких грамматических констукциях. Я поначалу напряглась, а потом увидела такую искренность и желание помочь, что тут же устыдилась. Иван, как он представился, уже побродил по Европе: жил в Португалии, во Франции, побывал в Бельгии, а теперь вот решил в Испании обосноваться. Разумеется, результатом такого бродяжничества стало знание латинских корней и открытость. На первой же перемене он объяснил, что ему нравятся высокие спортивные девочки, так что я по его стандартам не прохожу. Ну и славно, будем просто дружить!

9 июля

Я одинок, как последний глаз у идущего к слепым человека!

В. Маяковский

Больная сеньора, прихожанка батюшки из церкви Святого Духа, захотела меня нанять на двенадцатичасовой рабочий день, предлагая шестьдесят тысяч песет в качестве оплаты за услуги. Она с недоверием поглядывает на меня, пытаюсь понять, справлюсь ли я с таким ответственным делом, как выносить горшок и расстегивать ей лифчик. Все это смутно напоминало историю с Лео, только в сто раз хуже! С сожалением я отказалась.

И снова «Ла Фарола»! На этот раз я пришла как хозяйка и заняла лобное место, мой позорный столб. К часу дня пришел Педро и остолбенел, увидев меня. Потом стремительно подошел и сильно сжал руку. Рот перекосялся от волнения, глаза страдающие, больные... Так, не выпуская моей руки из своей, он повел меня к бару, где три недели назад мы пили прохладительные напитки.

По его словам, он ходил сюда все это время, ожидая увидеть меня снова, и очень волновался, думая, что со мною произошло что-то ужасное. Я вкратце рассказала свою историю, дав понять, что, несмотря на мое отчаянное положение, никому не позволю унижать себя.

– Ты гораздо лучше говоришь, – похвалил меня Педро. – Я почти все понимаю.

– Да, – рассмеялась я, – с помощью словаря и обезьяна заговорит.

Надо сказать, я совершенно не стесняюсь заглядывать в словарь в поисках нужного слова – так и запоминается быстрее, да и испанцы хоть что-то начинают понимать из того, о чем ты там мычишь.

Педро тоже рассмеялся, не отрывая от моего лица грустного и восхищенного взгляда.

– Я очень хочу тебе помочь. Не могу позволить, чтобы молодая, умная, красивая девушка стояла на улице, собирая милостыню.

Я вспыхнула от смущения, но промолчала. Что тут говорить? Я сама чувствую себя последним дерьмом. Хочет помочь, говорит... Как?

– Где ты живешь? – спросил Педро.

- Нет, – помотала головой я, – этого я вам не скажу.
- Боишься? – мудрый старик все понял.
- Боюсь. Я вас не знаю. И ваших намерений пока не понимаю.
- Хорошо, что ты такая недоверчивая.
- Хорошие люди научили, испанские...
- Нельзя так обозляться. Вот увидишь, жизнь еще преподнесет тебе хорошие сюрпризы.
- Дай Бог... Простите, мне пора, – начала откланиваться я.
- Возьми это, – протягивая, как всегда, триста песет, сказал Педро.
- Спасибо, вы очень добры.
- Говори мне «ты», дочка, если нетрудно.
- Договорились, Педро. Адьос. До завтра.

10 июля

Больше всего миражей в пустыне ума.

Конфуций

Похоже, здесь, в Испании, работы без секса не бывает. Или это только у меня такое счастье и неслыханное везенье?

Вчера по объявлению в газете, и как всегда на телефон Иры, позвонил один сеньор. Сказал, что жена с детьми в отъезде, а ему необходимо привести кухню в порядок. Живет он в пригороде, потому пообещал заплатить за проезд и полторы тысячи песет за час работы. О'кей, посмотрим окрестности Мадрида.

В пять вечера я у подъезда большого современного стеклянно-бетонного дома. Дверь в квартиру открыл симпатичный мужчина с беспокойными глазами. Оглядев меня с головы до ног, гостеприимно распахнул дверь шире, приглашая войти.

- Луис, – представился он. – Как тебя зовут?
- Сусанна.
- Я уже говорил, моя жена на море, вместе с детьми, а я вот тут, в Мадриде, с жарой сражаюсь. Хочешь сока?

– Спасибо, хочу, – было очень жарко, поэтому сейчас бы холодильник целиком проглотила, не то что баночку сока.

Хозяин протянул мне картонку с апельсиновым соком и спросил:

– Откуда приехала, из какой страны?

– Из России.

– И как же ты жару переносишь? – он почти испугался за меня.

– Довольно легко, – скривилась я в полупрезрительной улыбке и дала ему еще один шанс: – Я с юга России.

– Это не имеет значения! – убежденно воскликнул болван.

Я не стала объяснять, что юг России находится на одной параллели с северной Францией. Бесплезно образовывать дураков.

– Что надо убирать? – перешла я на деловой тон. – Только кухню?

– Да, проходи налево.

Кухня оказалась довольно опрятной, только печка и вытяжка нуждались в основательной чистке. Я принялась за работу, повсюду разливая аммиак. Через десять минут в кухню осторожно зашел Луис и уселся в уголке.

– Я не помешаю? – робко спрашивает он.

– Нет, – не придав большого значения оригинальному поступку, я продолжала спокойно работать.

Поерзав на стуле, Луис откашлялся и сказал:

– Тебе не жарко? Может, ты блузку снимешь?

На этот раз я повернулась в его сторону и внимательно посмотрела. Очевидной угрозы парень не представлял. Впрочем, странный товарищ, надо держать ухо востро.

– Не беспокойся, мне не жарко, – спокойно ответила я ему и мысленно поблагодарила богов, что надела джинсовые пижамы и довольно закрытую блузку. С плитой и вытяжкой было покончено, и я принялась за натирание шкафов: сначала верхних, а затем и нижних.

– Пожалуйста, не садись на корточки, когда моешь внизу, – умоляюще произнес Луис.

Я не выдержала и оглянулась из-за плеча: чем он занимается? Бредовый парень по-прежнему сидел в углу на стуле, прикрывая колени диванной подушкой. Все стало ясно до смешного. Странно, но я почему-то не испугалась, решила, что буду спокойно

доделывать мою работу. И пусть только приблизится! Такой шум подниму, что отдыхающая на морях жена услышит. Тем временем Луис тяжело задышал и скомандовал:

- Иди начищай зеркало в спальне!
- Я еще здесь не домыла.
- Это не имеет значения. Быстро!

Ленивой походочкой я направилась в указанном направлении. Добропорядочный отец семейства тут же улегся на кровать (где же еще!) и, по-прежнему прикрываясь подушечкой, забился в оргазме. «Это уже слишком!» – подумала я, направляясь к выходу. Меня нагнали и вежливо спросили, сколько мне должны.

«Смотря за что», – подумала я, а вслух ответила:

- Две тысячи.
  - О, но это очень дорого!
  - Такая работа стоит еще дороже. Просто тебе – индивидуальная скидка.
  - А-а, я хотел бы еще раз тебя позвать: убрать салон.
  - К сожалению, я буду очень занята. И потом, для уборки твоего салона другая девушка требуется и другие расценки, – выхватила из рук странного две тысячные купюры и была такова.
- О, Господин Опыт, неплохо ты меня обучаешь, главное, всесторонне.

11 июля

Самое интересное в мире – это то, чего нет. Но вас, кажется, больше интересует то, что есть. Досадно.

Е. Клюев

Помогаю с переездом Васе и Вовке. Это нетрудно: главное из пожитков Васи – это музыкальный центр, а у Вовки и того меньше, еще не успел «обрасти» имуществом. Сейчас три спортивные сумки неразобранные стоят в коридоре, а друзья – в своей родной стихии: занимаются побелкой. Еще пара часов – с перекурами на несколько глотков пива – и работа завершена. Пахнет свежестью и

чистотой. Ребята оставляют окна открытыми, чтобы подсохло, и идут за покупками. Тихо завидую их счастью: они будут жить вместе, в чистой побеленной комнате, а я...

Я опять иду на Голгофу, на жаркое солнце, на открытое обозрение, на презрение, на унижение. Одно ясно: лучше стоять «на газете», чем спать под мостом.

Пришел «верный рыцарь» Педро с неизменным сценарием: бар, фанга для меня, пиво для него, триста песет, почтенные проводы до «места работы». Каждый день его вздохи становятся все глубже, взгляд – более собачьим, руки – более дрожащими. Ну-ну, к чему придем, дон Педро? Я с ним не играю, держусь дружелюбно, но не более того. Надеюсь, ему не взбредет в голову сделать или сказать что-то нелепое.

Вечером планирую поехать в фирму по трудоустройству, что на площади Кайао, теперь у меня есть две тысячи песет, что заработала у Луиса, чтобы заплатить вступительный взнос, необходимый для того, чтобы опытные и деловые товарищи тебе искали работу. Глядишь, и повезет.

12 июля

*Я вышел на площадь,
выжженный квартал
надел на голову, как рыжий парик.
Людам страшно – у меня изо рта
шевелит ногами непрожеванный крик.
В. Маяковский*

Площадь Кайао.

В небольшом помещении каким-то образом уместилась куча людей – все в ожидании чуда, то есть работы. Основная масса – это темнокожие женщины, терпко пахнущие потом. Особенных надежд у меня нет: я уже успела понять, что летом порядочные испанцы отдыхают на островах, чуть менее порядочные – в деревнях. И те и другие наслаждаются свежим воздухом вдалеке от Мадрида. К моему счастью или несчастью, я получаю все удовольствия жаркого лета в самом центре чудесной столицы, так что и работа

мне нужна здесь. Угу, пообещали... Заплати, и тебе пообещают какую угодно хорошую работу. Две тысячи песет – это немного по испанским меркам. К тому же умникам из этого агентства стараться особенно не надо: за год человек, устав от ожидания, найдет себе работу сам или через знакомых и уж точно не будет требовать возврата денег. Так что система обмана наивных иностранцев продумана хорошо – не подкопаешься. Но все равно где-то в глубине души живет надежда, что тут мне обязательно помогут!

Я сижу на стуле рядом не то с колумбийкой, не то с эквадоркой – разница между ними все еще непонятна – и жду своей очереди. Прямо напротив меня расположились две девушки славянского вида. Одна из них взяла газету с журнального столика, пролистала ее почти до конца и начала читать вполголоса, изредка прерывая чтение тихим смехом. Я прислушалась: судя по внешнему виду, девчонки были мои землячки, но читали и переговаривались по-испански. Заметив мой пристальный взгляд, они тоже покосились в мою сторону, но ничего не сказали, продолжая чтение:

– «Chico cariñoso, simpático, dulce, alegre, tierno, romántico, 45 no fumo, no bebo, no tomo drogas, soy normal, de Málaga. Busco relación con mujeres de mis características».

Девушки тихонько всхлипывали от сдерживаемого смеха, я тоже напрягла физиономию от невыносимого усилия. В самом деле, кто-нибудь в России рискнул бы дать объявление в газету такого рода: «Молодой человек, 45 лет, нежный, обаятельный, романтичный, некурящий, непьющий, не принимающий наркотиков, нормальный желает познакомиться с девушкой, похожей на него»? Во-первых, в России молодые люди сорокапятiletнего возраста не прижились, то есть их вовсе нет! Во-вторых, продолжение «нежный, обаятельный и т. д.» только углубляет уверенность в том, что перед тобой законченный эротоман. Не успела я переварить услышанное, как неугомонные продолжили чтение:

– «Señor formal, de 60 años busca mujer joven para encuentros sexuales, tambien viajes. Prometo ser economicamente generoso».

Ну это же за все мыслимые и немыслимые рамки выходит! Старому о душе бы подумать, а он про сексуальные встречи с молодой девушкой мечтает и в качестве компенсации обещает быть щедрым. Мы дружно фыркнули и опять обменялись взглядами. Воздух ли Испании, или огромный город, в котором почти никого не знаешь, позволяют тебе быть более открытым и идти на знакомство без нелепых предрассудков?

– Девочки, вы из России? – обратилась я с вопросом первая.

– Нет, мы из Белоруссии, – ответила остриженная под каре светловолосая со спортивной фигурой девушка. – Меня Инна зовут, а мою подругу – Мила.

– Очень приятно встретиться в чужой стране с почти что соотечественницами, – ответила я и представилась.

Подруги тоже искали работу, только, в отличие от меня, имели одно неоспоримое преимущество: хорошо говорили по-испански. Этому, говорят, в некоторых университетах обучают. Я прониклась черной завистью, потому что меня учили совершенно никчемному английскому. Впрочем, это не имеет особенного значения, так как теперь три дамы с университетским образованием ищут работу в качестве прислуги в зажиточной семье, и при этом никого не интересуется наличие у них какого-нибудь высшего образования. Так что знание языка, светлая голова, обалденные внешние данные вовсе не гарантия того, что в один далеко не прекрасный день ты не станешь служанкой – о, с высокой, очень высокой по русским меркам зарплатой!

Инна рассказала свою историю. Приехали подруги по обмену между университетами и поселились в одной испанской семье. Через две недели после их приезда умер глава семьи, поэтому содержать девушек стало просто невозможно. Подруги пошли искать какой-то постоянный двор, нашли, пожили там неделю, вот тут-то и закончились деньги – можно сказать, внезапно. Спасибо еще добрым людям, что подсказали, где можно бесплатно поесть, а также попытаться найти работу. Мила, подавленная всем происшедшим, почти все время молчала. Она – полная противоположность своей подруге: высокая, тонкая в кости, с пышными каштановыми волосами и карими глазами. Но самое интересное – это выражение на ее лице: что-то среднее между святой и мученицей. От Инны, несмотря ни на что, веяло оптимизмом и верой в светлое будущее. Мила же покорно ожидала и заранее принимала все, что есть и что будет.

Мы обменялись телефонами и пообещали друг другу помочь с работой, если что-то подвернется.

Через три часа ожидания мне дали адрес какой-то пожилой сеньоры, которой нужна помощница. Вот оно, счастье! Неужели я нашла работу? Дом, где жила старушка, я нашла далеко не сразу. Уставшая и запыхавшаяся, но с огромной верой в скорую стабильность, я поднималась без лифта на пятый этаж. Дверь

открыли не сразу. Даже после ссылки на агентство по трудоустройству меня долго рассматривали в дверной глазок. Наконец удостоверившись, что из самого опасного оружия в руках у меня только сумочка, а на лице – очаровательнейшая улыбка, впустили. Старуха жестом пригласила меня пройти, и, опираясь на палку, пошла следом. Усевшись в глубокое кресло, женщина не торопясь изучала меня... Я опять улыбнулась, по-настоящему чувствуя себя полной дурой. Через несколько минут полного молчания она заявила:

– Я тебя не хочу.

Я остолбенела: вот это прямолинейность!

Впрочем, я тоже не горела желанием работать у старой карги. Можно сказать, довольные друг другом, мы распрощались. На воздух, в жару, без единой песеты в кармане, но свободная от прихотей угасающей ведьмы.

Все-таки горький осадок в душе был, а потому я не пошла в свою тесную и одинокую комнату, а напрямик направилась в гости к Васе и Вовке. У них, в отличие от меня, не было проблем с работой, была другая проблема – спермотоксикозом называется. В этом плане я в полной безопасности: слишком «стара», как они меня успокоили.

– Умираю от жары и голода! – прокричала я из прихожей.

– Ага, пришла умирающая: дайте попить, а то так есть хочется, что переночевать негде, – передразнил меня Вовка, направляясь к холодильнику.

– Меняю бутерброд на информацию о хорошеньких белорусских девушках!

– Так бы сразу и говорила, – укоризненно покачал головой Васек.

– Думаешь только о себе, голодная ты наша, а о по-настоящему голодных и при этом физически активных парнях подумать некому.

– Я думаю, Вась, день и ночь думаю.

– Ладно, поверим тебе и простим, если сейчас же все расскажешь.

Пришлось рассказать «белорусскую историю» – уже пообещала.

– Только, мальчики, уговор: девочки и вправду хорошие, им помочь надо, подружиться, они здесь совсем одни. Не скаль зубы, Вовка, держи ширинку на замке, а то она у тебя уже выперла – дальше некуда.

– Я не виноват, это у меня болезнь такая... большая... – перешел в наступление тот.

– Понятно, что за болезнь, небось еще с тенденцией к увеличению?
Вовка застенчиво развел руками.

Не откладывая дело в долгий ящик я позвонила Инне и Миле, чтобы спросить разрешения дать их номер телефона двум «хорошим ребятам», получила согласие и, передавая трубку Василию, пригрозила:

– Смотрите же, я наврала девчонкам про «хороших ребят», так постарайтесь, по крайней мере, произвести впечатление и продержаться хотя бы сутки.

– Насчет суток ты, старушка, загнула, а насчет остального не переживай – покажем высший класс... воспитания, – торопливо заверил меня Вовка, прислушиваясь к разговору, который вел по телефону Васек.

– Ну-ну, – с сомнением покачала головой «старушка».

Медоточивый Владимир вел приятную беседу, которая увенчалась договором на завтрашний день.

– Клянемся кормить тебя бутербродами в любое время, если мы «достигнем консенсуса», – пообещали щедрые.

– Протестую! За ваши «консенсусы» я ответственность нести не собираюсь. Или сэндвичи без всяких условий, или я звоню девочкам и говорю им, что вы – сексуальные маньяки.

– Шантажистка, – пробормотал Вовка. – Ладно, твоя взяла.

13 июля

*Вот вам Старец, по чистой случайности
С детских лет оказавшийся в чайнике...*

Е.В. Клюев

Пятница, тринадцатое. Кажется, у ребят после длинной полосы неудач все налаживается: есть работа, кров, и наконец-то сбылась мечта о «родных» русских девочках. Правда, я их в этом вопросе не совсем понимаю: на мой взгляд, испанки заслуживают

внимания. Красота их совсем другого типа, отличная от белокожих и светлоглазых славянок. У них смуглые продолговатые лица, глубокие темные глаза и роскошные волосы. Хотя встречаются среди них также блондинки – с севера Испании и из Севильи, что в общем-то странно, юг все-таки. Молоденькие девочки в большинстве своем одеваются довольно непримечательно, в стиле хиппи, зато дамы постарше – со всем европейским изяществом и огромным количеством золотых украшений, на мой взгляд, чрезмерным. Понять Вовку можно, как говорится, словарный запас еще невелик, чтобы охмурить местную красотку, а вот Василий, кажется, просто боится нового опыта.

У меня, к сожалению, пока не все так гладко, как того хотелось бы: ни с работой, ни с личной жизнью. Второе пока не очень интересует – у нас с Вовкой в этом плане одна и та же проблема: языковая, зато первое, то есть работа, уже должно бы решиться.

Вчера Саша разговаривал с одним своим знакомым, предлагая мои услуги домработницы. Этот знакомый ничего не имел против того, чтобы нанять меня. Единственный минус – это то, что тот самый Хосе-газетчик, который так дружелюбно приветствовал меня, когда я спускалась в скверик учить слова, уже порекомендовал другую девушку.

– Ты бы ходила к Хосе, если вы знакомы, и попроси, чтобы он дал тебе рекомендации. Не выстрелит с Мариано, так другой вариант может подвернуться.

– Ладно, схожу. Он был очень мил со мной, даже несколько раз жевачками угощал.

– Вот видишь! Иди к нему, должен помочь.

Пошла к газетному киоску. Разумеется, Хосе меня вспомнил, хотя мы не виделись месяц или около того. Я объяснила свою проблему, попросила помочь рекомендациями для Мариано или кого угодно, лишь бы начать работать. Хосе важно покивал головой, слушая мой сбивчивый монолог, и пригласил пройти внутрь киоска. Там, в дальнем углу, находилась скамейка, не заметная с улицы. На нее-то и уселся Хосе и поманил пальцем к себе.

– Что? – не поняла жеста я.

Он похлопал себя по жирной коленке, поясняя.

– Зачем? – кажется, я слегка отупела.

– Садись, детка, поговорим, – наконец заявил, упиваясь своим величием, жирный боров.

– Спасибо. Мне и так удобно разговаривать.

– А мне – нет, – отрезал Хосе, хватая меня за руки и насильно усаживая себе на колени. На всякий случай я решила не сопротивляться, кто его знает, что ему в голову взбредет! Он, видно, принял это за добрый знак и приблизил ко мне обрюзгшее лицо с вытянутыми трубочкой губами. Я отшатнулась.

– Э, в чем дело? – недоуменно спросил газетчик. – Ты не хочешь меня поцеловать?

Что за странный вопрос? Кто хочет целовать, например, жабу – не в обиду ей будет сказано.

– Почему? – продолжал удивляться странный. – По-твоему, я стар? Стар, безобразен, смраден, жирен, туп – разве этого недостаточно? Не вдаваясь в детали, я только изо всех сил закивала.

– Любви все возрасты покорны, – продолжал настаивать чокнутый, вновь приближая ко мне вытянутые трубочкой, с капельками слюны, губы.

Я вырвалась, как из болота, в мощном рывке, и побежала подальше от проклятого киоска. «Помешанные, они все здесь помешанные», – думала я, и этот рефрен крутился, как заезженная пластинка, не переставая.

14 июля

Говорящий не знает, знающий не говорит.

Даосская пословица

Можно сказать, привыкаю к дурацкой работе на улице, «пристоялась», как говорится. Пожилые сеньоры, которые каждое утро делают покупки, мне улыбаются и дают монетки по двадцать пять песет, я их искренне благодарю, потому что они помогают от души, без желания поиметь что-то взамен. Около часа, как всегда, появляется Педро. В баре завязывается беседа, которая меня немного сбивает с толку.

– Ты меня обманула, сказав, что замужем, правда?

И этот туда же!

– Нет, я замужем, – настаиваю я. – А почему ты спрашиваешь?

- Где твое обручальное кольцо?
- Я его никогда не ношу.
- Думаю, ты лжешь.
- Какое это имеет значение: замужем я или нет?
- Я хочу, чтобы ты была со мной искренней. Я нашел выход из твоей ситуации: в понедельник или во вторник пойдем в комиссариат для иностранцев делать предложение на работу. Думаю, что к этому времени успею собрать все нужные документы.
- Правда? Ой, спасибо, Педро, ты – самый лучший!
- Нет, я не самый лучший, – грустно произнес он. – Просто я в тебя влюбился.

Я как-то сразу сникла от такого поворота дел. И когда же потребуется компенсация: до подачи документов или уже после?

- Я ничего не хочу от тебя, потому что понимаю, что слишком стар. Позволь мне видеть тебя, быть с тобой рядом, говорить обо всем, что с тобой происходит: ведь это немного, правда?

Мне стало стыдно: со всеми моими дурацкими приключениями я потеряла веру в хороших людей и чистые порывы.

- Прости, Педро, я не хотела тебя обидеть. Просто у меня много отрицательного опыта с испанскими мужчинами, потому я и такая недоверчивая, ищу подвоха там, где его нет. Мир?

Он улыбнулся, пожал мне пальцы и поднес их к своим губам.

- Я тебя не обманываю, русская красавица, я тебе помогу.

Подарил мне славные часики – не бог весть что, а вещь необходимая. Так приятно, когда тебя балуют!

Мои «любовные» похождения забавляют нашу небольшую русскую компанию. Меня они не так сильно веселят, но я делаю вид, что тоже нахожу их смешными. Ира утверждает, что у нее такого не было, что, возможно, я себя неправильно подаю, провоцируя невинных граждан на чудовищные поступки.

- Ты что хочешь сказать? Что я кокетничала с этим Хосе или со старым хмырем, продавая «Ла Фаролу», или с придурком, который приглашает убрать кухню, а потом между делом мастурбирует в подушку? – возмущению моему не было предела. – Знаешь что, спасибо тебе за помощь и за участие, но не пошла бы ты в жопу?

Развернулась и, хлопнув дверью, ушла. «Закомплексованная дура», – думала я, почти бегом удаляясь от ее квартиры. Слава богу, что ничего ей не рассказала о предложении Педро, а то бы и тут все очернила!

15 июля

*Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.*

А. Блок

У меня новое собеседование. Несмотря на воскресный день и вульгарную жару, я поплелась в другой конец города, на север. Хозяйка оказалась француженкой с двумя детьми и мужем испанцем, который фактически не живет дома из-за постоянных командировок. Все вместе мне понравилось: чем дальше мужчина от дома, тем спокойнее. Другое дело, что моя кандидатура не устроила Камил по двум причинам: слишком далеко живу от ее района и не знаю испанской кухни. Думаю, она тоже не очень-то хорошо готовит, правда, в ее случае это не имеет значения, так как она замужем и может нанять домработницу, а в моем – как раз наоборот.

Кажется, не судьба мне быть уборщицей в Испании. Упорно меня эта работа обходит стороной. Я и начала-то в качестве компаньонки. «Что день грядущий мне готовит?» – ума не приложу.

Зашла в гости к мальчикам. Холостяцкие хоромы начинают приобретать благоустроенный вид. Из мебели появился матрас, принесенный с мусорки, но в довольно хорошем состоянии. На нем спит Вася, Вовка же «барствует» на самой настоящей кровати. Двери в шкафу, перекошенные от долгого употребления, теперь надежно удерживаются гвоздем. А на письменно-кухонном столе – последнее слово техники – магнитофон вай-фай с кассетами, CD и радио вперемешку с грязной чайной ложечкой, куском недоеденного хлеба, стаканом, еще недавно содержащим в себе благородный, хотя и дешевый виски. На стенах, особенно со

стороны Вовки («Чтобы Васе было удобнее разглядывать»), появились фотографии полуобнаженных красоток...

Сидят мои обалдуи на кроватях, курят в потолок. Тихие и задумчивые.

– Проходи, старушка. Бутерброд хочешь?

– Вот это да! – восхитилась я таким приветствием. – Что здесь происходит, шалопаи? А ну-ка объясните тетеньке, что натворили.

– В том-то и дело, что ничего, – уныло ответил Вовка. – А девочки и впрямь очень хорошие.

– Понятно, – просекла я ситуацию. – Дайте им время к вам привыкнуть, завоейте их доверие. Вы же не варвары, куда торопитесь? Как говорил д'Артаньян, с женщиной, как и с дверью, надо обращаться осторожно.

– Спасибо за совет и пользуйся им сама, – грубо и немного двусмысленно ответил Вася.

– Пожалуй, сегодня мне не хочется бутербродов. Пока! – только и ответила я.

Никто меня не удерживал.

16 июля

Есть в дожде откровение – потаенная нежность.

И старинная сладость примиренной дремоты,

Пробуждается с ним безыскусная песня,

И трепещет душа усыпленной природы.

Гарсиа Лорка

Наконец-то пошел дождь. Всю ночь он громко барабанил по окну, под утро немного утих, а в воздухе запахло вымытым асфальтом и озоном. Стало заметно прохладней, пришлось доставать со дна спортивной сумки теплую кофту. Я посмотрела на нее чужими глазами и поняла, что, во-первых, она на мне висит, а во-вторых, здесь такое не носят. В-третьих, у тебя нет денег, дорогая, на покупку нарядов «от Версаче», так что перебьешься.

Я загрустила. Я всегда грущу, когда идет дождь, надеваю дождевик, кепку с длинным козырьком и выхожу на улицу, чтобы насладиться по-настоящему. Никакие глупые зонтики в такие прогулки не берутся.

У меня это с детства – страсть к «дождевым прогулкам». Помню, что когда мне было три года, мама решила отучить меня от соски. Она сказала, что забыла соску в доме моей тети, которая жила в соседней деревне. Бушевала летняя гроза. Как любой трехлетний ребенок, я эту галиматью про забытую соску восприняла всерьез и начала надевать сапожки.

– Ты куда? – всполошилась мама.

– Пошли за соской, я без нее не сплю, – по-деловому подошла к проблеме я.

– Я не пойду! Видишь, какая гроза? Мне страшно.

– Ну ладно, тогда я сама, – напялила штанишки и пустилась в путь.

Мама, скорее всего, решила, что увидев ломающиеся сучья деревьев и сверкающие на небе молнии, я никуда не пойду. Плохо она меня знала! Я вышла за калитку, увидела весь этот ужас и испугалась, а испугавшись, заревела. Но назад не отступила, продолжая свой путь и ревя во весь голос. Мама догнала меня в конце улицы, отшлепала, потом подняла на руки, прижала к себе и всю дорогу шептала, что соска нашлась, что никуда идти не надо.

«Воспоминания – род встречи». Вы, мои родные, – там, за тысячи километров от меня – переживаете и грустите обо мне, а я здесь не нахожу себе места от тоски и печали, хотя и знаю, что все у вас хорошо, все устроено и спокойно. И слава богу, что понятия не имеете о том, каково мне одной, в чужой стране, с чужим языком, в окружении чужих людей. Ни один человек, не переживший «прелестей» эмигрантской жизни, не может по-настоящему понять, что это такое. И у каждого эмигранта – своя история: до того и после того, как...

17 июля

*Лучше уж на цыпочках,
Чем на четвереньках!
Лучше через ситечко,*

Чем вразлет о стенку!

Ф. Ницше

Оформлены документы. Разумеется, я ничего из этой адвокатской белиберды не поняла. Хорошо, что Педро знает мою ситуацию, владеет почти всей нужной информацией, а когда ему не хватает данных, переводит бюрократическое варварство на более или менее понятный язык. Судя по всему, служащая хорошо знакома с моим благодетелем, обращается с ним запросто, много смеется и шутит. Даже обещает положить мои бумаги на самое видное место, чтобы быстрее решился вопрос.

Завершив дело, мы отправляемся к Педро домой, чтобы отметить успешное начинание домашним обедом с бокалом холодного пива. Пока мой «работодатель» возится на кухне с яичницей и цыплятами, я беру щетку и совок, чтобы привести в божеский вид «царские хоромы». Минут через двадцать Педро появляется в дверях с полотенцем, перекинутым через плечо, и с бокалами в руках.

– Бросай все немедленно, мне не нужна домработница!

– Как же так, Педро, – возмущаюсь я, – ведь именно в этом качестве ты меня и нанял, а теперь отказываешь в месте...

– Шалунья, – засмеялся старик, в глубине души довольный моим поступком. – Убрала? Теперь садись за еду.

Мы славно пообедали, по-семейному, без диких разговоров о чувствах.

Ну что, дорогая, «осуществляются мечты»? Хотелось бы верить, что так оно и будет. Что в скором будущем я смогу легализовать свое положение, найти достойную работу с достойной оплатой, что не надо будет ехать за тридевять земель убирать кухню отпускного холостяка, что не надо будет просить рекомендаций и получать взамен омерзительные поцелуи. На сегодняшний день – это моя единственная надежда стать человеком в чужом мире и не потерять себя. Кажется, Педро это понял раньше, чем я. Забавно...

18 июля

Лицемер напоминает человека, который убил родителей и просит суд о снисхождении на том основании, что он сирота.

А. Линкольн

На аллее, под раскидистым каштаном, остановился странный господин, который внимательно рассматривает меня уже довольно долго. Я тоже исподтишка его разглядываю: на вид «отроку» около пятидесяти: приличный костюм, приятное располагающее лицо, взгляд отечески ласковый. Я немного расслабилась. Как раз в этот момент он и подошел:

– Мне нужна девушка – чистая и красивая, как ты, – начинает незнакомец.

Надо сказать, что в испанском, как и в русском, «чистый» и «чистить» звучат очень похоже. Вид дяденьки не внушал подозрений, и потому я невинно спросила:

– Пара лимpiar? [12](#)

– Да-да, – обрадовался и закивал он, – завтра в одиннадцать буду ждать тебя возле фонтана. Кстати, меня Пепе зовут. Я тебя познакомлю с моей женой, и она объяснит, чем ты будешь заниматься. Нам нужна постоянная помощница с понедельника по пятницу. Дом у нас небольшой, на окраине города. С оплатой не обижу! Итак, договорились, до завтра!

Все произошло так стремительно, но самое главное – с завтрашнего дня у меня будет работа!

Может, кому-то покажется странным, что работа предлагается на улице, но ведь эта одна из причин, почему я тут стою, продавая никому не нужную газету. Меня заприметила и уже дважды приглашала убирать квартиру одна пожилая, грубоватая в общении, но безусловно имеющая золотое сердце донья Мануэла. На прошлой неделе три часа отдраивала кухню дон Хосе Мануэля, который не раз и не два подбрасывал по сто песет, успокаивая, что не хочет причинить мне вреда, что с его стороны это чистая и безвозмездная помощь. Сказать честно, из всех я верю Педро, Хуан Мануэлю и Мануэле. Все остальные – на испытательном сроке. Хотя раньше доверяла всем и каждому при первом же общении.

Любому моралисту наверняка мое поведение покажется предосудительным, наверняка он не поймет, почему я принимаю почти любое предложение на работу... Выбор у нищего невелик, а

чувство собственного достоинства сильно зависит от толщины кошелька... Скорее всего, для моралиста будет неуместна повесть о том, что голод не тетка, а спать принято в кровати под крышей какого-то дома. Господин Моралист никогда и ничего не поймет, даже если проживет сотню сытых и удобных жизней. Он никогда не переступит порога своего дома, а если да, то путешествует со всеми удобствами; он обеспечен стабильным доходом и считает, что достоин этого, даже если деньги достались ему в наследство. Он с важностью рассуждает о «долге» и «должном» и изо всех сил старается научить таких идиотов, как я, правильной жизни. Впрочем, мне они неинтересны, они и себе-то неинтересны...

19 июля

Гномическое настоящее – это время, захваченное врасплох в одной точке: здесь и теперь.

В. Клюев

В одиннадцать часов я – у фонтана, в светлом брючном костюме и с пакетом, в котором лежит одежда для работы по уборке в доме. Без опозданий приходит Пепе – такой же элегантный, хорошо пахнущий дорогим одеколоном, чисто выбритый: просто плейбой пятидесятилетней давности! Расцеловались по-испански, как старые знакомые, сели в такси и поехали смотреть его дом. Почему-то он оказался в центре Мадрида, а не за его пределами, как было сказано раньше; впрочем, я могла всего и не понять. Зашли в кафе выпить кофе – кажется, в Испании он всегда уместен. И тут я замечаю, что у сеньора слегка дрожат руки, держащие чашку. «С чего это вдруг он разнервничался?» – ужаснулась я, немного напрягаясь.

Мы заходим в огромное здание, похожее скорее на казенное учреждение, чем на жилое: огромный холл с консьержем, высокие пальмы в кадках – все говорит о благополучии и процветании. Поднимаемся на лифте на седьмой этаж, идем по длинному освещенному коридору: двери, двери – налево, направо. Наконец пришли. Взгляду открылась небольшая комната с конторкой, за которой сидели две полуголые женщины. Еще одна расположилась у окна, тоже одетая топлес. Смутные подозрения закрались мне в голову: не то я об этом где-то читала, не то фильм видела, а

может, кто-то рассказывал... Не скрою, мной овладели два противоречивых чувства: страх и любопытство. Кто же наша жена?

Как бы там ни было, Пепе дали ключи, мило улыбнулись и пожелали приятно провести время – будто мы в полет на Марс отправляемся. Опять длинный коридор, сеньор ободряюще улыбается, мол, уже у цели. Светлый просторный салон, уютная софа, маленький столик, на котором стоят два бокала и ваза с фруктами – все чисто и ухожено: что тут убирать? Впрочем, все гораздо больше напоминает гостиничный номер, чем частное жилье.

– Могу сейчас же приступить к работе? – по-деловому спросила я.

– Да, конечно, пройдем, я покажу тебе спальню, – отвечает Пепе. Спальня – это огромная кровать, две прикроватные тумбочки да телевизор.

– Очень мило...

Пепе проходит, огибая меня, через комнату и включает ящик. От изображения, возникшего на экране, я замерла на месте; у меня перехватило дыхание, и все стало на свои места – демонстрировалось крутое порно. Мой «работодатель» замер на месте, пожирая глазами экран. Очень хорошо, у меня есть немного времени, чтобы взять себя в руки и собраться с мыслями.

Спустя пару минут ненормальный повернулся ко мне: камуфляж добродушия в глазах исчез начисто – теперь в них была только похоть.

– Раздевайся! – хрипло скомандовал Пепе. Мне стало немного смешно: пытается управлять ситуацией в явно возбужденном состоянии.

– Вы мне говорили о работе на дому, об уборке. Я не за этим пришла, – как можно спокойнее и контролируя панику в голосе, произнесла я.

– Я заплачу.

– Сколько? – иронически поинтересовалась я.

– Пятьдесят долларов.

– Это очень мало, – с серьезным лицом говорю ему.

– У меня больше нет, – уже умоляюще говорит Пепе.

«Ага, – злорадно подумала я, – денег нет, зато потрахаться старому козлу охота. Спокойно, девочка, как-нибудь выкрутимся».

А достойный в это время, найдя новый аргумент, продолжает:

– Мне немного времени надо – всего пять минут!

Это я уже где-то слышала. Они что, все здесь такие скорые или просто деньги экономят? Тут мне уже по-настоящему смешно стало – моя типичная реакция на шоковые ситуации.

– Всего пять минут? Тогда это гораздо дороже!

С этими словами я как сумасшедшая кинулась к двери, выскочила в коридор, не нашла сразу лифта, зато тут же обнаружила лестницу – даже лучше – и стремглав с седьмого этажа на первый. Не переводя дыхания, не останавливаясь ни на минуту, пробежала несколько кварталов, пересекла улицу, завернула за угол и лишь потом спросила у прохожего:

– Пожалуйста, скажите, где метро?

Смуглый парень, растерявшись, ничего не ответил, лишь махнул в сторону: в десяти метрах от меня стоял значок метро и лестница, ведущая под землю. Вперед, то есть вниз!

20 июля

*Вы вот не понимаете, чем я владею. А я ничем не владею! Класс?
Мне это влом – владеть. Я отличаюсь от Королевы Англии тем, что
у меня нет Англии.*

Е. Клюев

Мальчики выслушали мой рассказ не перебивая, лишь изредка похихикивая в самых пикантных местах. Затем Вовка на полном серьезе заявляет:

– Честь блюсти – дело хорошее, только ею не наешься. Ты давно на себя смотрела в зеркало? С тебя одежда сваливается, синяки под глазами. Небось, только благодаря нашим бутербродам и сыркам выживаешь.

– Конечно, – поддержал приятеля Вася. – Главное – никому ничего не рассказывать. Подумать только, от десяти тысяч песет отказалась!

Я начала сомневаться в правильности своего поступка. Мое бегство, скорее всего, было импульсом, идущим от сердца, от

абсолютного понимания, что такое хорошо и что такое плохо, от уважения к себе несмотря на то, что в настоящий момент я живу на самом низу социальной лестницы и бог весть когда поднимусь...

– С другой стороны, у тебя есть выбор: обедать в специальных местах для бездомных или безработных, или как ты – нелегалов. Не переживай! Здесь с голоду, как ни старайся, не помрешь, – продолжал успокаивать Вася.

– Что ж мне в очереди вместе с бомжами стоять? Они-то работать не хотят или не могут по своим личным причинам, а я – хочу! Только не шлюхой...

Куда ж ниже? Сначала продажа газеты около супера, сопровождаемая гнусными предложениями на работу... Теперь меня убеждают, что стоять в одной очереди с бомжами разного толка тоже не страшно. Скажите еще, что от этого поднимается самооценка до невиданного уровня! С другой стороны, никто не обязан меня кормить ни бутербродами, ни сырками. Это грустная, но правда. Быть нахлебницей неприлично. Черт, я только и делаю, что нарушаю всевозможные правила...

Впрочем, чего отчаиваться, дома меня ждет два банана, кусок колбасы и вареное яйцо! Выживем... как-нибудь.

21 июля

Только теперь люди стали моими книгами. Я прочитываю их от корки до корки и выбрасываю вон. Я пожираю их – одного за другим.

Г. Миллер

Сегодня я с обалдуями ходила в гости к русской семейной паре. Они живут в центре города – в отдельной квартире! Борис и Катя были до ужаса гостеприимны: накрыли стол со всяческими закусками, мальчикам предложили по стопочке. Самое удивительное, что ни одному из шалопаев не пришло в голову просить добавки. Непонятно почему, но перед Катей они робели.

– Хорошо, что пришли, ребята, а то я уже замаялся на балконе убирать! – сказал Борис, закуривая сигарету.

Я недоуменно уставилась на балкончик в полметра шириной, где в горшках цвели петунии, а потом заметила смешинки в глазах Бориса.

- Что выращиваем на грядках?
- Клубника вот проклюнулась.
- Мне черешня больше нравится.
- А вот с черешней у меня что-то не заладилось...
- Ну не плачь! – вступил Вовка. – Проверь там на балконе манго с чиримойей. Наверняка уже поспели!
- Вов, ну ты совсем! У нас манго к декабрю поспевают...
- Да нет, на нормальных балконах и сейчас можно найти.
- Где ж такое взять... – развел руками Борис.
- Кого? Балкон или манго?

Мы все тоненько подвывали от смеха. Вышли от Травкиных в таком классном настроении, как будто дома побывали.

Господа Ломтевы, окончательно помирившись, отправляются в отпуск на Канарские острова. Событие, радостное и для меня – в течение десяти дней буду подменять Иру на всех ее подработках. Таким образом, есть возможность положить в карман двадцать тысяч песет за одну неделю работы! Кроме того, «забыв» о нашей размолвке, Ира дала мне адрес одного бара, где требуется официантка, правда прибавив, что работа эта сложная, ночная, и, как правило, платят мало. Неважно! Главное, чтобы платили!

После всех трений, происшедших между мной и Ирой, мной и мальчиками, я почувствовала себя страшно одинокой, никому ненужной и неинтересной. Захотелось найти настоящего друга или хорошего любовника на крайний случай. Им должен стать испанец: русских здесь мало, значит, выбор достаточно ограничен. Зато испанцев-мужчин – почти двадцать миллионов населения! Однако ж надо исключить стариков, младенцев и живущих за пределами Мадрида... Пусть мы говорим всего о миллионе возможностей... Мне этого достаточно. Кроме всего прочего, совершенно неоспоримо преимущество разговора только на языке дружбы. Вот оно! По прошествии почти двух месяцев появилась конкретно сексуальная цель!

22 июля

Как трактир, мне страшен ваш страшный суд!

В. Маяковский

Моника, хозяйка квартиры, в которой я снимаю комнату, неожиданно прониклась ко мне сочувствием. Бесплезные поиски работы изматывают больше, чем самый тяжелый и неблагодарный труд. Видя изо дня в день мое озабоченное лицо, она заговорила со мной:

- Послушай, Сусанна, ты никогда не думала работать в баре?
- Думала. Одна знакомая дала мне объявление, где предлагают работу официанткой в баре. Завтра пойду на собеседование.
- Нет, я говорю о другой работе. Только ты Ленину ничего не говори, – добавила она шепотом.
- О чем ты? – тоже зашептала я.
- Это специальное место, где ты должна уговорить клиента на рюмку спиртного. Чем больше клиент выпьет, тем выше твой заработок.
- И ничего больше?
- Послушай, никто никого не заставляет что-то делать, если ты этого не желаешь. Понимаешь, о чем я?
- Ага, ты говоришь о сексе...
- Именно. Здесь выбираешь ты: хочешь заработать больше, значит, идешь с клиентом в номер, ну а если не хочешь...
- Моника, ты этим занималась?
- Конечно. Когда только-только приехала и была без работы, как ты сейчас... и без денег... И все ж таки лучше, чтобы Ленин ни о чем не знал. Сама понимаешь, мужчины это болезненно переносят. Хочешь, я тебе дам адрес заведения?
- Моника, мне этот бар очень сильно напоминает бордель. Или я ошибаюсь?
- Какая разница, как это называется! Здесь главное – выжить.
- Давай сюда адрес, – решила я. – На самый крайний случай...

При моих глубоких познаниях испанского языка я запросто уговорю любого клиента на самые дорогие коктейли! А если учесть мою экзотическую внешность, то очень скоро я стану самой выдающейся шлюхой!

...Пропустила занятия в Интернасьональ Хаус. Не было настроения. Да Бог с ним, имею право хоть изредка быть необязательной и безответственной. Учить язык, чтобы зашибать деньжищи в барах, кажется ужасно пошлым. Я смертельно устала от этого безумного мира!

23 июля

Твердость убеждений – чаще инерция мыслей, чем последовательность мышления.

В.О. Ключевский

Вот и еще день прошел. Заработала пять тысяч песет у Хосе Мария – это шеф Ирины. Впрочем, у этого товарища она убирает всего лишь раз в неделю, зато три часа и по какой цене! Раньше она много о нем рассказывала; что это одинокий сорокапятилетний пенсионер Телефоники (ого-го! Здесь пахнет большими бабками, как заметила Ирина), большой зануда, единственным положительным качеством которого является телевизор с огромным экраном, который Ира смотрит, когда хозяина нет дома.

Проговорив с Хосе Мария почти час, я подумала, что мои личные впечатления не совпадают с рассказами Иры о замкнутости и занудстве вышеупомянутого господина. Мне он показался открытым, обаятельным, а самое главное, интеллигентным человеком. Пригласил меня на прогулку в Толедо, разумеется, вместе с Ирой, мы же с ним едва знакомы! Даже смешно, после откровенных предложений о быстром сексе кто-то еще пытается по-старомодному соблюдать приличия.

На Кайао нет никаких предложений на работу, кроме «интерны». С моими-то капиталами подумаю-подумаю, да и соглашусь повторить грустный опыт. Мне бы еще месяц простоять да тридцать дней продержаться, пока зажиточные люди из отпуска вернуться.

Страшно что-то и тоскливо.

Педро предлагает жить у него. Если ему это кажется чудесным вариантом, то у меня другое мнение: я уже пожила под одной крышей с чокнутым. Педро не такой нахальный, как Лео, но кто знает, как он поведет себя, оставшись с предметом своих страданий наедине? Лично я уже ни в чем не уверена. Настоящая мыльная опера, кому в России рассказать – засмеют, скажут, что в жизни так не бывает, все зараз. Бывает, еще как бывает. Спросите у любого эмигранта.

24 июля

Человек смертен, потому что боится, и бессмертен, потому что желает.

Пифагор

Хожу по улицам, заглядываюсь на витрины, мысленно выбираю одежду и игрушки для дочери. Как там она? Мой пухленький синеглазый одуванчик – отважный и очень любознательный. Помню, как моя толстوشка бежала ко мне навстречу с раскинутыми руками, когда я возвращалась из магазина или с урока, как повизгивала от предвкушения, что я подхватю ее на руки и подброшу к небу. Как мне тебя не хватает! Только я не имею права раскисать – самой же хуже. Храни тебя Бог, моя кроха, защити от всех болезней и напастей. Я выживу и заработаю деньги – ради тебя и ради себя.

Зашла в католическую церковь, что на площади Мануэль Бесерра. Почему-то когда нам плохо, мы тут же вспоминаем о Боге. Какая разница, в какой я церкви, разве Бог – католик, или православный, или буддист? Главное, душе хочется отдохнуть и получить утешение.

Голос органа, непонятная для меня проповедь на латыни, лики святых, статуя Христа, несущего крест на Голгофу, – все теперь воспринимается совсем по-другому – страдания и муки, борьба и отчаяние, преодоление...

Я приняла святое причастие из рук католического священника.

25 июля

*Вот иду я,
заморский страус,
в перьях строф, размеров и рифм...
В. Маяковский*

Господи, как мерзко на душе, как пакостно! Взяла тысячу песет из заначки на оплату квартиры и потратила их на покупку продуктов.

Судя по весам в комнате у Ирины, я похудела на двенадцать килограммов с момента моего приезда в Испанию. Новейшая диета – не есть и много ходить. Не ем, потому что нет денег, а много хожу, потому что общественный транспорт мне недоступен по той же самой причине, по которой не ем. Я выяснила, что цыпленок, овощи и фрукты – это самое доступное и энергетически достойное питание. Хм, худею... Три месяца назад я бы прыгала от радости, а теперь лишь констатирую факт, от которого иногда мороз по коже продирает: что будет дальше?

Дали на Кайао адрес сеньора, желающего нанять служанку. Пожилой мужчина живет за пределами Мадрида, в зоне Ц. Я туда даже не собираюсь ехать: только деньги тратить понапрасну. Во-первых, мужчина, даже пожилой, меня немного пугает. Во-вторых, за восьмичасовой рабочий день предлагается всего-навсего восемьдесят тысяч песет. Вычтем плату за проезд, за квартиру, остается «маленько», даже без хрена на питание. Я и сейчас так живу, что же изменит такая работа?

С трудом нашла бар, где нужна официантка: Ира неправильно записала адрес – хорошо хоть метро верно указано. Открывается бар в девять вечера, так что придется повторить маршрут, чтобы поговорить с хозяином. Огромных надежд на эту работу я не возлагаю, а все ж таки попробовать надо. «Я лучше в баре блядям буду подавать ананасную воду...» Главное, самой в бляди не податься, хотя многочисленные ситуации, как нарочно, подталкивают на эту стезю.

В детстве я хотела быть страусом. К ним можно относиться по-разному: как к птице, которая показывает чудеса, бегая на огромные дистанции с обалденной скоростью, как к апогею трусости – из-за того, что прячет голову в песок в случае приближения опасности, или как к монстру с хищным клювом на

маленькой головке. А можно и по-другому: птица, элегантно подпрыгивающая ввысь, грациозно растопыривая крылья и гордо поводя головой, как в моей любимой программе «В мире животных». Для меня это было самое красивое и достойное животное на всем белом свете, несмотря на их двоякую сущность.

В каком нынче я образе?

26 июля

Кто-нибудь может покинуть здание, на чье строительство потратил всю жизнь, даже если это здание является его собственной тюрьмой?

Халиль Джебран

Ведь что такое, в сущности, Испания? Такая же часть материка, как и Россия, только во много, во много раз меньше. Когда меня спрашивают, далеко ли деревня моей мамы от Москвы, я искренне говорю, что нет, всего тысяча километров, и каждый раз испанцы дружно смеются, над этим «всего».

Почему же здесь подавляющее большинство людей могут жить по-человечески, а в России даже и понятие это извращено? Почему хорошая жизнь в моей стране – только для ограниченной кучки? Почему я должна расставаться с дочерью в поисках лучшей жизни, ведь я ей сейчас нужна?

И зачем мне опять в любви признаваться? Какой мне прок от луны на небе в подарок и всех звезд в придачу? Толку во всем этом – чуть. Никогда не было и нет. Кого тут уважать, за что? За мои страдания?..

Потребовала, чтобы никогда не звонил мне больше, никогда... Предательство не прощается ни через год, ни через тысячу столетий.

Сегодня ровно два месяца, как я в Испании. У меня здесь нет ничего: ни денег, ни семьи, ни особых надежд на будущее. Я абсолютно одна...

27 июля

Путь вверх и путь вниз один и тот же.

Гераклит

Ура, я принята на работу! Хозяин бара «Ховен Фламенко [13](#)» экзаменовал меня вместе со своей женой, симпатичной толстушкой (зато при этом натуральной блондинкой!) минут двадцать, затем согласился на «испытательный срок», оплачиваемый, разумеется.

Нанялась я в бар в качестве официантки, а через пару часов стояла на улице, спрашивая каждого проходящего мимо: «Тебе нравится фламенко?», и если жертва отвечала «Да», ей тут же вручался входной «бесплатный» билетик.

Работа эта – просто мерзость, особенно если учесть, что летними ночами в центре Мадрида люди выходят из душных квартир, чтобы кадрить и кадриться. Так что на каждый дурацкий вопрос о любви к фламенко зачастую приходится выслушивать в ответ, что гораздо больше, чем музыка, парню нравятся хорошенькие девушки, а потому не желаю ли я пойти с ним в какое-нибудь другое, более забавное место.

Первые два часа я отвечаю с приятной улыбкой на губах, что конечно, очень хочу, что как раз он – парень из моих снов, но работа есть работа. Чуть попозже ответ более ироничен... Наконец на попытку клеиться говорю: «Бети а ла мьерда [14](#)», клиент автоматически отпадает, зато я практически счастлива. Тем не менее, молодой цыган – хозяин забегаловки – остался доволен количеством посетителей, завлеченных мною в этот грязный рай. Мне заплатили три тысячи песет и пригласили прийти завтра в девять часов вечера.

В третьем часу ночи, шатаясь от усталости, я иду на ночной автобус, что на площади Сибелес. Вот и мой район – Вентас. Мне предстоит идти пешком до моего дома около десяти минут. Как-то внезапно на смену усталости пришло ощущение победы: я работаю, мне платят, я выживаю! Полная сил и веры в себя, запела:

Я – Джокер из колоды,
Мной делают рубли,

Вокруг меня уроды:
Двойки, тройки, короли!
Не Туз, и не Валет,
И не Шестерка я,
Меня важнее нет –
Я старше Короля!
Я – Джокер...

28 июля

*Я совершал прыжок с моста вниз головой, туда, в девственный ил,
ноги сияют и ждут клева; подобным образом Сатана низринулся
сквозь небесные сферы, сквозь земную твердь, головой вонзаясь в
самый пуп земли, в наимрачнейшую, наигустейшую,
наираскаленную преисподнюю.*

Г. Миллер

Артуро – хозяин бара – смуглолицый, темноглазый, с большим чувственным ртом сегодня поглядывает на меня, поминутно проводя кончиком языка по губам: сегодня его жена не пришла. Мне он тоже нравится как красивое животное.

В девять часов бар закрыт для посетителей, поэтому Артуро хочет поднатаскать меня в сложном деле сервировки бокалов. К счастью, помимо выпивки здесь ничего не подают, надеюсь, обучение не окажется слишком сложным.

Итак, в бокал перво-наперво накладывается лед, затем виски (в нашем захудалом баре имеется пять марок!), или мартини (белое или розовое), или ром, или пачаран – смотря что заказал клиент. На край бокала надевается кусочек лимона, и выпивка готова! От обилия новых слов у меня слегка кружится голова. Да, не забыть спросить у посетителя, с чем он это будет пить: кока-кола, швепс-лимон, швепс-тоника и т.д. Пиво подается сильно охлажденным, его наливают в бокал под углом 45 градусов, чтобы не давало обильной пены. Лед делается в специальной машине, откуда его надо выгребать, не соблюдая норм гигиены, голыми руками.

Арту́ро терпелив, повторяет все по несколько раз, пока я не запомню. Изредка он прикасается ко мне рукой или задевает плечом, как бы случайно и не придавая этому большого значения, а на самом деле внимательно наблюдая за моей реакцией. Очевидно, я возбудилась от его возбуждения, и уже электрические искры потрескивают между нами. К счастью, пора открывать бар для посетителей, но прежде он притягивает меня к себе и целует в губы. Я ответила, еще как ответила!

Итак, на улицу, зазывать посетителей. Сегодня моя работа не кажется мне несносной и гадкой: работа как работа. Я думаю совсем о другом...

В двенадцать часов начинаю впервые трудиться за стойкой бара – и мне это вполне удастся. Небольшое помещение так забито народом, что не протолкнешься. Ближе к часу ночи музыкальный центр выключается и появляется Арту́ро с расстегнутой на груди белой рубашкой и гитарой в руке.

– Оле! – слышатся подбадривающие возгласы. – Оле!

Арту́ро улыбается, перебирая струны и настраивая гитару. Неожиданно мощно прозвучал первый аккорд, и зал наполнила музыка, сопровождаемая ритмом хлопающих ладоней всех присутствующих. Музыку фламенко я слушала уже второй день, изредка меняя диски, но вот так, вживую – впервые! Меня потрясло происходящее, наполнило восторгом: «Так, хорошо, еще, еще мощнее!»

За темой последовала другая. Теперь один из посетителей запел грустную песню, долго протягивая ноты и резко обрывая, ему вторила гитара и кастаньеты, неожиданно появившиеся в руках у молоденьких девушек, тоже зашедших послушать «живое фламенко». Арту́ро, уже вспотевший от темпераментной игры, откинул кудрявую голову и закрыл глаза.

И вот в центре появились те самые девушки и о чем-то переговариваются с музыкантом. Он улыбается и кивает.

Две испанки замирают с поднятыми к небу руками с зажатыми в них кастаньетами.

– Оле! – орет возбужденная толпа. – Оле!

Что тут началось! Бешенство музыки, бешенство танца, крики испанцев и мой эстетический и эротический восторг от всего происходящего заполнили и не отпускали. Сейчас можно умереть и не заметить этого!

Разошлись все поздно, ближе к пяти утра. Артуро был доволен и приятно проведенным вечером, и выручкой. Заплатил мне четыре тысячи песет, да я сама была готова заплатить за полученное от фламенко удовольствие!

– Сусаннита тьене ун ратон, ун ратон чикитин [15](#), – запел он детскую песенку. – Тебе понравилось сегодня?

– Очень! – с чувством ответила я.

– Иди сюда, – потребовал хозяин и властно притянул к себе. Он снова меня поцеловал, на этот раз не торопясь. Ожидание этого поцелуя длилось весь вечер, а страстная и странная пока для меня музыка dokonчили дело. Я позволила, чтобы он расстегнул блузку и опустил молнию на юбке, и отдалась ему тут же, рядом со стойкой бара.

29 июля

Запретные желания и обязаны этому понижению цензуры в ночное время тем, что получают возможность снова оживать.

З. Фрейд

Происшедшее вчера удивило меня самое. Я впервые поддалась зову страсти, не зная толком человека, с которым так первобытно сошлась, чувствуя к нему мощное половое влечение и ничего больше. Неважно, что он женат, я не строю никаких планов, просто животный неуправляемый секс. Раньше для меня было необходимым познакомиться с человеком поближе, чтобы довериться ему, но этот опыт был по-своему интересен: совокупляющийся рай.

Убираю бар перед открытием: выгребаю кучи мусора, выдраиваю туалеты, намываю бокалы. Все так рутинно, как будто я всю жизнь проработала в баре официанткой. Между нами не сказано ни слова, впечатление такое, будто ничего не произошло. А может, и не произошло? Может, меня чересчур взбудоражила музыка, и я нафантазировала пару оргазмов?

Я с сомнением покачиваю головой, думая обо всем этом, когда сзади подходит Артуро и, прижимаясь ко мне всем телом, обнимает. Я улыбаюсь, нет, не показалось.

– Строго между нами, договорились? – спрашивает он.

Я согласно киваю, мне тоже ни к чему лишние сложности, а физиология и сексуальность – штука сложная и пока абсолютно мной не изученная.

В воскресенье, как правило, работы не так много, как в пятницу и субботу – люди готовятся к трудовому дню. Поэтому мы заканчиваем около двух и идем в соседний бар, чтобы на этот раз нас обслужили. По-моему, глупость, но Артуро такой ход событий представляется нормальным. На этот раз, как и вчера, я не иду на автобусную остановку: меня отвозит в пустующий дом своей матери мой хозяин-друг.

30 июля

*Мне этот зал напомнил страшный мир,
Где я бродил слепой, как в дикой сказке,
И где застиг меня последний пир.*

А. Блок

Понедельник – выходной день. За последние три дня я заработала десять тысяч – неплохо. Появилась уверенность если не в завтрашнем дне, то, по крайней мере, в теплой постели и крыше над головой – а это немало, поверьте мне.

Навестила мальчиков, рассказала про мою нынешнюю работу, ни словом не обмолвившись об интимных отношениях, которые связывают меня и Артуро. Зато выдала кучу информации о «живых концертах» по выходным дням. Ребята заинтересовались, обещали выбраться в следующую субботу. Вот и славно, двумя клиентами больше!

Завтра возвращаются Ломтевы «с морей», так что мне надо приготовить ключи от всех домов, где я работала вместо Иры, и карманы – для денежного вознаграждения. Перед своим отъездом «на моря» Ира прозрачно намекала насчет переезда со старой квартиры на новую, где «будет место для своих».

31 июля

*И все – невозможно! И все – невозвратно! Несбыточной бывшего
нет ничего...*

Игорь Северянин

Последний день июля. Как быстро! И сколько событий за это время произошло – свихнуться можно от такого темпа.

Состоялась «передача ключей» и оплата за десять дней работы в чалете («шале», как говорят наши братья-французы). Ира не доплатила мне около двух тысяч песет. Буквально было сказано следующее:

– Твои услуги, Сусаннита, недостаточно квалифицированы, потому и стоят меньше.

Вот нахалка! Спорить с ней я не стала, все равно это ни к чему бы не привело. К тому же, чтобы подсластить пилюлю, она предложила поселиться с ними на новой квартире.

– Будем жить вчетвером: я, ты, Саша и его подсобник – украинец, спокойный и непьющий. Как тебе идея?

Идея была заманчивой, что там говорить. Свои люди, пусть и не всегда правильно и честно поступающие, но все равно поддерживающие в тяжелую минуту, и если дела совсем пойдут паршиво, уж они-то меня на улицу не выгонят! А как же Вася? Да, с Василием поступили некрасиво, но там семейные отношения, и это не мой случай... думаю, что не мой... Вперед, собирать сумки! Снова в поход...

Вечером состоялась неожиданная встреча с соотечественницами почти у дверей моего бара. Две дамы неопределенно-преклонного возраста, но с боевой раскраской на лице, подошли на мои зазывные предложения хорошо провести время и послушать фламенко, взяли проспекты, повертели в руках, а затем спросили на чистом русском, хороша ли у нас публика. Я не совсем поняла вопрос, а дамы пояснили, что ищут мужчин, готовых содержать их, поэтому, если заведение в этом плане представляет интерес, они готовы пропустить рюмочку. Я рассмеялась: наш клиент – это, как правило, или иностранец, случайно забредший, но чаще всего пожилой испанец, маленького роста, с усами и пивным брюшком. Хотят ли они содержать кого бы то ни было, я не знала, в чем честно и откровенно призналась.

...Вообще же я показалась себе полной идиоткой, которая пытается заработать кусок хлеба вот таким примитивным образом, работая как проклятая, по ночам, вместо того чтобы выдерживать кого угодно, если при этом мне оплачивают насущные нужды.

Не дай бог дойти до этого...

1 августа

*Я не держу. Иди, благотвори.
Ступай к другим. Уже написан Вертер,
А в наши дни и воздух пахнет смертью:
Открыть окно что жилы отворить.*

Б. Пастернак

*Я на земле был брошен в яркий бал,
И в диком танце масок и обличий
Забыл любовь и дружбу потерял.*

А. Блок

Живем в чистой уютной квартире, с родными запахами борща – это когда Саша разойдется – и свежeweымытого гранитного пола. Кажется, за это время, сожительствуя с южноамериканцами, которые не страдают чистоплотностью, мои соотечественники, да и я, устали от вечно грязных туалетов и пыли, толстым слоем покрывающей мебель. Здесь у нас все с точностью до наоборот, по крайней мере, пока.

У меня небольшая светлая комната, выходящая в патио, то есть внутренний двор. Основную часть спальни занимает двуспальная кровать, в левом углу стоит старомодный массивный шкаф, а напротив кровати – обветшалое бюро с зеркалом. Саша, хитро поглядывая на меня, заявил, что хотя постель и двуспальная, все же лучше, чтоб я пользовалась ею одна. Какая ерунда! Мне бы и в голову не пришло привести сюда кого-нибудь.

В связи с моей ночной работой спокойное патио подходит как нельзя лучше. Я дрыхну до одиннадцати – больше не могу из-за

пения птиц и развернувшегося у соседней ремонтной, затем завтракаю в одиночестве и берусь за домашнее задание. В три часа – занятие по испанскому в Интернациональ Хаус.

Я уже на втором курсе в группе из двенадцати человек со всех стран Европы и Азии. Здесь, недалеко от центра политической партии демократов на улице Хенова, произошло раскрепощение – от страха быть неправильно понятой, от судорог в поисках точного слова, потому что все мы находимся на одном уровне освоения языка и все мы болтаем без умолку, пусть не совсем грамотно! Наши преподаватели – молоденькие студенты университета, открытые и дружелюбные, готовые встать на голову или замычать коровой, если это необходимо для объяснения идиоматического выражения. Так что мы уверенно прогрессируем.

22:00 – 03:00.

Ожидала спокойного вечера в баре, но не тут-то было! Посетителей в среду не густо, и это нормально – рабочий день. Где-то до одиннадцати я поработала на улице, раздавая билетки, когда меня позвал Артуро.

– Что случилось? – спрашиваю.

– Не знаю, ничего конкретного сказать не могу, а только звонила Елена, сказала, чтобы я срочно приезжал. Так что я пошел, а ты тут хозяйничай.

– Ты меня бросаешь одну? На улице ночь, а я остаюсь одна в баре? Ты с ума сошел!

– Ничего, дорогая, не бойся, – отвечает он, судорожно собирая ключи, мобильник и выгребая деньги из кассы.

– Да я даже цен не знаю на выпивку! – нашла я веский аргумент. Это правда, оплату всегда принимал Артуро.

– Все просто: запиши здесь, – тут же нашелся он и, надиктовав цены, был таков.

«Чудесно, – подумала я, – одна в баре, в полночь, недалеко от Пуэрта дель Соль – мечта идиота... По крайней мере, не на улице».

Бар был пуст, когда зашла молодая пара, привлеченная громкой музыкой.

– Это бар Фламенко? – спросили меня.

– Как видите, – кивнув в сторону орущего центра, ответила я.

– И идут концерты вживую?

- По выходным дням.
- Ах, как нам не повезло, – расстроились ребята.
- Вам нравится фламенко? – не заметив, я повторила фразу, которую изо дня в день произношу на улице.
- Очень. И тебе?

Я кивнула: спустя несколько дней я была влюблена в андалузские ритмы и музыку.

- Ты ведь иностранка, правда? Из какой страны?
- Из России.
- Там тоже популярно фламенко?
- Нет, – рассмеялась я. – У нас такое не слушают, насколько я помню...
- Почему?
- Народная музыка не в моде.
- Жаль, очень жаль.
- Что-нибудь выпить? – вспомнила я о своих обязанностях хозяйки.
- Пожалуй.

Мы познакомились. Молодая пара – Хуан и Лола – приехала из Хаэна в Мадрид на каникулы.

- Послушай, Сусанна, – говорит Лола, – ты умеешь танцевать фламенко?
- Нет, что ты! Куда мне!
- Это просто. Выходи, я тебя научу.

Мною овладело любопытство, и я вышла из-за стойки бара.

– Первая позиция: ноги расставлены, хорошо, не так широко, правая рука поднята вверх, как будто держишь плод. А теперь срываешь яблоко (Лола высоко подняла правую руку, делая вращательное движение запястьем), смотришь на него (то же самое, но на уровне глаз) и выбрасываешь яблоко (рука опускается с тем же вращательным движением вниз). Спина прямая, голова слегка откинута назад. Смотри мне в глаза, повторяй движения, так, хорошо, еще раз, отлично! Получается, Суси, у тебя получается!

- Теперь танцуйте вы. По-настоящему, – попросила я.

И они затанцевали: глядя друг другу в глаза, выбивая ритм каблуками и плавно и точно двигая руками.

Я горячо зааплодировала, а Хуан и Лола обнялись и поцеловались.

– Спасибо вам, ребята. Большое спасибо.

Они распрощались и ушли, а я вновь осталась одна, поджидая вестей от Артуро и его жены.

Так прошел час в полном одиночестве. Наконец они появились: Елена с забинтованной ногой и красными слезящимися глазами, Артуро хмурый и злой, но без признаков увечий.

– Что случилось? – с искренним участием спросила я.

Заговорила Елена. Пошла она, значит, на дискотеку (дети – с мамой, муж – работает, а у нее эмоциональный стресс, ей отдохнуть надо). Так вот, пошла она, значит, с подругами, никого не трогала, и вдруг – бах! – кто-то брызнул спреем в глаза. Подруга ее загородила от нападающих, а Елена, крича от боли и страха и матеря всех до прадедушек, получает еще один удар, на этот раз разбитой бутылкой по ноге. Разумеется, прибежала охрана, но бесстыжих и след простыл.

– Елена, так они напали просто так, хотя ты ничего не сделала и не сказала? – немного недоверчиво спросила я.

– Сусанна, – враждебно отвечает она, – я не несу ответственности за то, что парни на меня смотрят... И хотят со мной познакомиться! И приглашают танцевать!.. Каким-то дурам это не нравится, но я со всеми в хороших отношениях. И не вижу ничего страшного в том, чтобы с кем-нибудь потанцевать, – говорит, рассчитывая на публику, главным образом на Артуро – пусть поревнует.

– Смотря как танцует, – пробормотала я, поняв истинную причину происшедшего.

– Ты что-то сказала? – подозрительно спросила Елена.

– Нет, ничего, – отказалась я от своего комментария; к чему лишние сложности? Как Елена танцует, особенно если переберет виски, я имела честь видеть. Не надо быть эротоманом, чтобы возбудиться при виде вращающегося тела и прикосновений к лицу, грудям и задку. Так что удивляться нечему, а помноженный на минимум одежды, что была на ней, и длинные кудрявые волосы, танец должен был производить сильный сексуальный эффект. Артуро, судя по всему, тоже не удивлен, но ведет себя по-джентельменски, поддерживая ее за руку и мягко успокаивая.

Мне заплатили и даже отвезли до Сибелиса, прямо шведская семейка!

2 августа

Люди всегда согласны сделать работу, когда необходимость в этом уже отпала.

Закон добровольного труда Зимерги

Этим вечером бар оказался закрыт. Я несколько растерялась; как же так, опять без работы? Странное существо человек: когда есть работа, недоволен оплатой и шефом, когда ее нет – оплата и шеф уже представляются более терпимыми. Потом я сообразила, что видимо сладкая парочка зализывает раны в своей берлоге. Могли бы предупредить, раз такое дело.

«Таким образом, у меня внеплановый выходной. Пойду-ка я к Василию и Вовке», – подумала я и уверенно зашагала к метро.

Встреча оказалась радостной для всех: прошло по крайней мере две недели, как мы не виделись. Ребята наконец-то нашли работу! Быстро соорудили нехитрый ужин из жареной картошки, салата оливье – из банки зеленых оливок и плавленых сырков.

Разумеется, в честь прихода дорогого гостя на столе появилась бутылка виски; в этом и состоит единственная разница между русским застольем и испанским: в России – с водочкой, в Испании – с виски.

Кого-то позвали из соседней комнаты – на вечеринку.

– Цветан, – представился мне высокий сутулый парень с густой волнистой шевелюрой и глубокими зелеными глазами, ярко выделяющимися на фоне загорелого скуластого лица. Расцеловались, как это у нас принято, в обе щежки.

– Цветан – болгарин, – объяснил Вася. – Хорош мерзавец, да?

– Это просто зависть или что-то более серьезное, я имею в виду половую ориентацию? – невинно поинтересовалась я.

– Вот ты дурочка, Сусаннита. И за что мы тебя любим?

– Так за это самое: за дурь.

- Ладно, прицепилась к слову. Подсаживайся давай, наминай картофан, а вот сырки твои любимые.
- Васек – душка, простой, без затей, но зато очень родной.
- Вы что, жрать сюда пришли? – возмутился Вовка. – А ну-ка, поднимем и пропустим первую, чтобы углубить вкус оливок.
- Вовка, ты – поэт, – восхитилась я.
- Ладно, – небрежно махнул рукой Вовка, – автограф свой я тебе после оставлю в соответствующем месте, дама.
- Говорить испанский! – с сильным акцентом, но по-русски заявил Цветан.
- Зачем, ты ж понимаешь? – удивился Васек.
- Двух – да, трех быстро – нет.
- Мы расхохотались и перешли на общепонятный язык, впрочем по-прежнему отпуская соленые шуточки на русском, с последующим переводом «для Цветика».
- Между первым и вторым... – поднял бокал Иван.
- Ну дает, – восхитился Вовка, – уже наш фольклор выучил. Вот зараза!
- Ты молчать, Вовка. Виски пить, – улыбаясь сказал Цветан.
- Время прошло быстро и незаметно, я расслабилась, чувствуя себя просто замечательно.
- Спасибо, мальчики. Вы сегодня так много для меня сделали, – поблагодарила я уходя.
- Да ладно, завтра придешь уберешь, вымоешь посуду, принесешь бутылочку для опохмелки – и мы в расчете, – это Вася хохмит.
- Меня такими «заданиями» не напугаешь. Ждите завтра!
- Не раньше двенадцати, у нас утренний сон – самый чуткий и нежный.

3 августа

Кто-то здесь зацелован! Там кого-то побили!

Игорь Северянин

Утром – в трудовое агентство. По-прежнему глухо, всего лишь предложения на две недели на Майорку или Канарские острова – за детьми приглядывать, пока родители расслабляются. Ну нам это ни к чему, такая же нестабильность у меня в Мадриде плюс оплаченная квартира плюс абсолютная независимость. Так что продолжаем культурно обогащаться, слушая испанскую народную музыку.

Опоздав на полчаса, все-таки пришел Артуро. Извинился за вчерашнее, сказал, что Елена плохо себя чувствовала и он не мог оставить ее одну. Я дала ему номер телефона Иры – на всякий непредвиденный случай – и отправилась на раздачу билетиков.

Через какое-то время зовет обратно в бар.

– Послушай, Суси, у меня серьезные проблемы.

– Что случилось? – встревожилась я.

– Я не могу содержать заведение. Уже задолжал за свет, за аренду помещения, не выплачены налоги с прошлого года... Ума не приложу, что буду делать.

– Сочувствую. Чем я тебе могу помочь?

– Спасибо, дорогая. Надо же, вот так сразу, не зная толком человека, спрашивает, чем может помочь.

Оригинально, значит чтобы в койке вместе барахтаться, мы друг друга знаем, а чтобы посочувствовать и попытаться помочь в запущенном бизнесе, знаем, но недостаточно!

– Не за что. Только я в самом деле не понимаю, как тебе выпутаться из ситуации.

– Как-нибудь справлюсь. Есть одна идея, возможно, мне потребуется твоя помощь. Ты как, не против?

– Я же сказала, располагай мною.

– Хорошо, позже поговорим. Скоро придет Елена, так ты любезнее с ней, о'кей?

Вот еще новости! Я и не заметила, что была с ней нелюбезна.

23:00

У меня гости! Как и обещали, пришли Вася и Вовка – послушать «цыганскую музыку». Хотя я предупредила, что раньше часа ночи здесь делать нечего, ранние пташки заявили в одиннадцать. Согласились подождать развития событий, а между делом заказали по стаканчику виски. Артуро стал сама любезность: виски стоит

дорого, одиннадцать часов – это время легких, недорогих напитков, типа пива.

– Осторожно, здесь все очень дорого! – предупредила я.

– Да нам пофигу! У Вована праздник, он угощает.

– Какой праздник?

– Сегодня позвонил другу детства. Он у меня один остался для связи. Говорит, что арестовали братков, которые на меня давили. А главаря застрелили при облаве. Так что можно начинать оседлую жизнь. Жить человеком, а не тварью дрожащей.

– Поздравляю, Вов! Я ужасно за тебя рада!

Артуро, заметив мое «некоммерческое поведение», быстро выпроводил меня на улицу, а сам вступил в «мужской разговор» с разгильдяями.

Я всерьез обеспокоилась: с контролем у них не очень-то, но покорно вышла из бара.

Вышло, как я опасалась, некрасиво. Через час ребяток окончательно развезло – и от хороших новостей, и от выпитого виски – и они настойчиво потребовали обещанного фламенко. Артуро, презрительно поглядывая на пьяненьких, взял в руки гитару, сдавшись на мои уговоры (вообще-то в баре никого не было, и мой хозяин за так не тратит свой талант на двух хмельных славян).

Как и следовало ожидать, Васек и Вовка пришли в восторг:

– Настоящий испанец! – заявил Вася.

– Почему? – наивно поинтересовалась я.

– Да ты посмотри: черты лица, играет на гитаре – все одно к одному.

– Я тебя, наверно, разочарую, Васек, но он – цыган!

– Да ну!

– «Типичный испанец», – передразнил Васю Вовка. – Много ты в них понимаешь, в типичных-то.

Мальчишки засобирались, было поздно, а завтра на работу. Предъявленный счет ошарашил обоих.

– Могла бы предупредить, старушка, что здесь виски дорогое!

– Так нечестно, я предупреждала, – возмутилась я. – Просто вы, как всегда в таких случаях, слушать не хотели.

– Ладно, мы это тебе припомним, когда за очередными сырками придешь, – пригрозил Вовка.

– Не жмись, Вовка, у тебя сегодня настоящий праздник!

– Спасибо за концерт, парень, – поблагодарили уже в дверях обалдуи. – Было очень поучительно!

4 августа

Солнце всегда вдохновенно!

Солнце всегда горячо!

Игорь Северянин

С утра пораньше – генеральная уборка нашей квартиры, моя очередь. Я по-быстрому навела чистоту и пошла за покупками.

Привет, Супер! Много воды утекло с тех пор, когда я стояла у твоего входа с газетой, заливаясь краской стыда. Теперь я, как нормальный гражданин, как рабочий человек, иду к тебе за покупками. Но ведь ты меня узнаешь? У нас с тобой особые отношения, о которых знаем лишь мы вдвоем, потому ты приветливо открываешь передо мной двери и подмигиваешь стеклянным глазом.

Жара выматывает. После обеда наша коммунальная семья решает пойти в бассейн: немного позагорать и поплавать не повредит. Ира пригласила молодых шалопаев присоединиться к нашей компании, на что они, как ни странно, согласились.

Мягкая травка, скудная тень, приятный ветерок и много-много воды! Боже, это сколько же времени прошло, как я не купалась в бассейне? Вообще не так много, просто за быстротечностью и сжатостью событий кажется, что вечность.

Пришли Вася-Вовка и расположились недалеко, разговаривая со мной и Ирой и изо всех сил стараясь не замечать Саши. Нам с Ирой не кажется такое положение дел очень удобным, поэтому незаметно и исподволь подталкиваем враждующие стороны к общему разговору. Думаю, они сами устали дуться друг на друга, да гордость никому не позволяет заговорить первым. Ну на это существуют дипломаты и женщины (ой, мне можно статью в

феминистский журнал написать: «Роль женщины в повседневной дипломатии»).

На работу как на праздник! Предстоит тяжелая ночь, все-таки суббота.

Главным событием этой ночи стала оплата труда. После семичасового изнурительного рабочего дня, обслужив немыслимое количество посетителей в баре, зазвав приличное количество любителей фламенко, разлив не менее десяти литров разнообразных напитков, получаю от Артуро две тысячи песет. Я, ошарашенная, смотрю на две зеленые бумажки, потом на хозяина, будучи не в силах сказать ни слова. Видимо, ободренный моим молчанием и неправильно его истолковав, Артуро говорит:

– Завтра в половине десятого.

– Не знаю, не знаю...

– Как это не знаешь? Почему?

– Потому что сначала надо платить, а затем звать на работу.

– Сусанна, ты знаешь прекрасно, что у меня проблемы.

– Сколько ты ей заплатил? – вступает Елена.

– Какая разница! – взвился Артуро. – Две тысячи.

– Это очень мало, – говорит она.

– Заткнись, – свирепеет он. – У меня нет денег, чтобы платить. Нет! Понимаешь, нет!

– Значит, сам и работай, а я не приду, – заявила я, обиженная в самых лучших чувствах: он и так плохо оплачивал мой труд, но те условия я приняла и не могла жаловаться. Теперь же совсем другое, меня просто эксплуатировали!

– Сусанна, прошу, приходи, – настаивал Артуро. – Я тебе говорил, у меня проблемы, мне надо помочь. И ты можешь мне помочь, – ласковой змеей вещал он. Елена закрыла на всякий случай рот рукой, чтобы случайно не вырвалось слово.

– У меня тоже проблемы, Артуро. Но ведь они тебе неинтересны, правда?

Я зашагала в противоположную сторону, глотая на ходу слезы: дура, сама же и вызвалась помочь, вот и получай по заслугам!

5 августа

*Легкомыслие! – Милый грех,
Милый спутник и враг мой милый!*

М. Цветаева

Во время летних распродаж открыты все магазины, даже в воскресенье. У Вовки появилась срочная потребность заняться спортом, а для этого нужно купить роликовые коньки. Мы с Васей – в почетном сопровождении.

В супермаркете можно найти все, что угодно. Поэтому, не теряя времени, мы идем туда. Вовка оказался разборчивым покупателем, так что когда выбор наконец-то был сделан, солнце стояло в зените. Как нарочно, долго не шел автобус, и коллективным разумом было решено идти пешком: всего-то две остановки! Зато какие!

Измученная и вспотевшая, наша троица остановилась передохнуть около садовника, поливающего из шланга кусты рододендронов.

– Печет, собака, – прокомментировал Вовка, вытирая со лба пот.

– Жарит, – согласился Вася. Потом, привстав на цыпочки, чтобы из-за кустов его увидел садовник, крикнул:

– Моему другу жарко. Вы не могли бы его полить?

Пожилой испанец, словно ожидая этих слов, обдал мощной струей Вовку, прежде чем тот успел что-либо сообразить.

– Какого черта? – возмутился он.

Мы захохотали, глядя на освеженного приятеля с прилипшими к телу футболке и штанами.

– Им тоже хочется, – мстительно заявил Вовка, указывая на нас.

Щедрый садовник не отказал себе и в этом удовольствии, дав по нам двоим такой же сильной струей. Теперь все трое, взбодренные, хохоча как ненормальные и отжимая на ходу одежду, мы рысью побежали домой.

– Спасибо! – на полном ходу поблагодарила я испанца.

– Не за что, дочка! Приходите, когда захотите!

– Юморист, – сквозь зубы сказал Вовка, не останавливаясь ни на миг.

21:00.

По принципиальным соображениям сегодня не иду на работу. Около десяти ночи звонит Артуро. Ира, поняв, кто с ней разговаривает, без лишних предисловий начинает его отчитывать, что так не поступают и что таких расценок не существует, особенно при ночной работе и что Сусанне, то есть мне, выгоднее дома сидеть, а не тратить деньги на дорогу. Чуть попозже слышу, как она его русской мафией пугает. Мне стало смешно, но, похоже, он с нею не спорил, только соглашался. Потом попросил меня к телефону. Ира передала трубку и не таясь, правда на русском, сказала:

– Сегодня ни за что не соглашайся идти на работу. Пусть подумает.

Артуро заливался соловьем, уговаривая меня приехать, обещая оплатить такси и все такое. Это как же понимать: на такси у него деньги есть (3–4 тысячи песет от Вентаса до Соли), а на соответствующую оплату труда – нет? Короче, договорились на вторник, в обычное время: и деньги вперед!

6 августа

*Предвижу все: вас оскорбит
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!*
А.С. Пушкин

Письмо от Олега, почти как у Пушкина. Не письмо написал, а целую поэму. Есть, есть талант у человека! Кается, что неправильно обращался со мной, что я заслуживаю всего наилучшего, что у нас еще есть шанс начать все сначала, чтобы я его ждала и что он приедет и т. д. и т. п...

Я испугалась. В России я находилась под жестким прессингом друзей и родителей, которые были убеждены, что мое нежелание жить с Олегом – это просто блажь. Разве я могла объяснить все, что между нами происходило? Перефразировав английского

классика, можно сказать: пока в супружеских спальнях не будут установлены видеокамеры, мы никогда не узнаем истинной причины разводов. Для всех на свете Олег Чеклов – любящий отец и муж, почти идеал. Так почему же я себя чувствовала попавшей в ловушку, затянутой в паутину? Потому что мечтала о чем-то великом, неведанном, подталкивала к этому и его, а он называл все мои порывы амбициями, возвращал с небес на землю, заставлял смотреть правде в глаза! Но у меня-то своя правда! И мне не страшно! Это ему до ужаса не хочется ничего менять. Наконец, чтобы окончательно закабалить чувством вины, меня предали... Думала, что вырвалась, убежав за четыре тысячи километров, а не тут-то было...

...Много лет назад по настоянию мамы я поступила в технический университет на модный «компьютерный факультет». Я мечтала о педагогической карьере, причем не где-нибудь, а в Санкт-Петербурге. Но мамуля решила, что мне будет лучше жить под присмотром у дяди, а образование – техническое ли, гуманитарное – не имеет значения, главное, чтобы оно было университетским. Я была хорошей послушной девочкой и поехала в провинциальный студенческий городок на расширенное изучение интегралов и законов Ома, Ньютона и всех остальных товарищей, которые безусловно были великими ребятами, но мне до них не было никакого дела. Через несколько месяцев, не врубившись ни в один закон, не решив ни одного тригонометрического уравнения, я поняла, что лучше проводить время за пределами аудиторий, чтобы не чувствовать себя абсолютной идиоткой. Весной, к моей огромной радости, я была отчислена из альма-матер и, быстро собрав пожитки, вернулась в родные пенаты. Мама, увидев раскрытые пасти чемоданов, все поняла, не сказав мне ни слова в обвинение: я поступила, как она хотела, год потерян, зато ею вынесен урок: каждый человек знает, чего он желает, и даже если он ошибается, то имеет право на свои собственные ошибки.

Надо сказать, что прародительница затихла после того случая на какое-то время и почти не вмешивалась в мою жизнь, пока мне не исполнилось девятнадцать и она не испугалась, что дитя до сих пор не замужем...

Теперь мне расхлебывать замужнюю кашу, потому что надо отвечать за свои поступки... И это не так просто, как с университетом, когда за прогулы легко отчисляют. Как из этого выпутаюсь? Не знаю...

7 августа

*В богадельнях идущих веков,
может быть, мать мне сыщется...*

В. Маяковский

Артуро сегодня – просто сахар. Доплатил мне за субботу две тысячи, пообещал, что, несмотря на финансовые трудности, будет поступать со мной по-честному. Давно бы так!

Вечер выдался спокойный, без напряжения. Около часа ночи, перед закрытием бара, Артуро говорит:

- Помнишь, ты обещала мне помочь, если понадобится?
- Смотря в чем, – осмотрительно ответила я.
- Не переживай, речь идет не об оплате. Я понял, что тебе тоже надо каким-то образом выживать, а для этого необходимы деньги. Правильно?

Что ж, я не имела ничего против такого течения мыслей; если он поднимет оплату, буду только рада.

- Говори, Артуро, в чем дело.
- Ну ты же знаешь, за бар надо платить, – замаялся он, не зная с чего начать.
- Да, это я помню.
- Тут я нашел одного человека, готового мне помочь. Ты не против пойти со мной на пару?
- Почему я? Почему не Елена? – удивилась я неожиданному обороту.
- Понимаешь, Елена не всегда адекватна, а ты – разумный человек, не скажешь ничего лишнего...
- Ага, – догадалась я, – и даже если что-то скажу, то это всегда можно переиначить, поскольку я – иностранка и пока недостаточно хорошо говорю?
- Можно сказать и так... Кроме того, ты не пьешь, – с легкой заминкой проговорил Артуро.
- Почему ты один не пойдешь? Для большей надежности?
- Потому что он не будет один, для равновесия мне нужна пара.

- И когда запланирована встреча?
- Послезавтра, в три часа.
- У меня занятия, сожалею, но я бы не хотела их пропускать.
- Дорогая, ты не поняла, в три часа ночи.
- Оригинальная деловая встреча, – только и сказала я.
- Так ты согласна?
- Ладно, посмотрим.

Странные они тут – даже для деловых бесед отводится ночь. Спят ли когда-нибудь деловые люди?

8 августа

Любитель трубки, луны и бус,

И всех молодых соседок...

М. Цветаева

В бар на работу принята новая девушка. Признаться, я в легком замешательстве. Как Артуро собирается оплачивать нас двоих? Или разговоры о проблемах яйца выеденного не стоят и адресованы дурочкам типа меня? Тогда пусть немедленно поднимает зарплату!

– Что случилось, Сусаннита? – участливо спросил Артуро, заметив, как я изменилась в лице.

Я объяснила, дрожа от гнева.

– О нет, ничего подобного! – говорит он. – Лилия – это моя подруга. Она помогает безвозмездно. Единственная официантка у меня – это ты, – подчеркнул он «единственная».

Я все еще сомневалась. Уж слишком хороша была девушка, чтобы быть просто подругой.

– Иди, дорогая, раздавай билеты. А мы тут с Лилией поработаем.

Вышла на улицу, чувствуя себя обманутой. Возможно, к моим пролетарским чувствам примешивалась и обыкновенная ревность. Не так чтобы очень, но немного – да! Конечно, я бы предпочла остаться работать в баре, а не на улице. И раз уж у него есть бесплатная помощница, пусть она и раздает рекламу заведения!

За час работы были распространены от силы двадцать проспектов. Глядя на мою озабоченную мину, народ, вероятнее всего, забывал о веселье и о любви к фламенко. Вскоре я приняла решение: вернусь в бар якобы достать что-то из сумочки, а на самом деле ушла по-английски, не попрощавшись. Меня обманывают, и я – тоже. Пусть теперь дожидается клиентов!

Кажется, я опять сама себя уволила...

В два часа ночи – звонок. Сонная Ира с телефонной трубкой в руках спрашивает:

– Это Артуро. Будешь говорить?

– Извини, пожалуйста, за беспокойство. Давай его сюда.

Ира, пошатываясь в полусне, удалилась.

– Говори, в чем дело, только быстро.

– Сусанна, почему ты ушла?

– Не хочу работать на улице, я тебе об этом сто раз говорила. А теперь, когда есть новая официантка, моя часть работы, как я понимаю, это стоять на улице, зазывая клиентов. Мне эта работа не нравится, поэтому предпочитаю уйти.

– Сусанна, во-первых, ты не зазываешь клиентов, а занимаешься маркетингом. Во-вторых, все будет как раньше. А Лилия мне помогает сегодня, понимаешь, сегодня.

– Угу, понимаю, – безразлично ответила я.

– Бери такси, приезжай.

– Зачем это?

– Сейчас очень хорошо, много людей, будет много выручки. Приезжай, дорогая, я заплачу.

– Тебе Лилия помогает?

– О да!

– Вот и замечательно, а я сплю!

Мне даже смешно стало: этот парень понимает, что такое бизнес? Неудивительно, что у него проблемы.

9 августа

Ничто не должно становиться привычным: привычное превращается в обыденное и прекращает замечаться.

Е.В. Клюев

Педро мне ПОДАРИЛ ТЕЛЕФОН! Самый настоящий мобильник, синенький, с зеленым экраном. Не самая последняя модель, как заметил Саша, но мне и такой нравится. Главное, у меня теперь есть мобиль! «С кем имею честь?» – «С сеньоритой Сусанной». Ах, как здорово!

А все случилось потому, что Педро опять потерял меня из вида.

– Теперь, когда ты не стоишь с газетой, мы не имеем никакой возможности связаться, а у нас сданы документы, – объяснял он, сияя от счастья, наблюдая мой неподдельный восторг.

– Огромное спасибо, Педро.

– И я сильно по тебе скучаю. Теперь ты с телефоном, так что я смогу хоть изредка звонить и разговаривать с тобой.

– Конечно, звони когда пожелаешь. Только одна вещь: по телефону труднее разговаривать, чем лично.

– Вот и будешь тренироваться, – улыбался славный старик.

Вновь офис на Кайао. На этот раз дали телефон возможного работодателя, даже не адрес. Все меньше надежд остается, чтобы найти что-то стоящее. Пока мерзкий бар – это единственное средство выжить.

На занятиях по испанскому учили песню... Фламенко, между прочим: «Фуэра де ми», что в вольном переводе на русский означает «Свали в туман». Мне ужасно понравилось – наконец-то, первая песня на иностранном языке, которую я могу напеть, когда вздумается, например, возвращаясь по ночам с работы.

02:00

Как жизнь, как жемчужную шутку Ватто,

Умеют обнять табакеркою,

И мстят ему, может быть, только за то,

Что там, где кривят и коверкают,

Где льет и кадит, ухмыляясь, комфорт

И трутнями трутся и ползают,

Он вашу сестру, как Вакханку с амфор,

Подымет с земли и использует. [16](#)

Вечером Артуро объявил, что запланированная встреча с крупным бизнесменом состоится сегодня. Признаться, я про нее уже забыла. Ладно, пообещала, значит, надо соблюдать договор... И кто меня за язык тянет?

Закрыв решетками двери бара, мы отправились на поиски акулы бизнеса. Для этого пришлось ехать на северную часть Мадрида, где традиционно живет зажиточное население столицы. Место встречи – это жилой двухэтажный дом, окруженный забором, с тяжелой дубовой дверью и зарешеченными окнами. «Похоже, здесь и в самом деле живет крупная шишка», – с невольным уважением подумала я. На наш звонок дверь немедленно отворилась. В дверях, почтительно склонив голову набок, застыл служитель.

Мы прошли в приемную, которая почему-то здорово напоминала изысканный бар с соответствующими ему официантами, витринами, заполненными дорогими напитками и стойкой из красного дерева. Я вошла в ступор. Почему-то я была уверена, что встреча с другом Артуро запланирована у того дома, а не в баре. Между делом мой шеф заказал для нас обоих мартини и спокойно уселся на высоком табурете в ожидании хозяина местечка.

Вскоре появился высокий крупный мужчина среднего возраста с одутловатым незапоминающимся лицом и небрежно протянул руку Артуро, в то время как его взгляд был прикован к моему лицу. Такое откровенное разглядывание конфузило, и я приблизила к губам бокал вермута в надежде хоть как-то укрыться от пристального внимания.

– Я хочу познакомить вас с моей невестой, – неожиданно сказал он. – Вы русская, правда?

Я кивнула: что правда, то правда.

– Настья!

Из правой боковой двери вышла невысокая, пухленькая, с короткими светлыми кудрявыми волосами и озорным носиком девушка, почему-то завернутая в пляжное парео.

– Ася, – обняв меня, при этом прижавшись голым под парео телом, представилась она.

– Ты – русская? – обрадовалась я.

– Ну да, – немного безразлично отозвалась Ася. – А это – мой жених Ваня.

– Его действительно так зовут? – не поверила я.

– Ну да, Ваня, Иван. А что тут такого? – вяло отреагировала она.

Только сейчас я обратила внимание на расширенные зрачки и плохую координацию движений. «Пьяна или под воздействием наркотиков?» – слегка паникуя, подумала я. Местечко мне нравилось все меньше и меньше.

– Пусть мужчины пообщаются, а мы тем временем поплаваем в бассейне, – предложила Ася.

Зал, открывшийся за дверью, был просто огромен. В центре его – два бурлящих и пенящихся водой джакузи, а вокруг них – матрасы, застеленные простынями. Внутри бассейнов находилось несколько мужчин и женщин с обнаженными торсами, да что там торсами: присмотревшись, я поняла, что они абсолютно голые! Ася подошла к краю джакузи, небрежно скинув парео прежде чем войти в воду. Сразу же к ней приблизилось двое мужчин: один впился поцелуем в послушно раскрытые губы, а другой начал ласкать ей грудь. Присмотревшись, я поняла, что парочка из другого бассейна уже перешла от предварительных ласк к основной части.

– Эй! – крикнула Ася, оторвавшись на секунду от своих возлюбленных. – Ты чего стоишь в стороне? Раздевайся и иди к нам!

Я отрицательно мотнула головой, оставшись стоять на месте, замороженная зрелищем.

– Так нечестно! Да и скучно. Иди сюда, я тебе представлю стоящего во всех отношениях парня. Не хочешь?

Я не хотела, разумеется, я не хотела. Где этот урод, которому так нужна помощь? Сейчас я помогу ему забыть обо всех проблемах, причем навсегда. Я ринулась к двери и столкнулась с «Ваней», тоже голым. На фоне большого тела как-то смешно терялся маленький член.

– Почему ты до сих пор одета? Ты приняла душ? – недоуменно спрашивает он.

– Душ я не приняла, потому что я отсюда ухожу, – ледяным тоном сказала я.

– Артуро об этом знает?

– Мне до Артуро дела нет.

Тут появляется цыганский принц. Как все-таки смешон мужчина, когда он обнажен! Сразу же бросается в глаза лишний жирок, непропорциональность тела, обилие волос или полное их отсутствие. Эстетического удовольствия от тела заурядной особи мужского пола просто невозможно получить. Впрочем, я тоже нынче не Венера Милосская, как и никто в этом зале...

– Дорогая, куда ты? – загомонил предатель. – Ты ведь не хочешь бросить меня тут одного? Мы даже еще толком не познакомились с хозяином.

– Сам и знакомься, – огрызнулась я, – а я иду домой. Дай мне денег на такси.

– У меня нет денег, дорогая. Через пару часов поедем вместе, – улыбнувшись, заявила эта скотина.

– Значит, пешком доберусь. Спасибо за доставленное удовольствие и за новое знакомство. Было очень поучительно.

Я решительно направилась к двери, не думая задерживаться ни секунды больше. Меня нагнал Иван:

– Подожди, я тебя отвезу на машине. Где ты живешь?

– Я с тобой не настолько знакома, чтобы позволить отвезти меня домой.

– Вернее, я тебе не понравился?

– Можно и так сказать, – согласилась я.

– Тогда возьми деньги на такси. В это глухое время автобусы не ходят.

– Спасибо. Счет подай тому придурку, с которым я пришла.

– Неужели он тебя ни во что не посвятил?

– В общих словах, наверное, да. Но я же иностранка, плохо понимать испанский.

– Прости, что так получилось. Может, мы с тобой встретимся в другой раз и в другой обстановке?

– В этом мире все возможно... – согласилась я с Ваней. – Даже случайно оказаться в борделе! Чао!

10 августа

Мужчины, которые не прощают женщинам их маленьких недостатков, никогда не насладятся их великими достоинствами.

Халиль Джебран

По-моему, у меня случился небольшой шок от увиденного вчера, поэтому я решила не возвращаться в бар Артуро ни за какие коврижки! Но этим утром в агентстве на Кайао мне напрямую заявили, что раньше чем через неделю новых предложений не будет. Объявления в газету с предложением моих услуг в качестве уборщицы тоже пока не дают результатов – все замерло и напоминает планету Шелезяку: «Воды нет, растительности нет, населена роботами». Так что выбирать не приходится: или кровать под мостом, или газета «Ла Фарола». Пожалуй, мне ничего не остается, кроме бара...

Пришла с ревизией Елена. Видно, Артуро вчера увлекся больше положенного и только под утро явился в супружеские объятия. Со мной он едва разговаривает, скорее всего, от страха быть выданным, если вдруг разговор приобретет нежелательное течение. Ну, мне работа нужна, так что откровения с женой шефа – не в моих интересах.

К трем утра Елена основательно накачалась: стресс снимается абсолютно одинаково как по-испански, так и по-русски! В заведении никого нет, я натираю бокалы, а Елена неровной походочкой идет за очередной дозой.

– Хватит, Елена! – Артуро отобрал у жены бутылку дешевого виски и водрузил ее на место.

– А я хочу еще! – капризно заявила та.

– Дорогая, – терпеливо, как ребенку, стал объяснять очевидные истины Артуро, – ты уже много выпила. Сейчас пойдем домой.

– Не твое дело, сколько я выпила! – агрессивно заявила Елена. – Буду пить, сколько я по-жже-ла-йуу...

– Я тебе налью кока-колы. Идет?

– Не идет, – пьяно передразнила его Елена и расхохоталась.

– Ты не будешь больше пить! – зверея, заорал мачо в Артуро.

– Ха-ха-ха, – залилась смехом пьяная женщина. – И кто мне запретит? Ты?!

Разговор приобретал накал, грозя перейти в ссору. Лично я предпочитаю держаться от семейных ссор подальше, поэтому, улучив момент, я незаметно выскользнула из бара.

Судя по шуму, доносящемуся изнутри, страсти накалялись. Привлеченные криком и грохотом четверо американских студентов застыли у двери бара, а один из них – самый любопытный – заглянул в дверь. Пытливость была наказана, ибо в открывшуюся дверь один за другим полетели несколько стаканов. Белобрысый парень проворно захлопнул ее, прежде чем пара бокалов разбилась о косяк. Вслед за звоном стекла послышался треск оплеухи, и на время все затихло.

– Дерутся клиенты? – на картавом испанском спросил тот самый белобрысый и глупо отважный.

– Нет, хозяйева бара: муж и жена.

– А-а, – протянул он и перевел своим друзьям ситуацию. Благоразумные девушки схватили своих ребят за руки и уволокли подальше от опасного места. Ну, мне предстоит ожидать финального свистка: деньги за вечер еще не выплачены.

Из бара вылетела разъяренная Элена, размахивая шарфиком, как стягом, и крича:

– Я звоню в полицию! Я немедленно звоню в полицию!

– Дорогая, успокойся, – увещевал Артуро, закрывая решеткой дверь.

– Деньги, – не обращая внимания на пикантность ситуации, я протянула руку.

– Я занят! – взбесился он, забыв тут же о своей роли понимающего и любящего.

– Ты думаешь, он хороший, да, Сусанна? А он – свинья. Я такое про него знаю!

Допустим, я тоже.

– Сусанна, успокой ее, поговори, как женщина с женщиной, – попросил Артуро.

У меня от его наглости и цинизма перехватило дыхание.

– Нет, дорогой, это ваше семейное дело, и лезть в него я не буду.

Тем временем Элена набрала номер и приложила трубку к уху в ожидании ответа. Заметив это движение, Артуро коршуном накинудся на нее и отобрал мобильник.

– Помогите! – взывала Элена. – Спасите! – и замолчала, будучи не в силах больше вымолвить ни слова: ладонь Артуро надежно заградила доступ кислорода. Пьяная женщина попыталась вырваться, но ее сил хватило ненадолго. Она затихла и помахала головой, давая понять, что успокоилась и может говорить спокойно. Бармен недоверчиво, понемногу отнимал ладонь от ее рта.

– Сволочь! Гад! Убью тебя! – пришла в себя Элена, раздражаясь новыми проклятьями, но уже не так агрессивно. Артуро тоже почувствовал, что кризис прошел, обнял ее, что-то зашептал, кажется, нежное.

– Сусанна, возьми, здесь четыре тысячи, – протянул он оплату.

– О'кей. Ну я пошла.

– Мы тебя довезем, – предложил Артуро.

«Ну спасибо, увольте меня от сомнительного удовольствия быть щитом для мерзавца», – подумала я, а вслух сказала:

– Спасибо, но мне хочется по воздуху пройтись... Адьюс!

11 августа

*Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Весь я в чем-то норвежском! Весь я в чем-то испанском!*

И. Северянин

Пуэрта дель Соль – это вечное, непрекращающееся ни на минуту движение. Даже в пять часов утра, когда выходят убирать мусор, можешь обнаружить несколько заплутавших, ну а девять вечера – это самый разгар шествия. Я продираюсь сквозь толпу, привычно улыбаясь и извиняясь, и получаю в ответ улыбки и извинения: это правда, в Испании все удивительно вежливы.

– Ой, какая красotka! – услышала я чей-то восхищенный голос. – Можно мне пойти рядом с тобой?

Я посмотрела на галантного: хорошо одетый, в светлом летнем костюме мужчина, где-то сорока пяти лет, в модных очках, не вызывал отвращения, скорее наоборот, поэтому, пожав плечами, ответила:

– Пожалуйста, улица для всех.

– Далеко идешь? – продолжил разговор незнакомец и спохватился:

– Ой, я забыл представиться: Марио Почини.

– Имя какое-то странное, – удивилась я. – Ты не испанец?

– Я? Испанец? – сильно возмутился Марио, как будто его оскорбили, и продолжил с достоинством: – Я – итальянец, из Милана. Быть испанцем – недостойно мужчины.

– Ну это, знаешь ли, никто не выбирает...

Мне стало неприятно: во-первых, испанцы, в сущности, мне нравятся, а во-вторых, от расизма я усиленно пытаюсь отучиться.

– Да, ты, пожалуй, права, – переменял тактику итальянец. – И все-таки, куда мы идем?

– Я иду в магазин.

– Чудесно! Мне очень нравится ходить по магазинам.

– Ну тогда ты – нетипичный мужчина.

Вся эта история начинала меня раздражать. Мы уже подходили к Эль Корт Инглес, и компания Марио меня не устраивала.

– Что хочешь купить? Какую-нибудь безделушку? Ты позволишь мне сделать для тебя подарок?

Я порядком устала от итальянской настырности и, чтобы отделаться от никчемного знакомства, объясняю: я на работе, иду покупать специальный диск, потому что музыкальный центр в баре выдает только хрипы, а не музыку. МНЕ НЕКОГДА!

– Я покажу тебе, где они находятся; ты ведь наверняка не знаешь, – не оставлял своих попыток подружиться Марио.

Я и вправду не знала, пришлось согласиться. Диски обнаружили на втором этаже огромного универмага.

– Сеньорита, будьте любезны, подскажите, где находятся чистящие диски. У нас возникла проблема, и ее надо срочно решить, – интимно пожаловался мой попутчик, быстро объединив меня и его в «нас». Услужливая продавщица объяснила, где найти нужную секцию.

Марио деловито выбирал, потом заявил:

– Это самое лучшее!

– Ты на цену посмотри, у меня нет денег на «самое лучшее», – передразнила я его.

– Не имеет значения – плачу я.

Я опять пожала плечами: пожалуйста, раз у тебя так много денег, то у меня они как раз не лишние. В следующую минуту «мужчина в приличном костюме» выкинул экстравагантщину, которая повергла меня в легкий шок: элегантно жестом Марио открутил сигнальное устройство, после чего «освобожденный» диск был неторопливо уложен во внутренний карман пиджака. Потом он обнял меня за плечи и заявил:

– Пошли, дорогая.

Нерешительная, как никогда, я сделала слабую попытку остановиться, заметив кассу:

– Надо заплатить? – спросила я, словно впервые оказалась в торговом центре.

– Ничего не надо делать, – выразительно пожав мне локоть, заявил мошенник, – иди спокойно к выходу.

Я двигалась, хотя не могу с уверенностью сказать, что мои колени при этом не дрожали. Впрочем, вышли мы спокойно, никто нас не остановил и не окликнул. Пройдя несколько метров, он остановился, прижал к себе и, несмотря на мое сопротивление, крепко поцеловал в губы.

– Я – самый лучший вор в Мадриде, – заявил итальянец. – Тебе понравилось?

Было не очень понятно, о чем он спросил: о поцелуе или о мошенничестве. В любом случае, ни то, ни другое мне не понравилось, и я энергично отрицательно помотала головой.

– А ты молодец, смелая, – похвалил меня Марио, не обращая внимания на мои мотания головой. – Сейчас пойдем к твоему хозяину, и я ему скажу, что оплатил диск по кредитке, так что эти деньги – твои. Договорились? – он рассмеялся, видимо довольный произведенным впечатлением.

Я сглотнула и кивнула головой: к чему спорить с сумасшедшим?

Артуро, возможно, что-то и заподозрил, но ничего не сказал и даже вернул деньги, которые «задолжал» за диск.

- Ты когда заканчиваешь работу? – спросил Марио.
- В три-четыре утра, в зависимости от количества людей, – честно ответила я.
- Чудесно, я тебя встречу. – И, обращаясь к хозяину бара, шутливо заметил: – Не нагружай ее сильно работой, нам еще понадобятся силы. До встречи!
- Как долго ты с ним знакома? – спросил меня бармен.
- Около двух недель, – соврала я, чтобы избавиться от лишних вопросов.
- И он тебе нравится? – продолжал допрос мой шеф.
- Он просто мой друг, – агрессивно отреагировала я.
- Ладно, ладно, не нервничай, друг, так друг – мне-то какое дело, – примирительно заговорил хозяин и добавил: – И все-таки будь осторожна с новыми друзьями.
- Хорошо, спасибо за совет, – вежливо поблагодарила я, а сама подумала, что не такая уж он и скотина, хотя платит, конечно, мало.

Надо было всерьез подумать, как выпутаться из этой истории. Но как раз на это времени не было: суббота, работы – не продохнуть. Часа через два из людского рева и оглушительного грома музыки прорвался голос Марио:

- Привет, дорогая! Ты наверняка голодна: я принес тебе горячий бутерброд – поешь.
- Бутерброд тоже ворованный? – ехидно спросила я.
- Я вижу, тебе не понравилось наше маленькое приключение, – с сожалением вздохнул воришка. – Нет, еда неворованная, можешь есть спокойно. Подойду попозже, когда ты будешь свободна и, возможно, в более хорошем расположении духа. Чао!

Через секунду новый знакомый исчез, оставив меня в полном недоумении. Я была абсолютно одна в большом городе, в незнакомой стране, миллионы лет никто не проявлял обо мне никакой заботы, а этот странный человек, вор, принес еду, предположив, что я голодна. Ладно, посмотрим, может, не так уж все и запущено.

Когда я окончила работу, Марио уже стоял на улице, поджидая. Покорная, я последовала за ним, хотя и не знала, куда, зачем. Однако ничего страшного не случилось – мы пришли в бар,

разумеется, итальянский. В полном молчании съели оливки, маленькие канапе с кусочками итальянского хамона – проскуито, запивая все это приятным вином. Наконец он заговорил:

– Не думай обо мне плохо. Жизнь – штука сложная, никогда не знаешь, куда тебя потянет и в какую сторону вынесет. Я работаю в одной важной компании по производству одежды. Ты ведь знаешь, что самая лучшая в мире одежда – это итальянская... Ну а это небольшое приключение с диском не принимай всерьез: мне хотелось произвести на тебя впечатление.

– У тебя хорошо получилось, – согласилась я, не совсем веря его словам.

– Согласись, это сильный трюк! – обрадовавшись, что я наконец заговорила, воскликнул Марио. – Гораздо удачнее, чем вздохи или подмигивания, чем осыпать девушку комплиментами... Это все привычно, а потому и неувлекательно. Ты как думаешь?

– Не знаю... Знаю только, что ты меня потряс, в этом ты прав.

– Вот видишь, вот видишь! – обрадовался эмоциональный итальянец. – Я так и знал! А когда увидел тебя, тут же решил: эта девушка должна быть моей, а для этого ее надо удивить чем-то необычным. И мне удалось!

– Еще как удалось, – согласилась я, обрадовавшись такому объяснению. В конце концов, каждый имеет право на свои странности. Кто может сказать о себе, что он совершенно нормален? Более того, к «нормальным» я отношусь с предубеждением – как к ужасно странным.

Далее разговор протекал спокойно, почти без напряжения. После ужина новый знакомый проводил меня до стоянки такси и дал деньги на оплату проезда.

12 августа

*Попытка душу разлучить
С тобой, как жалоба смычка,
Еще пронзительней звучит
В названьях Ржакса и Мучкап.*

Б. Пастернак

Поговорила с дочкой по телефону... Моя кроха уже знает наизусть «Идет бычок качается» и «Гуси». Правда, со мной говорить не захотела – только внимательно слушала, а потом (уговорили!) сказала: «Гуси, гуси, га-га-га». Я с трудом сдерживала дыхание... Как больно! Я разревелась... Навзрыд... Пришлось срочно повесить трубку... Почему, черт возьми, я должна лишаться этих моментов? Где, черт побери, моя защита, опора, надежная спина? Я о муже, об этом идеале для всех... Какое право он имеет звонить или писать?

Пришла домой с опухшими глазами и лицом.

– Что случилось? – забеспокоилась Ира.

– Дочка уже начинает говорить, – едва выговорила я и опять залилась слезами.

– А я думаю, что же такое случилось, идешь, сопли по всей Ла Элипе тянутся. Мы же сюда за хорошей жизнью для наших детей приехали. Так чего ты теперь скулишь?

– Со-соскучилась!..

– Все образуется, не вой.

Конечно, оно верно, не время раскисать. Только я здесь почти три месяца, мне едва хватает прокормить себя, где уж там говорить о двухлетнем ребенке!

Около десяти появился Марио.

– Чем занята сегодня?

– Работаю, – довольно грубо ответила я.

– А после работы? – настаивал он.

– Иду домой – спать.

– Если я приглашу тебя в паб, буквально на часок, ты ведь не откажешься?

– Не знаю, я устала, хочу отдохнуть.

– Я хочу предложить тебе другую работу.

Это другое дело, с этого и надо было начинать!

– Что за работа? – поинтересовалась я.

– Все потом, после того как закончишь здесь.

Знает, как подцепить на крючок бедного утопленника. Разумеется, я пойду. От моего бара больших заработков ждать не приходится, ежедневное ночное веселье основательно утомило, а Артуро на дух не выношу.

Время в ожидании разговора с Марио тянулось невероятно медленно. Наконец бар закрылся и Артуро протянул мне «зарплату».

– Почему только две тысячи? – возмутилась я. Опять взялся за старое, опять платит жалкие гроши! И это притом что я совмещаю работу уборщицы, официантки и распространителя рекламы в течение семи часов ночного времени! Эксплуататор! Артуро опять затянул волюнку про свои проблемы, и я, не выслушав до конца уже знакомую песню, махнула рукой и ушла.

Ладно, послушаем, что предложит восторженный итальянец.

– Я служу в фирме по производству одежды и занимаю довольно важный пост. Тебе могу предложить работу сортировщицы или этикетчицы. Рабочий день – с девяти до шести с перерывом на один час на обед, оплата труда – сто тысяч в месяц плюс премия. Как тебе предложение?

– Неплохо, – честно признала я.

– Согласна?

– Я должна подумать, – продолжала осторожничать я. В самом деле, предложение показалось мне невероятно щедрым и немного нереальным.

– О чем думать? – возмущался итальянец.

– Я тебе во вторник скажу окончательный ответ.

– Смотри, такие места не пустуют.

– Догадываюсь. Но ты ведь занимаешь важный пост? Придержи для меня местечко до вторника. Договорились?

– Ладно, – проворчал Марио, – договорились.

13 августа

Добродетель – сама по себе наказание.

Ф. Ницше

Понедельник, время отдыха и размышлений. Что делать, какой путь вернее? С Артуро все понятно: долго это продолжаться не может, очевидно, что заведение дышит на ладан. Это причина, и достаточно веская. С другой стороны, работа в баре мне кажется гораздо более достойной, чем «продажа» суперпопулярной газеты «Ла Фарола» около магазина.

С Марио мне ничего не понятно: кто он, откуда, почему бродит по ночам, как сомнамбула, если с утра должен быть в конторе – свеженький и подтянутый? Да и тот случай с воровством – еще одна неизвестная. Похоже, что клеиться ко мне не собирается, по крайней мере после того поцелуя, никаких более опасных телодвижений не возникало.

Да, тяжело сделать правильный выбор...

Позвонил Педро, предложил встретиться, хочет сделать мне какой-то подарок. Ого, столько подарков за короткое время, так и привыкнуть можно!

Выясняется, что послезавтра – день какой-то Девы Марии – покровительницы Мадрида, именно поэтому мы идем в магазин сделать мне покупку, как говорится, к праздничку. Я останавливаю свой выбор на черных джинсах, которые стоят (со скидкой!) пять тысяч песет. Педро качает головой:

- Что такое? Это для тебя дорого? – спрашиваю я.
- Скажем, недешево, – нерешительно промолвил он.
- Хорошо, – согласилась я и задернула шторку примерочной. – Спасибо, – говорю, подходя к продавщице и возвращая ей брюки, – это мне не подходит.
- Почему? – вступает Педро. – На тебе отлично смотрятся.
- Да, но слишком дорого. Пошли отсюда.
- Нет, глупая. Сначала я заплачу, а потом пойдем.
- Я ничего не хочу, никакого подарка. Неужели не понятно?

Ситуация начинала раздражать и злить. Я стрелой выскочила из магазинчика, села на скамейку и закурила, дожидаясь дарителя. Педро появился через минуту с фирменной сумкой из магазина.

- Тебе, – коротко сказал он.
- Спасибо, – безразлично поблагодарила я, – только так подарки не делают... У меня испортилось настроение... Сказал бы сумма,

тогда и проблем нет, – как всегда, когда я волновалась, мой испанский заметно ухудшался.

– Извини, я был неправ, – покаялся старик. – Пойдем выпьем по бокальчику пива?

Я согласилась: Педро – славный старик и многое для меня сделал. Так неужели я откажу ему в такой малости, как приятная беседа? В конце концов, я расслабилась в мирной дружеской болтовне.

14 августа

*Не усматривайте злого умысла в том, что вполне объяснимо
глупостью.*

Закон Мерфи

Час икс. Думала, что будет трудно принять окончательное решение, а все решилось само собой. Придя на работу в девять часов вечера, я обнаружила у двери бара какую-то барышню. Судя по чертам лица и телосложению, латиноамериканского происхождения. Дверь бара была зарешечена...

– Кого-то ждешь? – спросила я, заинтригованная.

– Да, Артуро.

– Зачем?

– Насчет работы.

– А-а, – только протянула я.

Появился Артуро, едва удостоив меня взглядом. У новой девушки собеседование с хозяином, поэтому меня попросили удалиться. Ну и ладно, погуляю полчаса! Впрочем, хозяин передумал и дал мне задание купить бутылку виски в китайском магазинчике, расположенном на соседней улице, рядом с площадью Санта Ана. На мой взгляд, полная глупость: ведь ежу понятно, что в любом супере эта бутылка будет стоить в половину меньше. Но, видно, у вечно занятого нет времени ни на что, даже на покупку провианта.

Вернувшись, я обнаружила новенькую за стойкой бара в блестящем мини-платье, густо накрашенную и уже обслуживающую клиентов. Вот это скорость! Меня шеф отправил мыть туалеты... Сама виновата, ведь в начале моей карьеры в баре

я решила, что для поддержания имиджа заведения необходима чистота. Поэтому, не гнушаясь грязной работы, вымыла все от пола до потолка, включая закопченные стены клозетов. Так что все правильно: мой неброский макияж, скромное платье, а также желание услужить автоматически определяли меня на единственную достойную работу: мыть туалеты. Обслуживать же ночных клиентов надо совсем по-другому: с вызывающей раскраской на лице и в гнусно сверкающем одеянии.

...Что-то я совсем соображать перестала. Видно, от неуверенности во всем, даже в том, что я заслуживаю эту дурацкую работу. Ну да, я ведь не владею языком, как эта «блестящая» девушка...

Вскоре появилась Елена, поэтому нас с новенькой погнали заниматься примитивным маркетингом. Соне – колумбийке – эта чудесная идея не очень пришлась по вкусу, но она послушно вышла со мною из бара, повторив трюк с переодеванием.

– Зачем ты так часто переодеваешься? – искренне заинтересованная, спросила я.

– В том платье можно работать за стойкой бара, но стоять на улице...

Понятно... Непонятно только, почему нельзя надеть одно платье для любого вида работы, – мы уже стояли на соседней улице, впихивая рекламные проспекты проходящим.

– Я про распространение рекламы на улице ничего не знала, – недовольно скривив губы, заявила Соня.

– И сколько же он тебе пообещал платить? – задала я главный вопрос.

– Пять тысяч, – небрежно уронила она.

Я задохнулась от возмущения. Какая низость! И это в рабочий – не выходной – день! Национальная гордость великороссов охватила меня с невиданной силой, заставила круто развернуться и зашагать к бару даже не попрощавшись с Соней.

– Эй, ты куда? – крикнула она вслед.

– Ты работай, работай. У меня возникла пара вопросов к шефу.

Сладкая парочка, похоже, о чем-то спорила, но, увидев мое рассерженное лицо, оба затихли.

– Что-то случилось, Суси? – доброжелательный сиял улыбкой.

– Случилось, дорогой, – в тон ему ответила я.

- Говори и иди быстро работать.
- В этом и суть.
- В чем? – не понял Артуро.
- Я ухожу, навсегда ухожу из твоего бара.
- Но почему? – заикался он.
- Подумай сам, ты уже большой мальчик.
- Сусанна, пожалуйста, останься, – это Елена. Я и не знала, что настолько дорога ей.
- Нет, не хочу. В этом баре намного больше платят латиноамериканцам. Я не привыкла к такому обращению, – проклятый расизм никак не искоренялся.
- Ты что себе позволяешь, негодяйка? – взвился политически корректный Артуро.
- Сам негодяй! И лучше тебе заткнуться!
- О чем? Говори!
- Сказать? При Элене? – я позволила себе минимальный намек.
- Заткнись!
- Заплати мне за два часа работы. Это две тысячи.
- У меня нет денег в кассе, приходи в два ночи, – сложив руки на груди, заявил бессовестный.
- Оставь себе, Артуро. На бедность... – и ушла.

15 августа

Давай на поверхность: может, вынесет волной на брег...

Е.В. Клюев

У нас Вирхен де ла Паломы. Как объяснил всезнающий Вовка, Паломы – голубка – это покровительница Мадрида. Оказывается, этой традиции всего три века. Изображение Девы Паломы повесила на подъезде своего дома одна верующая, ну а соседям эта иконка почему-то запала в душу, вот они и начали приходить и просить исцелений и защиты. Мадридцы говорят, что Паломы не покровительница города, а королева сердец горожан. Праздники

проходят на Вистильяс, недалеко от Королевского Дворца. Может, и загляну на огонек...

Встретились с Марио, чтобы обговорить еще раз условия моей будущей работы. Великая вещь – сотовый телефон! День сегодня нерабочий – о чем говорить? Ну да ладно, уговорил.

Как всегда свежий и подтянутый, шикарный чисто по-итальянски, в хорошо пошитом костюме и шелковой рубашке, Марио поджидал меня у входа в метро.

– Как тебе идея насчет мороженого? – спросил он.

– Чудесно!

В уютном кафе, пахнущем ванилью и шоколадом, мы съедаем по огромной порции десерта. Наконец он заговорил:

– Я ведь тебе не нравлюсь как мужчина?

Начинается старая песня!

– Нет, – откровенно призналась я. Мне нравилась в нем манера одеваться, стиля во всем: например, открыть дверь такси, целовать на прощание руку, ненавязчиво советовать при выборе блюда, даже привычка растягивать слова на итальянский манер – эдакий светский лев, но... не мой тип, не орел!

– Ты ушла из бара? – скакнул Марио на другую тему, не развив, слава Богу, первой.

– Да, еще вчера.

– Правильно сделала, там ты денег не заработаешь.

– А где их можно заработать? На твоей фабрике?

Марио прищурился, глядя на меня в упор.

– Я подумываю о другом варианте.

– О каком?

– Давай я тебе все лучше объясню на месте. Встречаемся завтра в одиннадцать у Корт Инглес.

– А как же фабрика?

– Разве ты не хочешь по-настоящему зарабатывать?

– Хочу, но...

– Тогда завтра в одиннадцать.

Марио распрощался и ушел, а я осталась наедине с расплывающимися по вазочке остатками мороженого, ничего толком не поняв.

16 августа

Угол зрения зависит от занимаемого места.

Закон Майлса

Ровно в одиннадцать я стою у входа огромного магазина, неторопливо начинающего свою работу. Марио тоже не опаздывает, и мы входим внутрь освеженного кондиционерами чудовища. Побродив в отделе бижутерии, мы свернули к сумкам и перчаткам, а оттуда направились к косметике и парфюмерии.

– Тебе нравится духи Жадо? – спросил он у витрины знаменитой французской марки.

Я понятия не имела об этих духах. Вдохнув тонкий сладковатый запах, я не могла не признать, что Кристиан Диор – это всегда высший класс.

Поднимаемся на следующий этаж. Теперь мы в отделе мужской одежды. Марио неспешно прошелся, остановился возле галстуков и начал объяснять, в чем разница между хорошим и плохим галстуком. Я и так знала, что он здорово разбирается в одежде, меня не надо еще раз убеждать.

Время летело незаметно. Кто-нибудь знаком с женщиной, которой не нравится ходить по магазинам? Я – нет. Взглянув на часы и обнаружив, что приближается обеденное время, а о новой работе пока не сказано ни слова, я заторопилась.

– Марио, время обеденное, а я все еще не знаю, где и чем буду заниматься.

– Пообедаем вместе?

– У меня нет денег на ресторан.

– Это ничего, я приглашаю.

Ну что ж, придется обедать вместе, если я хочу узнать наконец, чем он предлагает заниматься.

Пока официант, приняв заказ, удалился, Марио вытащил из внутренних карманов пиджака духи Кристиана Диора и элегантный галстук «от Кензо».

– Духи – для тебя, а это – мне.

Я раскрыла рот, будучи не в силах поверить в происходящее: значит, все-таки он – вор!

– Послушай, дорогая, ты, наверное, поняла, что я – профессионал.

Я неопределенно пожала плечами. Для меня это слово было применимо к людям, классно знающим свое дело... да так оно и было.

– Разве ты заметила, как я взял эти вещи?

Я отрицательно помотала головой, отметив, что Марио старательно избегает слова «своровал».

– И никто не увидел, я тебя уверяю. У меня больше двадцати лет стажа, – похвастался он выслугой лет и продолжил: – Дело в том, что для работы мне необходима помощница – не просто хорошенькая девушка, привлекающая внимание, а нечто большее. От тебя идут флюиды сексуальности, а это удерживает взгляд гораздо надежнее, чем просто красивая женщина. Понимаешь, о чем я?

Конечно понимаю. Из-за этих-то «флюидов» я счет потеряла своим приключениям. Только каким образом связано одно с другим: моя сексуальность и воровство? Этого пока я не понимала.

– Все просто: я делаю мою часть работы – хорошо делаю! В это время ты делаешь свою, отвлекая внимание, вступая в разговоры с продавцами или покупателями, чтобы облегчить мне задачу. И заметь, если меня поймают, а такое может случиться, ты ни при чем, просто разглядываешь вещи и со мной незнакома.

В каком фильме я все это уже видела? Ох уж влипла, так влипла...

– Предположим, что я соглашусь. Какой процент будет у меня? – неожиданно для себя я начала торг.

– О, это деловой разговор! – обрадовался Марио. – Положим тебе тридцать процентов, поскольку основной риск беру на себя я и сбыт вещей – тоже. Твоя часть работы – чистая.

– Скажем, актерская?

– Именно. Кроме того, ты должна быть всегда хорошо одета, пахнуть дорогими духами, быть ухоженной с головы до ног – об этом позабочусь я.

– Ты что же, и маникюр мне будешь делать? – развеселилась я.

– Если понадобится... Но вообще-то этим занимаются в парикмахерских. Я за то, чтобы каждый специалист занимался своим делом. Скажи, может, тебе больше нравится мыть унитазы или прислуживать старым придуркам? – Марио был посвящен в некоторые мои приключения.

– Мне не нравится ни то, ни другое. Но я в чужой стране, без документов, без знания языка и мне надо как-то выжить.

– Выживать можно по-разному... Для этого необязательно возиться в дерьме.

– А то, что ты предлагаешь, – не дерьмо? – напрямую спросила я.

– Дерьмо, – согласился Марио, – но при этом хорошо пахнет!

В подтверждение своих слов он взял мою руку, брызнул из флакона на запястье и приблизил к своему носу, одобрительно причмокнув:

– Хорошо! Очень качественное дерьмо!

Мне стало любопытно. Я хочу сказать, что всю жизнь была такой правильной, такой воспитанной и формальной, такой не совершающей дурных поступков барышней, почти живущей по библейским заповедям, что самой стало от этого скучно. Вдруг показалось, что жизнь проходит, а я так и не узнала, что же это за штука такая – жизнь.

– Ладно, давай попробуем.

– Отлично! Обсудим некоторые детали: работаем только в дневное время – меньше охраны, да и та, что есть – до часа дня спит, передвигаясь с места на место. Обедаем вместе, если тебе подходит, ресторанный счет оплачиваю я. Вечерние часы – личное время каждого. В конце недели – подсчет прибыли и дележ. Как тебе расписание?

– О'кей. Одно условие.

– Говори.

– Не приставай ко мне с глупостями.

– Ты имеешь в виду с сексом?

– Да.

– Ну если этого захочешь ты, то я не стану выдвигать аналогичных требований. Кроме того, разве тебе не любопытно узнать итальянского мужчину? Уверяю, ты не пожалеешь.

– Так как, принято? – перебила я.

– Принято, – легко согласился Марио.

Наш пакт был скреплен веселящим красным вином и красноречивым обменом взглядами. Подумать только, я – в одной лодке с вором!

17 августа

Я совершал прыжок с моста вниз головой, туда, в девственный ил, ноги сияют и ждут клева; подобным образом Сатана низринулся сквозь небесные сферы, сквозь земную твердь, головой вонзаясь в самый пуп земли, в наимрачнейшую, наигустейшую, наираскаленную преисподнюю.

Г. Миллер

Итак, первый день новой работы. В восемь утра я уже была на ногах, оккупировав на долгое время ванную комнату. Если для лучшего качества исполняемой работы необходимо иметь безукоризненный вид, то мы его примем! Мои ноги сияли шелком после депиляции, ногти наманикюрены-напедикюрены, а волосы тщательно-небрежно уложены. Я обрызгалась с головы до ног ново-ворованными духами и надела батистовую блузу цвета фуксии, светлую юбку до колена, привлекающую взгляды, но не вульгарную, и открытые туфли на невысоком каблуке. Немного косметики – и я готова!

– Ого, куда идем? – отреагировал Саня, зашедший домой за автомобилем.

– Нравится? – спросила я, ожидая оценки.

– Класс! Опять на собеседование с маньяками?

– Посмотрим, – неопределенно ответила я, не желая раскрывать моей тайны.

– Успехов! Кстати, ты еще работаешь в баре?

- Уже нет. Не мое место принята новая девушка, – это не вся правда, но рассказывать все подробности я не пожелала.
- Обидно.
- Ну ничего, как-нибудь справимся. Где наша не пропадала!
- Ага, и где только Маша не пропадала, – скаламбурил Санек.
- Не хаами, Шурик, и не учи меня жить.
- Прости, старушка, но помочь тебе материально – не могу, хотел бы, да не могу.
- Что так? Принципы не позволяют?
- Нет, хуже – жена.
- Страшное дело – эти жены. Кстати, спасибо за Body-Solid! Замечательно действует! – в начале месяца Сашка принес от одного клиента машину для домашних занятий спортом, которую я с удовольствием осваиваю.
- Да чего там, не за что. Кроме тебя ею никто не пользуется... к сожалению. А у тебя, да, мышечный тонус гораздо лучше. Даже в одежде заметно!
- Будем считать, что это комплимент! Спасибо! Я побежала!
- Адьюс!

В десять утра, выйдя на открытое пространство, еще можно поймать прохладный поток воздуха: асфальт пока не накален горячим солнцем, а политая ранним утром трава еще полна свежестью. Пенсионеры и отпускники, вышедшие насладиться этим часом, задерживали на мне взгляды и даже оборачивались вслед. Значит, мой план успешно действует!

Сегодня было решено работать в самой коммерческой зоне Мадрида – на улице Серрано. Я здесь впервые. Увидев витрины магазинов самых знаменитых фирм и кутюрье, я поняла, что гастарбайтерам, приехавшим сюда в поисках любой, самой непривлекательной и грязной работы, здесь нечего делать. Разве что в качестве экскурсии...

Мы зашли в один бутик, на первый взгляд скромный. Смущало, что цены на манекенах не были проставлены. Одна бы я ни за что не решилась войти, но с Марио все было намного проще, естественнее. Роли мы обговорили заранее, поэтому наш вход не остался незамеченным. Одной рукой мой благородный разбойник нежно придерживал меня за талию, в другой руке он держал мою,

перецеловывая пальчик за пальчиком. С неохотой оторвавшись от столь важного занятия, Марио с апломбом обратился к единственной на весь магазин продавщице:

– Девушка хочет что-то праздничное. Помогите ей с выбором.

Продавщица повела нас в глубь магазина и полностью сконцентрировалась на мне, предлагая платья с открытой спиной, костюмы с шелковыми пиджаками и шифоновыми брюками, юбки с множеством оборок, взбитых в чудесную пену. Я не могла остановить свой выбор ни на чем, мне все нравилось.

– Примерь эти брюки, – попросил Марио.

Я согласно кивнула, и меня провели в примерочную. Брюки оказались длинны.

– Это возможно укоротить? – спрашивает мой спутник.

– Конечно, сию минуту иду за булавками, – быстро согласилась девушка и удалилась в подсобное помещение.

Этот момент был использован элегантным итальянским вором чрезвычайно продуктивно. Невиданное количество дорогой одежды исчезало под полами магического пиджака. Послышался стук каблучков, и Марио, прислонившись к кабинке примерочной, чтобы скрыть увеличившиеся объемы тела, почтительно приоткрывает занавеску, просит, чтобы я покрутилась, и небрежным тоном дает советы.

Вскоре он заскучал, поэтому заявил продавщице, что подождет меня на улице, пока я не определюсь с выбором. Он останавливается у входа, а у меня перехватывает дыхание в ожидании звуков сирены при выходе из двери. Но вокруг все спокойно: с улицы доносится звук машин и болтовня Марио на итальянском по телефону. Молоденькая продавщица сосредоточила на мне все внимание и готовность услужить. Марио спокойно мог бы вынести весь магазин!

– Что ж, мне нравится. Когда будут готовы брюки?

– Послезавтра.

– Как? – ужаснулась я. – Только послезавтра? Но вечеринка сегодня!

– Сожалею, портниха может поторопиться и подшить брюки к завтрашнему дню. Но к этому вечеру невозможно...

– Тогда делать нечего, – развела руками я. – Придется искать другую вещь, которая бы мне подходила без ушивок. Спасибо... – и с неохотой начала снимать брюки.

– Что случилось? – спросил Марио.

Сожалеюще разводя руками, я объяснила ситуацию.

– Ох уж эти красивые женщины, – проворчал Марио, обращаясь за поддержкой к продавщице. – Благодарю вас, и извините за потерянное время.

– Не за что, – улыбнулась она.

Мы вышли, держась за руки, свернули в проулок, затем в другой, затем зашли в дорогой бар, где Марио заказал нам обоим пиво и бутерброды из мортаделлы. Затем, ничуть не смущаясь бармена, он начал доставать из-под пол пиджака ворованные вещи. Официант приподнял бровь, но ничего не сказал, продолжая безразлично натирать бокалы.

– Отлично, дорогая! За полчаса работы – двадцать тысяч прибыли. Ты хорошо справилась.

– Я дрожала как овечий хвост.

– Я ничего такого не заметил, да и продавщица тоже. Ты – прирожденный игрок.

– Спасибо, – уныло ответила я.

– Что такое, тебе не понравилось? – удивился воришка.

– У этой девушки будут неприятности.

– Зато у нас будут деньги. Выживает сильнейший.

Он меня обнял, и я прижалась к нему в поисках утешения и сочувствия. Марио провел рукой по моей спине, пощекотал дыханием шею, легонько чмокнул за ухом и спросил:

– Пойдем ко мне? Мой отель в двух шагах отсюда.

Я кивнула, дрожа от возбуждения:

– Пойдем...

18 августа

Глухой глухого звал к суду глухого...

Несмотря на успешное начало моей новой карьеры, денег пока не прибавилось: в кошельке пятьдесят песет! Марио сказал, что когда сбудет товар, тогда мы и займемся дележом. Если все пройдет успешно, то уже завтра у меня будет около пяти тысяч в кармане!

Заглянув в холодильник и обнаружив там стакан молока, кусок засохшего сыра и полбанки черных оливок, я поняла, что пора идти за покупками. Кстати, не мешало бы прикупить гель для душа, дезодорант, выслать на следующей неделе маме деньги, вернуть наконец одолженные на короткий срок триста баксов Герману, да! ...и приготовить пятьдесят тысяч за поднаем комнаты. Но у меня всего пятьдесят песет!

– Ира, ты не могла бы мне одолжить две-три тысячи? – нерешительно спросила я, испытывая мучительный стыд.

– Зачем тебе? – подозрительно спросила она.

Станный вопрос. У меня в общем на всех холодильнике одна полка. Неужели Ирина на нее не заглядывала?

– Купить кое-что поесть, – заливаясь краской стыда, пояснила я.

– Но у тебя же нет работы.

Я застыла, ничего не понимая; если у меня нет работы, это означает, что также нет желания ни завтракать, ни обедать, ни ужинать? Она же моя соотечественница, она ведь тоже была без работы в течение почти шести месяцев!

– Я имею в виду, что сейчас ты одолжишь денег, а когда вернешь – неизвестно. Ты же не работаешь, – объяснила наконец Ира.

Она была точно в такой же ситуации, как и я! Нет, не в такой же... Ее Саша содержал и поддерживал: он ее муж, это нормально... А кто я для Ирины?..

Я махнула рукой.

– Забудь. Считаю, что я тебя ни о чем не просила, – и голодная отправилась на поиски Марио.

Черствости, даже жестокости со стороны пусть не подруги, но соотечественницы я не понимала. Настолько велика была сумма, о которой я просила? Речь шла о выживании, но мне дали понять, что каждый сам за себя. Что кредита здесь не дают, что единственный человек, который должен обо мне заботиться, это я!

– Марио, я не завтракала, – нахально заявила я, как только вошла в бар, где он меня поджидал.

За короткое время, или же за общей работой, я быстро к нему привязалась и абсолютно не стеснялась признаться в том, что голодна.

– Закажи что хочешь и пойдем работать. Сегодня надо начать пораньше, как-никак суббота.

– И что? – с набитым круассаном ртом спросила я.

– Охрана будет гораздо более бдительна, больше народа, больше помех. И не говори с набитым ртом – это неприлично.

– А-а... Спасибо, папуля, за воспитание.

– Готова? – не обращая внимание на мой сарказм, сказал Марио. – Тогда вперед! Да сотри краску с губ, еще утро, а ты не проститутка.

Кажется, мне везет на первобытных феодалов, которые думают, что любая женщина – это их собственность. Я возмутилась, но Марио спокойно пояснил, что в «нашей работе» нельзя сильно выделяться и что между элегантностью и вульгарностью лежит огромная пропасть.

Вчерашний мандраж заявил о себе даже сильнее, чем вчера, мешал мне расслабиться и быть естественной.

– Успокойся, – едва взглянув на меня, но моментально все поняв, потребовал Марио.

– У меня нет двадцатилетнего опыта! – огрызнулась я.

Марио хмыкнул на мою грубость, но никак ее не прокомментировал: мы были у цели. На этот раз его выбор был остановлен на мужских фирменных часах, по чьей-то небрежности не поставленных в витрину под замок. Когда я заметила, что он начал свою работу, паника мгновенно улетучилась: надо было прикрывать товарища. Я завела долгий разговор с продавцом, спрашивая глупости, не понимая ответов (на то я и иностранка!), вовлекла в беседу покупателя, находящегося в опасной близости от моего приятеля, в общем, была на коне.

Через каких-то полчаса работа была закончена. Наши дивиденды составили около сорока тысяч за два дня. Марио протянул мне десять тысяч и новую шелковую блузку с зеленым растительным орнаментом в подарок.

- Постараюсь подобрать тебе элегантную сумку. Да и вообще, тебе не мешало бы обновить гардероб.
  - Мне в первую очередь о хлебе надо думать, как за комнату заплатить, а потом обо всем остальном.
  - Хорошо, об остальном позабочусь я.
  - Ладно, я пошла. Как раз могу еду купить. Завтра выходной?
  - Да, пожалуй. Если хочешь, можем вечером сходить в паб, посидим, поболтаем.
  - Посмотрим, если будет желание и время.
  - Договорились. Чао!
  - Чао-чао! – по-итальянски ответила я, увидев мой автобус, со всех ног кинулась за ним.
- ...Вечером мы пошли в паб, а потом в отель, где жил Марио. Он так трогательно заботится обо мне! Я почувствовала себя маленькой девочкой, вновь очутившись в его объятиях.

20 августа

*Ох, лето красное! Любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи...*

А.С. Пушкин

Какое блаженство поваляться немного в кровати в выходной день! Солнце, поднявшись довольно высоко, нарисовало клетки на моей простыне и бродит зайчиком по стенам. Сначала, как ребенок, я слежу за каждым движением зайца, потом мне надоедает, я потягиваюсь кошкой и выпрыгиваю из постели.

Что делать, чем заняться? Находиться в одной квартире с Ирой я не желала после вчерашнего разговора. Может, звякнуть ребятам да сходить в Парк Пушкина? Чудесная идея!

Гениальность ценится: встречаемся в двенадцать, надо захватить бутерброды с икрой черной, паюсной и паштетной и пиво Мао в неограниченном количестве. Гип-гип, ура!

Два слова о парке Пушкина. Думаю, что кроме нашей шайки-лейки, никто его больше так не называет.

Парк Вилла Фуэнте дель Берро занимает больше тринадцати гектаров и расположен между Вентасом и М-30-скоростной магистралью. Это пейзажный парк со спусками и подъемами, с изумрудными лугами, нарочито деревенскими лестницами из камня, двумя небольшими прудами и великим разнообразием деревьев. Так вот, во всем парке есть только две статуи. Одна из них – памятник великому испанскому лирику и меланхолику Беккеру, а другая – Пушкину!

По подстриженной зеленой (в середине августа!) траве важно вышагивают павлины, небрежно съедая брошенный посетителями хлеб и раскрывая свой прекрасный хвост при малейшем шуме или движении. Лично мне они нравятся гораздо больше, чем дикие рыбы из Ретиро. Хотя, по большому счету, павлины – еще те трусы!

Я облюбовала местечко на пригорке под раскидистой елкой, дающей густую тень и благоухающей, как ей и положено – хвоей. Расстелила одеяло, вытащила бутерброды, чипсы, шоколад и уселась поджидать приятелей. Едва волоча ноги на подъеме, тяжело нагруженные банками пива, подошли Вася и Вовка.

– Привет, старушка! Как дела?

– Неплохо. Как вам местечко?

– Какая разница? Главное, что пиво холодное.

– А как у вас успехи?

– Сейчас расскажем, – пообещал Вовка, усаживаясь на одеяло.

– Помирился с Сашей, Васек?

– Разговариваем по необходимости, но не более того. Подкинул нам с Вовкой работу. А так... – и замолчал.

Судя по всему, эмоции еще не до конца улеглись, чтобы говорить и думать о происшедшем спокойно.

Вовка поспешил переменить тему, спросив меня про бар.

– Разве я вам не говорила? Я оттуда ушла.

– И куда ж ты теперь? – участливо спросил Вася.

– Да ничего, как-нибудь, – неопределенно ответила я. – Скоро люди вернутся из отпусков, а пока – на подработках. Кстати, как идет политика с Белоруссией? – переменяла я опасную тему.

– Ты о чем? Мы телек почти не смотрим, не успеваем. Иногда в час ночи краем глаза смотрим порнушку по седьмому каналу. А политика нам неинтересна, правда, Вовка?

– Придуток, – беззлобно обозвал друга Вовка, – тебя про белорусских девочек спрашивают.

– А-а... А-а! – сообразил Вася, потом закручинился и погрустнел. – Плохо наше дело... Нет нам счастья ни с испанской политикой, ни с белорусской.

– Что так, Вася? Может, ни с того начали? Я же вам говорила, что с девочками подружиться надо и что это не вариант – подножку и на постель.

– Практики давно не было, вот навык и потерялся, – резюмировал Вовка.

– Сейчас Инна в баре на Гран Виа работает, а Мила – интерной в доме у какого-то хмыря. Ходили на прошлой недели поведать Инну, да только она все время занята была. Сама знаешь, ожидание проходит незаметно, если у тебя в руках стаканчик.

– Вы напились! – догадалась я, вспомнив их визит ко мне в бар.

– Не то чтобы... но ей не понравилось. Сказала, чтобы больше не приходили и не звонили.

– Значит, что-то еще сделали.

– Ну, – замялись молодцы, – был момент.

– Подробностей не надо, у меня воображение живое.

– Тогда ты догадываешься.

Мы помолчали. Глупо получилось. Спортивный Вовка, немного рисуясь тренированным телом, растянулся на одеяле, предварительно скинув кроссовки и футболку. Тощий Вася не рискнул повторить опыт с раздеванием, но тоже полуприлег, опираясь на локти.

– У меня, кстати, новости, – неуверенно начал Вася.

– Выкладывай!

– Я письмо получил. От Наташи...

Мы с Вовкой переглянулись и одновременно присвистнули. Вот это новость!

– Ну и?..

– Говорит, что будет ждать. Что у нее никого лучше меня не было. Ну и все в таком духе...

– Ни фиги себе! Даже мне ничего не сказал! – возмутился Вовка.

– Да я сам в шоке. Не знаю, что и думать. Письмо она через Ирку передала. Еще вчера...

– Ладно, думать... Что чувствуешь? – спросила я.

– Счастье... Хотя знаю, что дурак. Я ведь знаю, что она за девчонка. Может, ей вдруг в кайф стало, что я «иностранцем» заделался.

– А может, просто подумала, сравнила и поняла, что ты – самый лучший? Правда, это не чувство, а умозаключение, но кто его знает...

– Как тебе живется на новом месте? – поменял тему Вася.

– По-разному. Бывают моменты, когда очень хорошо, а бывают, как вчера, – и рассказала им про мою просьбу одолжить денег у Ирины и про ее реакцию.

– Почему у нас не спросила? – возмутились оба. – Сколько тебе?

– Спасибо, мальчики. Уже не надо, я заработала.

В ветвях зашумела, запутавшись, какая-то птица, избавив меня от необходимости объяснять, ГДЕ и КАК эти деньги заработаны. В тот же момент на голый торс Вовки со звонким шлепком опустились испражнения испуганного голубя и, отлетев от упругого тела, опустилось на мое лицо и голову.

– Твою мать! Вот зараза, нашла сортир – на елке! – заорал потерпевший.

Я безмолвно и поспешно пыталась удалить салфеткой птичьи экскременты с лица. Васек зашелся в безумном смехе, тыча на нас обоим пальцем. Только тут Вовка увидел меня, тоже потерпевшую в результате птичьего недержания, протянул еще одну салфетку и сказал:

– Братцы, это был птерозавр, а вам клянусь. Обыкновенный голубь такого количества дерьма не производит. Это птерозавр, к тому же объевшийся тутовника – обратите внимание на вкус и запах г...

– Вовка, прекрати! – возмутилась я.

– ...на запах и цвет субстанции, – интеллигентно поправился Вовка.

– Богатые будете, – заметил Вася.

– Тебе подкинуть немного от наших золотых приисков? – швырнул в него грязной салфеткой Вовка.

– Э-э, – возмутился Васек, – не распускайтесь, товарищ. Или вы думаете, что деньги решают все? Есть еще гордость, – и, забавно повернувшись, продемонстрировал полудетский профиль.

21 августа

...Начинать наугад с конца

И кончать еще до начала...

М. Цветаева

Позвонили по моему объявлению в газете и пригласили убирать офис после ремонта. Судя по всему, работы хватит на несколько дней. Какая радость! Я набрала Марио и сказала, что не могу прийти. Он, похоже, расстроился, но не подал вида.

– Сегодня я буду один, но делим по-прежнему, – предложил он.

– Нет, Марио, я не согласна, к тому же появились некоторые обстоятельства.

– Какие?

– Потом расскажу, при встрече, – и побежала в метро.

Мадридское метро сконструировано в стиле минимализма. Скорее всего, оно было так задумано с первой линии, торжественно открытой еще при короле Альфонсе XIII. Здесь только то, что необходимо для передвижения с одного места в другое. Внутри оно хорошо освещено и для спуска оснащено короткими эскалаторами слева и справа, а посередине обязательная лестница – на случай аварии. Закраины ступенек посыпаны алмазной крошкой, чтобы нога не соскользнула при подъеме. Внутри метро царит прохлада от кондиционеров, а для утоления жажды почти на всех станциях есть автоматы с водой и другими напитками. Но самое главное, что меня поразило с первого взгляда – это чистота. На платформах, в вагонах и даже на путях господствует поразительная чистота!

Испанцы – очень лаконичный и логичный народ во всем, даже когда строят метро. Яркой нотой на всеобщем нейтральном тоне выглядят уличные музыканты, которые переходят из одного вагона в другой, играя на саксофонах, скрипках, аккордеонах! В основном это выходцы из Латинской Америки и Румынии, хотя попадаются и из Восточной Европы. Иногда их музыка звучит настолько

профессионально, что благодарные слушатели не скупясь кладут монетки в кошельки. На этот раз бродячие музыканты растрогали и меня, наиграв «Подмосковные вечера». В такие моменты остро вспыхивает тоска по дому, по русскому.

...Трехэтажное здание офиса на рабоче-индустриальной окраине Мадрида... Меня встречает хозяин – молодой, невысокого роста парень. Он энергично пожимает мне руку и жестом предлагает пройти внутрь помещения.

– Все три этажа принадлежат моему офису, – с гордостью объяснял он. – На данный момент ремонт почти доделан – остались кое-какие детали. Начиная с верхнего этажа, на нижнем все еще работают строители. Сможешь остаться на пять часов сегодня?

– Конечно, без проблем.

– Отлично! Завтра, возможно, сделаешь перерыв, а потом продолжишь в среду.

– Мне нет никакой необходимости отдыхать столько времени, – возразила я.

– А, нет, это не из-за тебя, это из-за строительных работ. Я бы подождал, пока все окончательно закончат, но мы с невестой – кстати, она тоже русская, как и ты, – едем в отпуск, поэтому надо поторопиться. Тысяча песет в час тебя устроит?

Я кивнула – обычная оплата: не высокая, но и не низкая. А сообщению о русской невесте не удивилась: я уже поняла, что здесь славянская женщина ценится, пока только не поняла, почему.

Ну вот, наконец-то, нормальная работа. За швабры! В атаку!

22 августа

Бесчестность в женщине – недостаток, который никогда не осуждаешь слишком сурово.

Ф.С. Фицджеральд

Опять с горячего солнца – в прохладу магазинов. Все становится привычным и обыденным, скучным и неинтересным. Адреналин, бешено вырабатывающийся во время наших первых походов, теперь почти не давал о себе знать. Рутин... Мое занятие уже не

казалось таким уж романтичным. И я не люблю причинять неприятности никому, а уж тем более людям, которые этого не заслуживают – обычным работягам, что трудятся в поте лица своего. Я поэкспериментировала, поиграла в наперсницу вора, и этот опыт мне не пришелся по душе. Марио заметил мою безучастность к процессу и поинтересовался, в чем дело. Я честно ответила.

– Хорошо, и чем ты намерена заниматься?

– Продолжать мыть унитазы. Думаю, что это более достойное занятие, чем воровать.

– Я мечтал о связи мафии русской и итальянской в лице нашей пары... Я думал, что мы будем, как Бонни и Клайд, а ты отступаешь.

– Не мое это! Я попробовала, потому что было любопытно. Черт, во всем виноваты романы, кинематограф... Там тебе и Бонни, и Манька Облигация, и Робин Гуд... Но теперь я знаю, что это за мерзость. Для меня, по крайней мере.

– Я ошибся в тебе, – удрученно сказал Марио.

– Я тоже.

– Ладно, пусть так. Но твое решение покинуть бизнес не мешает оставаться нам друзьями, правда? Пойдем выпьем чего-нибудь освежающего и успокоимся.

– Это ничего не изменит.

– О'кей, я все понял.

Мы зашли в уютный бар, недалеко от гостиницы, где жил Марио, в котором он, по-видимому, был завсегдатаем. Прохладный яблочный сидр охладил наши разгоряченные головы. Я видела, что мой наперсник был огорчен, но он не пытался меня уговаривать, и за это я была ему очень благодарна: мне все еще трудно сказать «нет».

– Чин-чин! – поднял он бокал с пенящимся сидром.

– Чин-чин! – улыбнулась я.

– Сусанна, – сказал Марио, протягивая “н” на итальянский лад. – Я привязался к тебе и, кажется, влюбился. Нет-нет, – он поднял руки в протесте, увидев, как я отрицательно качаю головой, – не переживай, это ничего не меняет в нашем договоре. Но я имею право на чувства, даже если тебе это неприятно.

- Мне приятно, Марио, как и любой женщине. Я тоже к тебе привязалась.
- Но это не одно и то же, что я чувствую к тебе.
- Нет, думаю, что нет.
- Можно я тебя поцелую?
- Помнится, ты не спрашивал, когда впился в меня на Пуэрта дель Соль! – рассмеялась я.
- Это – другое, – и поцеловал меня в самый краешек губ.
- Я тебе позвоню, чтобы расплатиться за сегодня.
- Чао!

23 августа

При галлюцинации объекта нет в действительности. А при иллюзиях объект есть, но воспринимается он ложно.

Е.В. Клюев

Звонил Педро, но не мне, а Ирине. Сказал, что отказывается встречаться со мной, что после наших встреч он себя плохо чувствует, что когда видел меня в последний раз, ему вызывали неотложку. Впрочем, о документах могу не беспокоиться: как только придет ответ, он тут же мне сообщит. Бедный благородный дон Педро!

Ира, передавая мне сообщение Педро, ехидно улыбалась, но на этот раз удержалась от комментариев о моем «подозрительном поведении» с мужчинами.

Да, отвратительное чувство... Как будто намеренно сделала что-то плохое... Но ведь и Педро тоже не маленький мальчик! Как он мог нафантазировать, что между нами что-то возможно? Впрочем, что я знаю? Любовь – это химера... И кто я такая, чтобы судить? Мне не шестьдесят с хвостиком, я не живу одна в огромной неудобной квартире... У меня куча проблем и надежда на их разрешение, а у Педро есть только любовь, которую, возможно, он просто придумал.

Продолжение в офисе. Работы тут – непочатый край, не знаю, когда управлюсь со всем этим. Поступило интересное предложение

от моего нынешнего шефа вымыть окна не только изнутри, но и снаружи. Интересно, и как это себе представляет молодой предприниматель, если эти окна не вынимаются и не раскрываются распашонкой? До некоторых из них можно дотянуться с балкончика. Для этой цели мне купили швабру с длинной ручкой и резиной на конце. В идеале мне нужна обыкновенная метла, да лунная ночь, да крем Азазелло... Надеюсь, я не вывалюсь из окна...

И все-таки я счастлива! После долгого и безнадежного ожидания наконец появилась достойная работа. Уже конец августа, а значит, очень скоро у меня будет постоянная работа в чьем-либо доме, и я спокойно смогу оплачивать мою комнату, хорошо питаться и даже откладывать деньги! Скоро все образуется наилучшим образом! Так за приятными мыслями и за напевами из смеси русского фольклора с испанским незаметно пролетели пять часов. У меня есть занятие на завтра, а в понедельник пойду на Кайао.

24 августа

*Какой-нибудь предок мой был – скрипач,
Наездник и вор при этом.
М. Цветаева*

Все та же рутина, все те же проблемы, все те же истории. Похоже, что внутренний мир Ирины настолько беден, что несчастная живет жизнью других: сплетничает, сталкивает лбами, интригует. Иногда это смешно, иногда – неприятно. Сегодня спрашивает, откуда у меня появилось такое количество новых вещей.

- Каких вещей, Ира? – вежливо спрашиваю я.
- Блузки, сумки, духи.
- Как ты узнала про духи? – тут же удивилась я. Разумеется, она могла видеть на мне одежду, но я даже не подозревала, что у девушки такой тонкий нюх.
- Унюхала!
- Гм... Серьезно? Лучше скажи правду: ты была у меня в комнате.
- Ну я заглянула. У тебя что же, любовник появился?
- А тебя что?.. Сильно интересуется?

– Да! Потому что я знаю твоего мужа и его семью и считаю, что то, что ты делаешь, – недостойно замужней женщины.

– Давай договоримся, Ира: меня интересует моя жизнь, а тебя – твоя. Я же не спрашиваю, почему ты роешься в карманах у Саши и проверяешь его телефонные звонки и сообщения.

– Я – его жена! – заявляет она.

– Вот и беспокойся о своем муже, а в мою личную жизнь не лезь.

Поймет ли, нет, не знаю... По крайней мере, теперь она знает о том, что ее личные понятия о правильном и неправильном остаются Ириниными понятиями, не имеющими ко мне никакого отношения. Мне бы со своими моральными принципами разобраться!

Закончила наконец необъятный офис. Разумеется, мне не доплатили: это у них, у испанских бизнесменов, болезнь такая. Похоже, чем больше человек зарабатывает, чем выше его социальный уровень, тем более он бессовестен. С другой стороны, если человек нанимает эмигрантку на уборку по объявлению в газете, вместо того чтобы обратиться в соответствующее агентство, очевидно, он хочет сэкономить и на оплате услуги, и на налогах. Не стала долго спорить, подарила ему тысячу, пусть сводит свою русскую невесту в кафе-мороженое или пропустит пару бокальчиков пива за мой счет и за мое здоровье.

25 августа

Уважаемые товарищи потомки!

Роясь в днях, окаменевшем говне...

В. Маяковский

Я все думала: это до чего ж надо было разувериться в своих современниках, чтобы с такой фразой обратиться к потомкам! Теперь, когда я живу не в уютном обывательском мирке провинциальной России начала 21 века, а в капиталистических пещерных джунглях, где каждый сам за себя, – и в первую очередь русские, славные своими гуманистическими традициями, – я начинаю понимать ужасного в своем одиночестве Маяковского. «Гуманисты» у себя на родине кичатся друг перед другом преданностью идее и знаменитым русским характером. Здесь, за

границей – совсем другое дело: ни родных, которые осудят и на верный путь направят, ни внутренних укоров совести – все оправдывается суровыми обстоятельствами и возможным извлечением прибыли. Гастарбайтер – это не тот человек, которого все знали и уважали на родине. Гастарбайтер – это махровый собственник, собиратель песет, экономайтер, любитель попользоваться социальными благами «этих идиотов», которые им то новую ночлежку откроют, то новую столовку...

Познакомились с соотечественниками, которые живут в Ойо де Пинарес, что означает Сосновое ущелье.

С этими русскими вышла интересная история. Ребята, а это компания из трех человек – девушки и двух парней – возвращались с отдыха на побережье Малаги автостопом. Их «подобрал» Хосе Мария – один из нанимателей Ирины – и довез троицу до города. На следующий день Хосе Мария, пылесосив машину после длинного путешествия, обнаружил под ковриком мобильный телефон. Недолго думая, он передал телефон Ире, вспомнив, что веселые попутчики – ее соотечественники. Саша, проделав несколько манипуляций с аппаратом, сумел выйти на друга хозяина телефона, надиктовал ему наш адрес, и вот вся троица здесь – с парой бутылок водки, красным вином «для дам» и всякими закусками.

Трое русских оказались с Сибири. Тимофей и Рита – влюбленная парочка, уехавшая в Испанию от жен с мужьями... Кажется, сбегать от супруга в Испанию становится новой русской традицией... Олег, как он выразился, «временно холостой», намекая, что такие парни недолго залеживаются в одиночестве. Парочка «чокнутых», как выразилась праведная Ира, мне сразу понравилась. Потому что влюблены, как первокурсники, и из-за чокнутости...

Олегу нравится подтрунивать над всем и вся. Он быстро всех раскусил и теперь с удовольствием дразнит Ирину.

- Черт, я возвратился с пляжа Фуэнхиролы с сыпью по всему телу!
- Аллергия на песок? – предположила я.
- Даже на татуировке сыпь!
- Seriously? И что за татуировка? – заинтересовалась Ирина.
- Repla.
- ????

– Ира, не облегчай Олегу задачу. Сейчас скажет какую-нибудь пошлость!

– Когда она вытягивается, то видна полная надпись: Recuerdos de Constantinopla! [17](#) – с удовольствием объяснил Олег.

Ребята дружно захохотали, женская половина была немного смущена выходкой.

Судя по всему, я приглянулась «временно одинокому волку». Он чисто по-русски, не без шика, за мной ухаживает, а перед уходом требует свидания. Я подумаю, дорогой, обязательно подумаю.

26 августа

Мне сказали – я поверил.

Мне повторили – я засомневался.

Мне начали доказывать – я понял, что лгут.

А. Моруа

Решено не откладывать дела в долгий ящик и продолжить приятное знакомство с сибиряками на их территории.

Ранним утром мы выезжаем из Мадрида. Мы – это Саша, Ира и я. Чистая комфортабельная двухэтажная электричка довезла нас за полтора часа почти на окраину провинции.

Горы! Я вернулась в детство: невысокие, с кривыми стволами сосны – средиземноморская разновидность, запах разнотравья, стрекот кузнечиков и цикад, и удивительная умиротворенность разлита в первозданном мире, удаленном на семьдесят километров от цивилизации.

На вокзале нас встречает Олег – высокий, загорелый и голубоглазый: вот вам и герой романа! Почтительно расцелованы дамы, кавалеры обменялись рукопожатием – встреча в горах на высшем уровне.

Потом обычное русское застолье – с водочкой, шашлыками, солеными шуточками «после литры выпитой»... Все как полагается... Когда живешь за границей, то соблюдаешь традиции еще ревностнее, чем на родине.

Появляется новая девушка, как выясняется, «бывшая» Олежкина любовь. Судя по поведению обоих, могучее чувство до конца не преодолено: ухаживания Олега за мной становятся более очевидными для всех. Дело дошло до целования рук, на что Люда – маленькая симпатичная блондинка – не прореагировала никак.

– Олег, прекрати сейчас же. Так мы дойдем до прелюбодеяния на глазах приличного общества, – заметила я юному болвану.

– Я – за. А ты?

– Послушай, вещей ты мой, мстить неразумным хазарам – дело приятное, но я тебе в этом не помощник.

– Почему?

– Не хочу.

– А если я тебя попрошу? Стану на колени и попрошу?

– Глупо. Мне не нравятся детские выходки. Лучше разберись с Людой по-хорошему.

– Она мне изменила, – опустив голову, понизил голос Олег.

– Можешь простить?

– Не знаю. Боль ей хочу причинить, чтобы плакала, а не восседала здесь королевой, как будто ничего не произошло.

– Это нечестно по отношению ко мне. Почему ты не предупредил, что хочешь отомстить? Зачем начал ухаживать за мной, хотя на самом деле влюблен в другую?

– Все честно! – возмутился Олег. – Ты мне очень понравилась! Так понравилась, что начал эту нахалку забывать. Зачем только она сюда пришла?

– Понятно. Пока не видишь Люду – увлечен мною, а как увидел...

– Да ерунда это, не обращай внимания. Или я тоже тебе понравился, и ты ревновать начала?

– Даже не надейся, – рассмеялась я. – Иди лучше и поговори с ней. Я думаю, вам объясниться надо. Парень послушно подошел к Людмиле и о чем-то тихо заговорил. Я облегченно вздохнула.

– Ты прямо Мать Тереза, – подала голос Ирина, видимо подслушав наш разговор. – Сказала бы Олегу правду, что сейчас тебе больше испанцы интересны, а не русские. Только потому парня и отшила, а вовсе не из высоких порывов.

– Завидуешь?

Ирина фыркнула и ушла прочь.

Я ни на минуту не сомневалась, что поступила правильно с Олегом. Нельзя на свежую рану лить йод, а быть болеутоляющим средством я и вовсе не желаю. Что касается замечания Иры, то кое в чем она права: меня странным образом возбуждает новая речь, все русские слова – такие привычные и затертые, а потому обыденные и уже не производящие глубокого впечатления. Испанский язык меня освежает как ребенка, с радостью начинающего осваивать новое. Потому я так живо откликаюсь на новый опыт.

27 августа

Земля!

*Дай исцелю твою лысеющую голову
лохмотьями губ моих в пятнах чужих позолот...*

В. Маяковский

В середине дня позвонила Ася, моя знакомая по борделю, извините... Уж не знаю, откуда у нее мой телефон, полагаю, Артуро проникся к ней симпатией. Впрочем, неважно: круг знакомых у меня здесь невелик, а Ася, возможно, просто запутавшаяся в водовороте жизни девочка. Договорились встретиться сегодня в шесть на улице Фуэнкарраль, около метро.

Она не опоздала, пригласила в ближайший бар выпить прохладительного, оплатила счет и спросила, чтобы завязать разговор:

- Ну как тут тебе?
- По-разному, – честно ответила я. – А ты?
- А я, по-моему, качусь на дно.
- Почему?
- Потому что дура, потому что вначале все казалось очень забавным: поклонение и восхищение мужчин, праздные дни, бурные ночи... А теперь мне страшно.
- Ну и брось все это, раз поняла, что тебе это ни к чему!

– Ты ничего не понимаешь, – вздохнула Ася. – В это... э-э-э... место... я попала в первый раз с моим женихом.

– Тебя туда привел Иван? – ужаснулась я.

– Нет, тогда у меня был другой. Знаешь, в качестве смены обстановки, мы решили, что это будет забавно.

– И?

– Меня окружили, обласкали, затрахали. А потом мы стали частыми гостями – видишь ли, хозяин этого клуба – близкий друг моего экс. Мне нравилась атмосфера этого места: все тебя любят, все тебя хотят... Camerero! Otra cerveza, por favor! [18](#)

Я не промолвила ни слова, да она бы и не услышала... Бедный недолюбленный ребенок! Ей захотелось ласки...

– И однажды, через пару месяцев, один новый знакомый предложил мне попробовать кокаина. Это сказка! Ты не представляешь и половины тех ощущений, которые тебе дает этот наркотик. Незабываемые оргазмы – один за другим, длящиеся вечность...

Ася замолчала на время, попивая холодное пиво.

– А дальше? – нарушила я затянувшееся молчание.

– Дальше? – недоуменно подняла брови Ася. – Дальше все очень просто: у меня появилась зависимость от наркотиков и от секса... Хозяин заведения предложил мне заработать: раскручивать клиента на бокальчик чего-нибудь крепкого, и, в зависимости от набежавшей за ночь суммы, я могла совсем неплохо заработать. На это хватает.

– И заниматься с клиентом сексом тоже входит в круг обязанностей?

– Нет, это по моему желанию... – помолчала и хмыкнула: – А оно всегда есть.

– И что же делать?

– Несколько дней назад я ходила к психологу... Рассказала ему, что часто меняю половых партнеров и что хочу лечиться от нимфомании.

– А он?

– Он спросил, сколько раз в неделю я меняю партнеров. И я сказала: один-два раза. А он ответил, что это еще не проблема и что я сама могу с ней разобраться.

– Но ты же соврала! Что, по-твоему, мог сказать врач на основе этой информации? «Берись за ум, детка»? А про наркотики ты ему поделилась? Может, твоя нимфомания – это результат воздействия кокаина?

– С ума сошла! Если это дойдет до моих родителей, тогда мне конец! Они у меня знаешь какие строгие!

– Ась, может, все наоборот: сначала освободись от кокаина, а потом само собой пройдет безумие с сексом? – робко предложила я.

– Да ерунда все это! – вдруг весело встряхнула кудряшками девушка. – Все образуется! Что я, да не смогу завязать? Элементарно!

Мы вышли на улицу. Говорить почему-то больше не хотелось. Ася шла немного впереди меня – на узком тротуаре мы вдвоем в одну линию не помещались. Вдруг она наклонилась, зажимая нос рукой и оседая на колени.

– Ася, что с тобой? – встревожилась я. У нее из носа капала темная кровь.

– Дай платочек, – хриплым голосом попросила она.

Я лихорадочно искала бумажные платки в сумке. Наконец протянула ей целую упаковку.

– Проводить тебя до метро?

– Нет, поймай такси. Мне срочно надо домой. Я чертовски устала, плюс жара. Ну давай, быстро!

Я почти сразу же поймала машину и усадила в нее побледневшую, с капельками пота на лбу, Асю.

– Все в порядке?

– Конечно, – бодро и немного гнусаво ответили мне. – А как же иначе?

28 августа

Есть такой миг, когда все возможности равноправны и каждая из них на чеку – и каждая только и ждет своего часа...

Е.В. Клюев

И вновь продолжается бой! Я опять в офисе на Кайао. Учтивая секретарша попросила меня прийти через часик, в надежде, что за это время чудо произойдет и позвонят нервные сеньоры, измученные летним отпуском, в поисках домработницы.

«Что ж, мы люди не гордые, подождем. Да и делать, собственно, мне нечего».

Я задержалась у выхода из парадного, чтобы определиться, в каком направлении пойти погулять.

Справа от меня, на углу старинного дома, на самом солнцепеке, стоял высокий мужчина, одетый в летний пиджачный костюм с туго обвивающим крепкую шею шелковым галстуком, и пристально меня разглядывал. Я тщеславно порадовалась, что надела подаренные Педро черные джинсы, которые выгодно подчеркивали достоинства фигуры и скрывали ее недостатки (животик никак не хотел сдавать своих позиций, не обращая внимания даже на усиленные занятия спортом!). Я выпрямила спину, лихо закинула сумку на плечо и широким шагом модели пронеслась мимо, обдав незнакомца ароматом Жадо. По моему лицу разлилась лукавая усмешка, но в душе я была благодарна за восхищение высокого незнакомца, которое придавало уверенности в себе. И неважно, что у меня нет работы, что я живу в крохотной комнате, что на банковском счете нет ни копейки, ни песеты, что я – эмигрантка!.. Когда я поравнялась с восхищенным, то не отвела взгляд, а смело взглянула в лицо. Он поднял брови и сказал: «О-о!», отчего я заулыбалась еще больше и, не замедляя шага, перешла на теневую сторону улицы.

Очутившись в тени, у витрины детского магазина, я вытащила сигарету и закурила, разглядывая модели одежды для девочек. Белоснежные платья с подъюбниками, украшенные розовыми и белыми атласными бантами, туфельки с застежкой в виде цветка, летнее светлое пальто с капором – все невероятно красивое и дорогое. И не имея никакой работы, ни скорейших перспектив получить ее, я мечтаю купить это для моей малышки. Мечтать может кто угодно, даже бедняк и нелегал.

Около моего уха раздалось осторожное покашливание. Я обернулась и очутилась лицом к лицу с тем самым незнакомцем в летней паре.

– Простите, у вас есть свободная минутка? – вежливо поинтересовался он.

- Зачем? – без обиняков спросила я.
- У вас акцент и внешний вид никак не соотносятся, – неожиданно сказал он.
- И как это понимать? – я заинтересовалась.
- По внешности вы напоминаете француженку, а акцент – восточный, славянский, скорее всего.

Внешность я унаследовала от папы с мамой, как и полагается по всем законам природы, подтвержденным Менделем. И хотя один из родителей – коренной южанин, другой – сибиряк почти со времен Ермака, лицо у меня достаточно типично славянско-монгольское: чего уж там задираться! Что же касается акцента, то, надеюсь, лет эдак через двадцать от него избавлюсь.

- И чему вы верите больше?
- Простите, но акценту.

Я рассмеялась: забавный получался разговор. И этот мужчина, с правильными чертами лица, мне тоже нравился. Эдакий римский воин!

- Я бы хотел пригласить вас выпить чашечку кофе... Если, конечно, у вас есть время...

Чем-чем, а свободным временем я сейчас располагала. К примеру, свободными финансами – нет, а это чудесное солнечное утро у меня пока абсолютно свободно. Приблизительно то же самое я ему и ответила, лихо закрутив длинную фразу с причастным оборотом, думаю... Захотелось произвести впечатление на легионера, а получилась полная белиберда, судя по напряженному выражению его лица. Я засмеялась, утвердительно кивнула головой и спросила:

- В какое кафе идем?
- «Бланка палома», если вы не против.
- Я только против того, что меня на вы называют люди приблизительно одинакового со мной возраста.

Он опять наморщил лоб, переваривая грамматически запутанную информацию. Потом понял и кивнул:

- Переходим на ты. Как тебя зовут?

Я представилась моим обычным испанским именем. Это его потрясло:

– Неужели в России это имя тоже распространено?

– Да нет, не очень. Просто у меня это вынужденный псевдоним, – и вкратце рассказала ситуацию. Похоже, что ему больше нравится слушать, чем говорить, а мне, когда нервничаю, наоборот. Все-таки я спросила его имя.

– Николас, – представился он.

Как у последнего русского царя, когда царица пребывала в лирическом настроении. Насколько мне известно, у этого имени греческие корни, а не латинские, и уж конечно, оно более приятно на наш «варварский» слух, нежели, скажем, Хорхе или Хавьер, или даже Хосе. Я вспомнила, как Саша впервые сказал мне «чика», что означает «девушка», а меня это слово рассмешило и покорило одновременно.

– Что-то не так? – спросил Николас, увидев мою улыбочку, вызванную внезапными воспоминаниями.

– Да нет, не обращай внимания, – пресекла я собственные попытки разразиться в очередной раз длинной и малопонятной непригодному испанскому уху фразой.

Мы шли по улице Кармен в сторону Пуэрта дель Соль. Да-а, все пути ведут к Соль. Николас, кажется, хотел взять меня под руку, но пока не отважился, поэтому шел немного позади с согнутой в локте руке. Иногда он касался моего локтя, чтобы откорректировать направление. Времени до повторной встречи с товарищами с Кайао было предостаточно, так что скоротаю его за чашкой кофе и легким разговором. Если беседа покажется мне утомительной, ее можно будет прервать в любую минуту: этому я уже давно научилась.

Бар, в который мы зашли, был чист и полон посетителей всех стран и возрастов. Иногда гомон толпы перекрывал голос официантов зала, требующих выполнить принятый заказ:

– Кофе с молоком и круассан.

И кухня отзывалась:

– Кофе с молоком и круассан.

Прямо как на военном корабле: «Поднять якоря! – Есть поднять якоря! – Отдать швартовы! – Есть отдать швартовы!»

Николас заказал черный кофе со льдом, а я – кофе с молоком.

– Хочешь чего-нибудь еще? – спросил он.

– Нет, спасибо, еще слишком жарко, чтобы есть.

– Расскажи мне, как ты сюда приехала, почему это сделала и что хочешь найти в чужой стране.

Я покосилась на любопытствующего: а ты кто, собственно, такой, чтобы я тебе поведала все перипетии моего жизненного пути? Он правильно истолковал мой взгляд и извинился.

– А чем ты здесь занимаешься? – задала я не менее наглый вопрос.

Он ничего, не смутился и не растерялся, а начал свои жизнеописания, будто мы были друг другу представлены, а не только что познакомились на улице и я заслуживаю полного и абсолютного доверия. Впрочем, нечего обольщаться: видно невооруженным глазом, что мы из разных миров, которые никогда не пересекутся, так что ему нечего опасаться, а мне его – тем более.

Рассказ оказался на удивление веселым и увлекательным, только вот как-то чересчур. Николас – из семьи дипломатов, которые по выходе на пенсию решили остаться в Южной Америке. Старший брат, как выяснилось, какой-то там министр в правительстве Каталонии или занимает место в кабинете – тут я не очень поняла. В этом месте он постарался говорить, употребляя причастные обороты и непривычные слова, вероятно, чтобы запутать. Пока он говорил, я немного отключилась и помечтала о том, что брат Николаса служит в Министерстве труда, и как он проникается ко мне сочувствием и симпатией и выправляет мне документки! Тем временем Николас рассказал, что разговаривает на девяти языках, которые выучил, переезжая из одной страны в другую со своими родителями. По нелепой случайности русского в этом длинном списке не оказалось. Сам он живет в Северной Америке, там же и работает в крупной энергетической компании, основным направлением которой является консервирование ядерных станций, дабы предотвратить угрозу Чернобыля в Европе.

Благородная профессия, что там говорить!

Тут же пожаловался, что за долгие годы проживания в Штатах отвык от того, как работают его соотечественники, особенно летом – никак! Зато теперь он этому очень рад, потому что благодаря свободному времени познакомился со мной.

Не вставая со стула, я сделала книксен в ответ на комплимент. Что ж, наверное, теперь будет справедливым представить Николасу версию моей правдивой жизненной истории.

Рассказала о том, где и чем занималась в России: мол, тоже не лаптем щи хлебала. Врать не буду, не из диппосольства, но университетское образование и советско-перестроечное воспитание имеются. Продолжила атаку, рассказав о работе с подростками во взбудораженной братками, «черными вторниками» и путчами стране, которая так же благородна, как и его – с атомными реакторами. Упомянула, что когда-то читала и переводила с английского, а вот теперь пытаюсь выучить испанский... Так что согласна, выигрыш за ним с его девятью языками.

– Сколько времени ты в Испании?

– Почти три месяца.

– И за такое короткое время ты не только понимаешь, но и довольно толково объясняешься?

– Э-э, не обманывай, ты меня не всегда хорошо понимаешь.

Николас рассмеялся, запрокинув голову и показывая ряд белоснежных зубов.

– Это правда, не всегда до меня сразу доходит, но ты так усердно поясняешь свою мысль, что никуда не денешься – поймешь!

– Ага, я такая, настойчивая, – озорно согласилась я.

– Слушай, а что если мы поедем и посмотрим Мадрид? Как тебе идея? Я уверен, что за три месяца пребывания ты еще не все увидела, а Мадрид прекрасен, даже летом!

– Думаю, мне надо вернуться в офис; а вдруг мне работу нашли?

– Так уже час дня! Ты думаешь, что средний испанец, вернее, испанка, в это время дня думает о поиске служанки, а не об обеде? Уверю, никто сейчас звонить не будет.

Я покачала головой: эдакий змей-искуситель, но прислушалась к себе; а хочется ли мне идти в душный, пропахший потом офис, или же мне приятнее провести еще несколько часов в обществе эрудированного, очаровательного человека, к тому же неоднозначно дающего понять, что я ему нравлюсь. Ответ был очевиден, и я согласилась.

Николас быстро, но без суеты расплатился за кофе и мы вышли на свежий, вернее, удушающий воздух. Впрочем, через пару минут мы уже сидели в такси с кондиционером и мчались на Пинтор Росалес, как я услышала. Где это, что это, не имею ни малейшего понятия. Ура, приключение!

– Знаешь, что такое Телеферико? – наклонился ко мне Николас, обдав свежим и одновременно терпким запахом одеколона и небрежно заключив мою ладонь в свою.

Слово было незнакомое, и я отрицательно помотала головой. Моя рука так и осталась в его.

– Сейчас увидишь: я уверен, что ты знакома с этим механизмом.

Когда мы подъехали к этому самому ...ферико, я опознала в нем простейший фуникулер. О чем и заявила Николасу.

– Это верно, как же я не догадался! По-французски это именно так и называется...

Ну, мой французский полон высказываний типа: «Олягер комм олягер», или «Ком иль фо», или «Эскузе муа жене па резон», или «Миа кульпа», а, нет, это уже латинский... Короче, слова «фуникулер» в нем не было.

Мы уселись в просторную застекленную кабинку, и она резко взлетела вверх, затем плавно и медленно пошла вниз. Под нами с высоты сорока метров раскинулся какой-то парк, направо виднелись крыши Музея Воздуха, а налево – Королевского Дворца. Невидимый репродуктор подробно рассказывал обо всех чудесах, мимо которых мы проплывали. Сначала я попыталась понять, о чем идет речь, но вскоре осознала всю бессмысленность этой затеи: слишком много непонятных слов, произнесенных почти скороговоркой. Николас немного пододвинулся, опять взял мою руку в свою и почему-то прошептал:

– Наслаждайся видами, не трать усилий на гида.

Я кивнула, соглашаясь с ним, и закрутила головой, «наслаждаясь видами». А Николас придвинулся еще ближе и обнял меня за талию. Непроизвольно я задергала ногой: не то чтобы я его боялась, но какой-то уж очень стремительный штурм. Возможно, я совсем не против такого поворота событий, но без спешки. Думаю, что Николас знает, мне он тоже понравился (иначе бы я никуда с ним не поехала!) и тем не менее, я ожидала с его стороны чуть большей деликатности. Как объяснить на ломаном татарском, чтобы не обидеть? Ну и дилемма: почти как на елку влезть и задницу не ободрать...

Пока я так сама с собой спорила и рассуждала, меня начали целовать... Сначала легко и осторожно, в шею, потом Николас перешел на плечи, затем вернулся наверх. Пожалуй, самое лучшее – это отдаться потоку, не усложнять и без того запущенную

ситуацию. Тем более что мне нравится все, что делает этот легионер.

В это время зазвонил мой телефон. Я радостно встряхнулась от преждевременных объятий и схватилась за мобильник:

– Да? Слушаю.

На другом конце провода почти слово в слово мне зачитали текст объявления «Из вторых рук», где я предлагала свои услуги в домашнем сервисе.

– Это ваше объявление? – уточняет собеседник.

– Да, мое, – подтверждаю преданность делу. Ну и странный парень: не уверен, что верно набрал номер телефона или думает, что какой-то врач или инженер захотел так пошутить, предлагая начищать унитазы?

– Сколько хочешь зарабатывать?

– Что надо делать? – резонно уточняю.

– Это почасовая работа.

– В таком случае тысяча сто песет в час.

В ответ парень разразился длинной фразой, произнесенной довольно враждебным тоном. Я растерялась и опустила телефон, предоставляя собеседника самому себе. Николас поднес палец к губам, высвободил телефон из моих рук и представился:

– Добрый день! Я друг девушки, с которой вы только что разговаривали. Боюсь, что она переволновалась и не совсем хорошо вас поняла. Могли бы повторить ваше предложение? Так, так, хорошо, я спрошу, – и, закрыв микрофон, прошептал: – Тысяча песет, шесть часов в неделю, за пределами Мадрида. Согласна?

– Сколько дней в неделю? – так же шепотом спросила я.

Николас повторил вопрос в телефон, а затем передал:

– Три.

Получалось совсем невыгодно: три раза в неделю покупать билет за триста песет, чтобы заработать тысячу семьсот за два часа работы.

– Проезд оплачивает? – на всякий случай поинтересовалась я, впрочем заранее уверенная в ответе.

Николас переспросил, потом отрицательно покачал головой, поблагодарил за звонок и дал отбой.

Я немного сникла: что такое не везет и как с ним бороться. Поддалась на уговоры Николаса, поехала осматривать окрестности, убедив себя, что никто не будет в это время звонить, а последние события продемонстрировали обратное. Черт, с фуникулера так просто не слезть, не говоря уже о высоте, кабинка автоматически закрывается и до полной ее остановки нет никакой надежды прервать путешествие. Ну и ладно!

Мое огорчение было замечено. Удивляюсь, как в нем совмещается эмоциональная тонкость с грубым напором!

– Не переживай! Если позволишь, я дам тебе совет. Как правило, поиском служанки занимается женщина, а звонки от мужчин могут поставить тебя в опасное положение. Ты понимаешь, о чем я?

Еще бы я не понимала! В этом плане у меня достаточно жизненного опыта: с Хосе, Луисом, Пепе и им подобными.

– У тебя тоже есть опыт в таких делах? – довольно ехидно осведомилась я.

– Нет, просто я знаю испанских мужчин. Вернее, мужчин вообще. К сожалению, эмиграция дала им такую возможность...

– Какую такую возможность?

– Пользоваться отчаянным положением женщины в своих целях.

– Да этим пользуются для чего угодно: не только для секса, но и недоплачивая за обычную работу... Или выставляя нас дурами из-за незнания языка... Или такими оригинальными просьбами о помощи, на что не пойдет ни одна уважающая себя женщина...

Я замолчала, сникнув... Впрочем, зачем я все это наговорила, к чему?

– Настрадалась? – участливо заглядывая мне в лицо, осведомился Николас.

– У меня все замечательно! – ослепительно улыбнувшись и задрвав кверху подбородок, ответила я.

Он ничего не сказал в ответ, только задумчиво потер подбородок, внимательно рассматривая начищенные до блеска ботинки. Через секунду моя ладонь опять была в его, а через три – он осторожно и нежно целовал мне руку, от которой почти неуловимо пахло хлоркой, как какой-то принцессе. Живот свело, а в горле застучало от смешанных чувств.

Отвлекла от романтических переживаний высокая и настойчивая трель телефона. Нет, я не выдержу, это ж надо, в кои-то веки решила поддаться влечению природы, а тут звонки один за другим!

– Слушаю, – официальным голосом ответила я, увидев совершенно незнакомый номер.

– Кариньо, это я, Марио, – ответил ласково-брезгливый голос. Он всегда так разговаривал, как будто он король, а все остальные – плебеи.

– У тебя новый телефон? – поинтересовалась я. – Номер мне незнаком.

– А-а? Да, новый, – хихикнул, – только что украл. Кстати, ты мне не скажешь номер, а то я не в курсе.

– Нет, не скажу. Ты уж совсем того...

Марио заливался нервным смехом.

– Почему, дорогая? Я хочу тебя увидеть. Увидишь, какие подарки я тебе приготовил. Как всегда, все самое лучшее.

– Не хочу, я уже говорила, что не хочу.

Николас за все время разговора не повернул в мою сторону головы, а напряженно смотрел вдаль, любясь видами за окном.

– Скажи где ты, и я за тобой приеду, – потребовал итальянец.

– Приезжать за мной не надо, я не одна, к тому же не знаю, как называется это место.

– Так выясни! – почему-то взвизгнул Марио.

Я зажала микрофон рукой и послушно начала выяснять у Николаса, как называется место, куда мы едем.

– Каса де Кампо, – тусклым голосом ответил он. Я ободряюще-извиняюще улыбнулась ему и повторила информацию Марио.

– Ты с ума сошла! – завопил он. – Возвращайся немедленно! Я дам тебе денег! Кто он? С кем ты едешь?

У меня голова пошла кругом от этих воплей.

– Да что случилось? Объясни толком! Я ничего не понимаю! И прекрати меня пугать, лучше скажи спокойно, в чем дело!

Я услышала, как Марио набирал и выпускал из легких воздух. Наконец услышала:

– Каса де Кампо – это место для шлюх со всех концов света. Это то, чего ты хочешь? Ты едешь туда, чтобы стать шлюхой?

Очевидно, что местечко не было целью моей жизни.

– погоди секунду, – попросила я Марио. Затем закрыла микрофон и спокойно спросила у Николаса, зачем он везет меня в такой экзотический уголок, заранее не спросив моего согласия.

– Это правда. По какой-то случайности этот парк избран проститутками как место работы. Как Булонский лес в Париже... Но изначально – это просто парк отдыха: с деревьями, кафетериями, лужайками. Я хочу с тобой отдохнуть, для этого и везу в парк, а не...

Я кивнула, поняв объяснение и почувствовав сердцем, что он не лжет.

– Марио, ты неправ, дорогой. И не переживай за меня, я умею о себе позаботиться. Спасибо и до встречи!

Думаю, что мой импульсивный друг не был согласен с тем, как я быстро окончила разговор, и через несколько секунд раздалась новая трель с уже знакомого ворованного номера.

– Я все сказала. Честно... Все будет хорошо, не переживай, – терпеливо, как ребенку, поясняла я в трубку.

Марио неистовствовал. Я была ему благодарна и взбешена одновременно: как если бы он был моим отцом, опасаящимся, как бы чего не случилось во время моего первого свидания с мальчиком.

– Марио, я отключу телефон, – предупредила я.

Ответом была новая порция испано-итальянской брани, которую я не стала слушать до конца, а попросту отключилась и, извиняюще глядя на Николаса, засунула телефон в сумку.

– Это мой друг... – начала я объяснения.

– Он очень близко принимает к сердцу твои отлучки, – немного насмешливо ответил Николас.

– Это правда, даже кажется, что это мой отец, – перевела я разговор на более безопасные рельсы.

– Или любовник, – не пожелал он принять игры.

– Какая разница?

Я не желала давать никаких пояснений: с какой стати, кем он себя на самом деле считает, этот Николас?

– Никакой, – опять тонко почувствовав перемену в моем настроении, он ответил вполне миролюбиво.

Самое странное, что когда Николас вел себя как собственник и феодал, в глубине души мне это нравилось, зато когда снизошел до безразличия, меня это обидело: я с тобой, но, в сущности, мне это абсолютно параллелепипедно. О, загадочная женская душа!..

Кабинка притормозила и медленно, толчками, пошла вниз. Николас спустился первым и подал мне руку.

Выйдя из помещения фуникулера, мы очутились в смешанном лесу, наполненном светом, пением птиц, стрекотом цикад, жужжанием мух и запахом хвои. Здорово! И мы по-прежнему в Мадриде! Я не удержалась и сорвала такой русский василек, зажала его в ладони, а потом попросила:

– Погуляем?

– Может, лучше зайдём в бар? Думаю, что твой друг прав, и это место – не самое подходящее для прогулок.

На просторной террасе, расположенной на пригорке, было немного народу. Мы заказали по бокалу холодного пива, оливки и чипсы – типичный испанский аперитив. Что-то произошло, каким-то образом установленный ранее контакт потерялся. На солнечной террасе, благоухающей соснами, сидели два незнакомых человека, по нелепой случайности оказавшиеся за одним столиком. Николас извинился, встал со стула и сказал, что должен срочно позвонить брату. У меня брови поползли вверх: откуда такая спешность, время-то обеденное? Он рассмеялся:

– Видишь ли, мой мобильный – это подарок брата. Я его случайно отключил, а теперь не знаю кода, чтобы снова его подключить. Хорошо, что его номер телефона я знаю наизусть.

Я кивнула в знак согласия, а он помчался к телефонной кабинке. Издалека я видела, как он разговаривал с кем-то и одновременно улыбался мне.

– Все просто, – провозгласил он, вернувшись. – Для этого надо знать моего брата, который не усложняет себе жизнь никогда! Как ты думаешь, какой это код? – и сам ответил: – Ноль, ноль, ноль, ноль!

– Действительно...

Но время для телефонных разговоров еще не подошло к концу: мне опять звонил Марио. Я извинилась перед Николасом и отошла на самый край террасы. Опираясь о железную ограду над краем пропасти, ответила на входящий звонок.

– Вернись, я очень за тебя переживаю.

– У меня все в порядке. Мы сидим в баре и болтаем за бокалом пива.

– Где ты с ним познакомилась, когда?

– Марио, ну какая разница?

– Я тебя немного знаю! Ты безрассудна! Легко идешь на любой контакт, а так нельзя, дорогая, – на этот раз Марио говорил со мной спокойным тоном, без истерии.

– Спасибо тебе. За то, что переживаешь... За то, что я тебе важна... Но это моя жизнь, Марио. И я хочу быть здесь, в парке, с этим человеком...

– Я дам тебе все, что пожелаешь, только вернись сейчас же!

– Нет... Я тебе перезвоню... потом, – и окончательно вырубилась мобильник.

Мне стало грустно. Вот человек, который хочет обо мне заботиться, который так внимателен ко мне, а я ищу чего-то другого... лучшего, что, возможно, мне даст Николас. Любая женщина, помимо участия, ищет еще и восхищения, но от того, кем она сама восхищается. Сзади неслышно подошел Николас, обнял меня и нежно, как ребенка, поцеловал в затылок. Я обернулась и спрятала лицо у него на груди, чтобы он не увидел некстати выкатившиеся слезы. Он погладил меня по голове, затем взял лицо в свои руки и поцеловал в кончик носа. Вышло трогательно и немного смешно.

– Пойдем к столу, я заказал еще напитков.

– Я уже ничего не хочу.

– Тогда пойдем обедать. Ты хотя бы изредка ешь?

На обратном пути мы в основном молчали или нежно целовались: не как пламенные любовники, а как утешающие друг друга в несчастье родственники. За обедом мы оба пришли в себя, вели разговоры ни о чем, лишь изредка бросая друг на друга многозначительные взгляды, от которых бросало в жар.

– Ты не против выпить бокал виски?

– В пять вечера? Нет, самое большее, бокал мартини!

– Хорошо, значит, мартини.

Мы зашли в какой-то паб на улице Ферраз: солидно-буржуазный и абсолютно пустой. Нас быстро и безмолвно обслужили, со вкусом сервировав напитки на низком столе из каобы. Я сидела на мягком диване в опасной близости от Николаса. Последние шесть часов моей жизни, проведенные рядом с этим человеком, были так наполнены событиями, эмоциями, чувствами, как если бы мы вместе прожили целую эпоху...

Все последующее мне показалось вполне логичным и закономерным: здесь, в этом баре, нас окатило такой страстной волной желаний, что только по прошествии времени мы смогли оторваться друг от друга, чтобы перевести дыхание для следующего поцелуя. Пока не знаю, как все остальное, а целуется он очень хорошо. Мы томились в объятиях, как этот знойный день.

Бокалы так и остались нетронутыми, пока мимо нас не прошел официант, чтобы встретить и обслужить нового клиента. Разгоряченные, мы снова вышли на улицу, держась за руки, как если бы боялись потеряться.

Здесь и не думали сгущаться сумерки, а только плыло марево: над домами, деревьями, машинами и над нами...

Так мы дошли до площади Кайао.

– Я хочу пригласить тебя поужинать. Придешь?

– А как ты думаешь?

– Хочу думать, что да.

– Значит да.

– Здесь же, на этой площади, в десять вечера. И возьми, пожалуйста, денег на такси: я не хочу, чтобы ты опаздывала.

Я спокойно приняла деньги, сжала ему руку на прощание и нырнула в толпу людей, спускающихся в метро.

Дома меня охватила лихорадка: что надеть, как успеть, ведь до свидания осталось всего три часа! А если он не придет? Я даже не попросила его номера телефона, как и он у меня! Мой мобильник так и остался выключенным. Николас не знает моего номера, а отвечать на чьи бы то ни было звонки совершенно не хотелось. Как странно... Возможно ли влюбиться за несколько часов? Вот вопрос для науки! Нет, невозможно!.. Это просто влечение, зов плоти... да что угодно...

Тогда что такое влюбленность, как она определяется? Есть ли прибор, измеряющий количество адреналина и эстронов в крови в данный конкретный момент? У меня бы сейчас точно зашкалило.

Чтобы хоть как-то успокоиться, я приняла прохладный душ и теперь медленно и тщательно укладываю волосы. Монотонность успокаивает, но, к сожалению, лишь на короткое время. Розовая шелковая блузка с коричневой мини-юбкой и в тон ей босоножками на высоком каблуке составили идеальный комплект, отражающий мое внутреннее состояние.

Вечером Гран Виа полна людей, машин, световой рекламы впрочем, как и в любое другое время суток. Только сегодня я очень тороплюсь и немного опаздываю!

Николаса я увидела издали: он возвышался над толпой нестандартным для большинства испанцев ростом и выделялся по одной мне понятной причине.

– Я здесь! – крикнула я с другой стороны улицы.

– Спокойно, не торопись! – успокоил он меня жестом руки, счастливо улыбаясь.

Мы обнялись, постояли немного покачиваясь.

– Ты должен дать мне свой номер телефона, – почти одновременно сказали мы друг другу.

Рассмеялись... Вопрос с номерами был улажен тут же.

– Тебе нравится рыба? – спросил Николас.

– Очень!

– Тогда поедem в галлийский ресторан. Я уже заказал столик. Моя машина совсем недалеко отсюда.

Черный вольво с красными номерами ждал нас на углу Хакометрезо. Внутри он пах кожей и был оснащен всей мыслимой и немыслимой автоматикой. Неужели все, что сказал Николас о своих родителях, о брате – чистая правда?

Как только мы уселись в машину, он наклонился ко мне и страстно поцеловал. Я ответила, еще как ответила! Потом отстранилась, поправила прическу, чинно сложила руки на коленях и сурово сказала:

– Ведите себя почтительно, молодой человек!

– Вся такая розово-невинная, – покачал головой Николас, пряча смешинки в глазах. – Кстати, ресторан, в который мы едем, иногда посещают чиновники из Правительства.

– О! – притворно испугалась я. – Я достаточно прилично одета?

– Надеюсь, ты не забыла надеть нижнее белье? – поддержал скабресный разговор он.

– Э-э, теперь когда ты мне об этом напомнил... – стыдливо опустила глаза я.

Мы опять рассмеялись. Происходящее казалось нереальным, литературно-выдуманным, воображаемым, как мир Алисы... Откуда такое придумалось? Бог весть... Думаю, что только Ее Величество Жизнь подбрасывает тебе сюрпризы, которые не в состоянии нафантазировать самый безудержный мечтатель.

– Поедешь со мной в отель после ужина? – спросил он, опять притягивая меня к себе.

Я только кивнула в ответ. Почему-то с ним я была готова пойти куда угодно!

Помещение ресторана и впрямь производило впечатление: выполненное в бело-синем моряцком стиле, с настоящими якорями и плетеными из канатов морскими узлами, развешанными по стенам. В центре зала размещался огромный аквариум, в котором плавали карпы, судаки и даже небольшой осьминог. Каждый стол находился в миниатюрной кают-компании, отделенной от мира белой занавеской, чтобы ничьи нескромные взгляды не мешали принимать пищу и наслаждаться беседой. Николас назвал метрдотелю свое имя и обе фамилии – что-то очень длинное и абсолютно незапоминающееся для иностранца.

Ужин прошел чудесно. Очевидно, что мы оба получали удовольствие от общения друг с другом. Я попробовала шпинат с хамоном и изюмом – странное и, как оказалось, вкусное сочетание, на второе была акула, разные устрицы и шампанское. Черт, по моему, я погорячилась с шампанским! Знаю прекрасно, как на меня действует это вино! Бе-зу-дер-жно! Мы доедали ванильное мороженое на десерт, когда я выдала дурацкий комментарий:

– Ваниль, как известно, повышает потенцию...

Он рассмеялся и деликатно не стал развивать тему:

– Вот как! Мне бы хотелось отвезти тебя в любопытное местечко. Ты не против экспериментов?

- Разве мы не пойдём к тебе в отель?
- Отель или эксперимент? Выбирай сама.

Полночь... Мы опять мчимся по освещённым, полным жизни улицам. Нико сосредоточен и, по-моему, немного озабочен. Хотелось бы знать, чем? Он заметил мой вопрошающий взгляд, улыбнулся и переложил руку с рычага управления мне на колено.

- Скоро подъезжаем.

Машину мы оставили на стоянке, а сами начали пробираться по извилистым полутёмным улочкам.

- Где мы?
- Ты боишься?
- Нет, просто хотела бы знать, где мы.
- О 'донель. Тебе знаком этот район?
- Немного... – вранье!

Наконец Николас остановился около тяжелой дубовой двери с зарешеченным окошком и позвонил в нее. Нам тотчас же открыли, и мы оказались в просторном баре с мраморными колоннами.

- Что будете заказывать? – учтиво осведомился официант.
- Белый martini и виски со льдом, – заказал Нико, не спросив меня.

Он нервничал, только пока непонятно, почему.

- Я тоже хочу виски.
- Извини, что не спросил тебя раньше.
- Что случилось?
- О чем ты?
- Почему ты так нервничаешь, я же все вижу!
- Да? И что еще ты видишь?

Я проследила за его взглядом и уперлась своим в многочисленные телевизоры, расположенные почти под потолком. От действий, разворачивающихся на экранах, меня окатило нервной волной, отчего засосало под ложечкой. Я прикрыла глаза и потянулась к бокалу с виски. Все так чудесно начиналось, я уже было поверила в сказку, поверила, что счастье есть и для меня!..

– Это будет просто эксперимент! – с натянутой улыбкой провозгласил Николас. – Если тебе не нравится, мы уйдем отсюда.

Вот он уже готовит себе путь к отступлению, сразу же после того как растоптал и предал мое доверие к нему, мою зародившуюся надежду, мое женское и – черт побери! – национальное достоинство! Я опять почувствовала себя «иностранкой», русской подстилкой, той, о ком, причмокивая языками, наперебой хвастают друг перед другом испанские «мачо» в вонючих прокуренных барах. Как бы не так, господа хозяева этой мерзкой жизни, вы не угадали!

– Да здравствует эксперимент! – подняла я стакан, выпрямив спину и широко улыбаясь.

Я не иностранка, которой руководят по своему усмотрению, а наоборот, уверенная в себе независимая женщина, делающая свободный выбор.

– Ты уже была в подобных заведениях?

Я не стала его разочаровывать:

– Была, но хотелось бы освежить воспоминания.

Николас заметно ожил. Как же, все становится гораздо проще: подозрения подтвердились, и с ним вовсе не очаровательная дама, а обыкновенная, «падкая на развлечения» русская б...

Мы прошли в зал. За столиками, заставленными бокалами с питьем, сидели парочки на длинных кожаных диванах. Некоторые из этих тандемов уже начали предварительные ласки. Тут же мог подойти еще кто-нибудь из «либеральных» – мужчина или женщина – и поучаствовать в прелюдии. В определенный момент «свободная чета» вставала и уходила к лежакам, расположенным в другом зале, чтобы отжаться друг другу без помех в виде узких диванов.

Выбрав столик в самом темном углу, Николас жестом предложил мне присесть с ним рядом. Низкий гул голосов в первом зале иногда прерывался высокими блаженными стонами из другого зала... Да-а, неслучайно я сравнивала Николаса с легионером... Вот они, знаменитые оргии Римской Империи! Столько веков между нами, столько всего изменилось, а нравы – нет. По-прежнему пресыщенного (или любопытного?) господина тянет к вульгарным скопищам, высокомерно и в то же время наивно полагая, что срам этот – признак утонченности и изысканности. И дело вовсе не в латинских корнях...

Меня опять била мелкая дрожь, которую я попыталась унять, обняв себя руками.

– Ты замерзла? – участливо спросил Николас, наконец нарушив молчание.

Я отрицательно замотала головой, а он приблизился и осторожно обнял. Почему-то меня еще больше затрясло.

– Выпей, – предложил он.

Я оценила совет и залпом влила в себя виски. Позу оказалось не так легко держать. Но гордость и желание не позволяли ни попросить пощады, ни уехать куда глаза глядят, только подальше от этого места и от Николаса.

– Закажи еще, – онемевшими губами потребовала я.

В молчании мы дождались заказа, затем взяли бокалы и отправились во второй зал. На огромных лежаках совокуплялись пары, объединялись в трио и вновь разбивались. Какое-то время мы стояли в стороне, безучастно наблюдая за всем этим. Наконец Николас взял меня за руку и повел в глубь зала. Там, за ширмами, находились отдельные «номера», имитируя интим. Тщательно задернув шторы и не глядя на меня мой попутчик снял пиджак и повесил его на деревянную вешалку. Затем тяжело опустился на кровать и по-собачьи взглянул снизу вверх.

– Сядь, пожалуйста, рядом со мной.

Я послушно уселась. Виски наконец подействовал и нервная дрожь прошла... Заодно онемели мои эмоции и чувства... Мелкими глотками я допивала второй бокал виски со льдом. Николас осторожно забрал его и поставил на пол.

– Кто поет, не могу понять? – спросила я.

– Э? Думаю, Джордж Майкл. Тебе нравится этот певец?

– Да. А о чем поет?

– О том, что все мы – дети Христовы.

– Любопытно...

– Прости меня, ладно? Прости!

Он закрыл руками лицо и начал потихоньку раскачиваться, как это делают маленькие дети, когда хотят успокоиться.

Почему-то меня охватила жалость к этому большому и сильному человеку. Несмотря на свою эмоциональную зрелость, он неверно

истолковал мою раскованность и двусмысленные шутки. Что ж, это понятно, ведь он совсем не знает меня! «Las apariencias engañan [19](#)» ...

Я обняла его за шею и чмокнула в плечо. Он радостно откликнулся, словно ожидал этого момента много времени. И все отступило: обида, непонимание, разочарование, горечь утраты и радость приобретения, люди, стонущие в экстазе за тонким полотном занавеси, звук упавшего стакана, короткий счастливый смехок... Остались только двое: мужчина и женщина...

Мы лежали утомленные и благодарные друг другу за то счастье, что подарила нам мать-природа, изначально разделив надвое и так удачно соединив воедино сейчас. Пусть на краткий миг, но как он блажен! И какое значение имеют все патрицианские оргии, мещанские предрассудки, социалистическая мораль, христианские принципы о том, как себя должна вести женщина, исходя из того, что подумает о ней мужчина. А он думает нормами, навязанными ему кастрированными членами и умами, братьями монахами, которые в расплату за свое несчастье придумали, как сделать несчастными всех остальных. И мы следуем не зову, идущему изнутри, а морали, навязанной «свыше». Бедное, нищее человечество, отнявшее у себя самое дорогое, что имело! Страсть!

В эти моменты, соединяясь вновь и вновь, мы прозрели, мы вернулись к истокам... Через несколько часов мы поднялись с ложа и устремились к выходу, уже не замечая ни разбросанных по лежакам тел, ни бассейна с шумными купальщиками – ничего...

Рассветало... Николас отвез меня до подъезда и попрощался до завтра, обещая позвонить в обед. Я быстро поднялась на четвертый этаж, не зажигая свет, разделась и, нырнув под тонкую простыню, мгновенно уснула.

29 августа

Весь прикол в том, что сама я – олицетворение смежности. Я есть переход от сущего к должному.

В. Клюев.

Сквозь завесу сна доносилось жалобное чириканье, сопровождаемое вибрацией. Я открыла глаза и увидела сумочку,

неровно, толчками, перемещающуюся по полу. Не может быть, чтобы я так сильно перепила! Чирикание повторилось. Я сползла с кровати и заарканила мою свихнувшуюся вчерашнюю попутчицу. Чирикал телефон, непрестанно уведомляющий меня о том, что получено сообщение. Который час? Батюшки святы, половина двенадцатого! Получено три сообщения: одно от Марио и два от Николаса. В хронологическом порядке это выглядит так:

«Дорогая, надеюсь, у тебя все в порядке. Я очень беспокоюсь. Позвони, когда сможешь». 28.08, 23.08

«Спасибо за чудесный вечер. Целую. Нико». 29.08, 9.36

«Освобожусь после обеда, много работы. Встретимся в пять? Николас» 29.08, 11.31.

Набрала Марио. Долгие гудки, но трубку не берет. Наказана за непослушание! Набираю сообщение Николасу: «Ок, целую, я».

Времени еще достаточно, чтобы сгонять в магазин за какой-нибудь обновкой: благо сейчас скидки! Мне повезло, и в Тинторетто я отыскала бежевое летнее платье из вискозы, с открытой спиной и руками и наглухо задрапированное спереди. Вся эта роскошь мне досталась всего за три тысячи песет, которые я сэкономила на поездке в такси. Этим вечером придется добираться до места свидания на метро, но я – дама непривередливая. Аксессуары дома найдутся, а к бежевому чудесно подойдут коричневые босоножки, которые мне служат верой и правдой во всех особых случаях.

Набрала еще раз Марио. Что за капризы?! Как только я собралась отключиться, он ответил:

– Привет, дорогая! Как прошел вечер?

– Хорошо, а у тебя?

– О, у меня, как всегда, все замечательно. Кстати, хотел познакомить тебя с моей девушкой. Она, правда, совсем молоденькая, но умеет ценить мужчину.

– Марио, не обижайся, пожалуйста. Все мы ищем для себя самое лучшее.

– Да, но многие только думают, что его нашли.

– Возможно, я заблуждаюсь, – не стала спорить я, – но я хочу сделать мои ошибки. Думаю, что это справедливо.

– Наверное, ты права, а я чрезмерно беспокоюсь. Встретимся сегодня?

- Не могу...
- Опять с этим, с Каса де Кампо?
- Он не оттуда, – возразила я.
- Для меня он «оттуда» теперь навсегда. Прощай и береги себя, как можешь.
- Прощай...

Он прав, тысячу раз прав этот взбалмошный итальянец, вор и настоящий мужчина! «Что ж так тянет меня к тебе», – сами собой напросились слова когда-то популярной песни. Не знаю, назовем это... охотой за недосыгаемым, стремлением к лучшему, надеждой на чудо, желанием выжить и победить в неравной эволюционной борьбе... не знаю... Страсть – слово, которое охватывает и объясняет все... Испить до дна, чтоб не была случайной та чаша горького вина...

Время до пяти пролетело незаметно. В три часа я позавтракала яблоком и йогуртом – от охватившего меня возбуждения больше ничего не влезло. От предвкушения нашей встречи, от воспоминаний о ласках и поцелуях Нико меня начало знобить. Память угодливо подсовывала красивые и приятные моменты, услужливо оставляя в стороне мерзость и предательство. Испить до дна...

В этот раз я была намного точнее, хотя и не смогла опередить Николаса. Судя по всему, он поджидал уже какое-то время.

– Я тебя очень ждал, – прошептал он на ухо, как только мы обнялись.

– Но я не опоздала!

Он ничего не сказал в ответ, только приник ко мне губами, как к источнику с живой водой. Знакомая истома разлилась по телу, которое так хорошо помнило Нико. Где там вспомнить о воспитании, приличиях, если обоих захлестывает счастье и страсть?! Да и к чему?

– Хочешь мороженое?

– Это что, награда послушной девочке или?..

– Думаю, нам надо немного охладиться. Как тебе идея?

Я лукаво подмигнула:

– Мы, русские, холодны от природы.

Ответом был громкий смех. Я взяла его под локоть и потащила в сторону близлежащего кафе, где подавали итальянское мороженое.

– Послушай, я забыл тебя предупредить: вскоре подойдет мой друг, вернее, приятель из офиса, где я работаю. Кстати, у него обширные связи и он может реально помочь тебе с работой. Ты не возражаешь, если мы вместе поедем в какое-нибудь местечко и выпьем по бокалу пива?

– В какое место? – нахмурилась я.

– Ну не знаю... Мне приходит на ум один классный ресторан недалеко от Мадрида, где замечательно готовят осьминогов. Тебе же нравятся морепродукты.

– Значит, ресторан?

– Да, конечно, а где же еще?

Мы сделали заказ: я – земляничное мороженое, он – орчата. Не успели мы обмолвиться и парой слов, как Николас встал из-за стола и приветственно замахал подошедшему приятелю. Делать нечего, подставила для поцелуев щечки.

– Знакомься, это – Сальвадор.

– Очень приятно, – привычно ответствовала я, хотя ничего подобного не почувствовала к представленному.

И в самом деле, Сальвадор был среднего роста, с красным лицом, окаймленным бородой и маленькими, пронзительными глазами. Впрочем, дело было не в его внешнем виде, а скорее в том взгляде, которым он одарил меня: высокомерно-оценивающим... Так знатоки оглядывают кобылу перед забегом.

«Приятель из офиса» пожелал шоколадного мороженого, а я бессознательно вытащила сигареты из сумки и чиркнула зажигалкой. Только ощутив вкус дыма во рту, я поняла, что здорово нервничаю.

– Николас тоже раньше курил, да вот уже несколько лет, как бросил.

Разве Сальвадор – это не «приятель из офиса», где над античернобыльским проектом работает мой Николас? Судя по последнему замечанию, они знакомы более близко, и уж конечно, дружба их завязалась раньше, чем с этого лета. Я не удержалась и бросила вопросительный взгляд на Нико. Он отвел взгляд, не захотев ответить на мой немой вопрос, а потом я с ужасом

почувствовала, как его колено совершило какое-то движение по направлению к ноге его приятеля.

– Сальвадор не женат. Более того, он считает, что после развода начал жить по-настоящему, – ни к чему поделился информацией Нико.

– А ты? Ты женат? – воспользовалась я моментом.

Я не строила никаких матримониальных планов насчет Николаса, просто захотелось увидеть реакцию на довольно простой вопрос.

– Нет, я тоже не женат, – глядя мне прямо в глаза ответил он.

– Значит, вместе прожигаете жизнь?

– Когда как, – ответил Сальвадор и поменял тему разговора: – Может, поедем прямо сейчас?

– Куда? – наивно поинтересовалась я.

– Да куда угодно, – поспешно ответил Николас. – Не будем же мы целый вечер сидеть в душном городе. Сусанна, помнишь, я тебе говорил про одно местечко? Может, прямо туда и поедем?

Конечно, я бы с большим удовольствием осталась наедине с Нико, вместо того чтобы развлекать его одинокого друга приятным разговором. С другой стороны, вечер только начался, и у нас еще будет время побыть наедине. Кроме того, Николас намекнул, что Сальвадор может быть полезен в поисках работы. Н-да, политика...

Черный вольво с красными номерами спокойно ожидал нас на стоянке площади Санто Доминго. У дверей машины разыгралась неожиданная сцена: Николас нажал на дистанционный пульт и открыл передо мной заднюю дверь, галантно пропуская вперед. Потом он кинул Сальвадору ключ от машины, коротко сказав:

– Ведешь ты, – а сам нырнул вслед за мной на заднее сиденье.

Здесь он обнял меня за талию и победоносно улыбнулся, как будто ему только что вручили Кубок Дэвиса. Сальвадор поправил зеркальце заднего обзора. В этот момент наши взгляды встретились: его – полный ненависти, и мой – недоуменно-вопрошающий. Мы оба поспешно отвели глаза, как будто между нами произошло что-то непристойное. Поспешно вставив ключ зажигания, Сальвадор уверенно повел машину по забитым городским улицам – Гран Виа, Принцесса, Монклоа... Очень скоро мы оказались на загородном шоссе.

Едва мы очутились на трассе, Нико отбросил всякие приличия и начал меня целовать. Пока наши ласки были самые что ни на есть

наивные, нормальные для двух влюбленных... Плохо было одно: почти безотрывный взгляд «приятеля из офиса» от зеркальца заднего вида. Из ненавистного он стал превращаться в возбужденный, и тут я по-настоящему испугалась:

– Прекрати, Николас!

Он недоуменно посмотрел вокруг.

– Почему, что произошло?

– Ничего, – попыталась уйти я от ответа. Потом собралась с духом и выпалила: – Мы не одни.

– Ты кого имеешь в виду? Сальву?!

– Конечно.

– Сальва, притормози, где сможешь. Подальше от трассы, – отдал распоряжения Николас.

Тот беспрекословно выполнил приказ Нико. Вскоре мы оказались на проселочной дороге, а потом свернули к рощице на пригорке. Машина уверенно прошла по неутрамбованной земле.

– Выйди! – приказал Нико Сальвадору.

– Что ты сказал?

– Выйди из машины, прошу тебя, – уже помягче добавил Николас.

Сальвадор круто повернулся в нашу сторону, помедлил, пошевелив губами, словно хотел что-то сказать, потом передумал и, хлопнув дверью, вышел вон. Мы смотрели, как он стремительно поднимался на пригорок, а взбравшись, уселся к нам спиной. Весь его облик выражал скрытую ярость. Мне стало немного не по себе:

– Не надо было так с ним... Он обиделся...

– Это у него пройдет... Мы одни, моя принцесса. А это самое главное.

Нико опять приник к моим губам, наши тела намагнитились, и обиженный Сальва окончательно перестал меня интересовать. Раскаленная атмосфера в машине стремительно дошла до своего пика, и мы соединились в лихорадочной страсти. Мы оргастировали долго, в унисон, в каком-то странном, неземном соединении. Как будто сошлись две планеты и сделали БУМ!

Когда мы с Нико оторвались друг от друга, и я приняла вертикальное положение, чтобы привести в порядок платье и волосы, то увидела за окном Сальвадора. Он стоял в двух метрах

от машины, чтобы своей тенью не выдать присутствия, и мастурбировал. Я подняла колени к груди и тихо проговорила:

– Нико, скажи своему приятелю, чтобы он ушел.

Но было поздно. По телу Сальвадора пробежала блаженная судорога, и он удовлетворенно застонал. На сухую траву брызнуло семя.

– Ах ты, черт побери!

Разъяренный Николас выпрыгнул из машины, надевая на ходу брюки. Между тем Сальвадор вытащил из кармана пиджака носовой платок и аккуратно приводил себя в порядок.

– Что ты себе позволяешь, идиот? Да как ты смеешь?

Я поспешно натягивала на себя платье, одновременно пытаюсь не упустить ни мгновенья из того, что происходило за пределами машины.

– Хорошая случка. Мне надолго хватит воспоминаний, – небрежно ответил Сальвадор.

– Да как ты посмел! Она же со мной! Это моя... девушка.

Ответа я не услышала. Только увидела, как Нико замахнулся, а потом бессильно опустил руку.

...Николас вел машину. Справа от него сидел Сальвадор, а я, обняв колени руками, пыталась прийти в себя на заднем сиденье. Изредка Николас бросал озабоченные взгляды в зеркальце заднего вида. Какое-то подобие улыбки промелькнуло у меня на губах, отчего Николас как-то дернулся, сжал зубы и отвел глаза.

Мы ехали в абсолютной тишине...

– Остановимся в этом ресторане и выпьем чего-нибудь, – нарушил молчание Нико.

Идея сидеть за одним столом с Сальвадором мне показалась кошунственной. Но меня никто не спрашивал. И кто знает, почему так поступает Нико? В конце концов это его приятель...

За «Приютом охотника» виднелась чаща, в которой спокойно паслись олени, а вдалеке слышался шум горного ручья. В другое время меня бы порадовала и позабавила эта идиллия. Но сейчас я была странно оглушена и немного выпадала из реальности.

Мужчины, судя по всему, проголодались и потому заказали осьминога «по-галлийски» и пиво.

- Что будешь ты? – наконец обратился ко мне Николас.
- Виски. Со льдом.
- Что-то еще?
- Нет. Спасибо.
- Виски со льдом для дамы, – Нико повторил официанту мой заказ.

Надо же, «для дамы»! Скажи еще «для принцессы»! С другой стороны, принцесса самая что ни на есть настоящая: то в борделе, то на усладу эксгибиционисту – у нас, особ королевской крови, все на публике происходит!

Разговор явно не клеился. Никому в голову не приходило просить у Сальвадора, чтобы он устроил меня на работу. Уж как-нибудь без его помощи...

Принесли еду.

- Заказать тебе оливок? – продолжал ухаживать за мной Нико.
- Нет, не надо. Спасибо.

Сальвадор не отрывал от меня маслянистых глаз.

- И кем ты работала у себя в стране? – наконец подал он голос.
- Учителем.
- Странно...
- Что именно странно?
- Ты больше на шлюху похожа.

Как ведет себя человек, которому могут дать хорошо оплачиваемую работу в ответ на оскорбление «благодетеля»? Я не думала... В голове все перемешалось со страшной скоростью: горящий ненавистью взгляд, зажатый в руке член, замахнувшийся неведомо на что кулак Нико... Я встала и вылила остатки благородного виски в красное лицо с маслянистыми глазами. Сальвадор сидел ошарашенный, видимо будучи не в силах поверить, что с ним, таким уважаемым, может произойти что-то подобное. Затем он неторопливо встал, смахнул застоявшиеся лужицы со складок пиджака, пробормотал что-то под нос и удалился чиститься.

Нико наигрывал пальцами Турецкий марш, а я закурила очередную сигарету. Сейчас бы Марио устроил разгон за то, что много курю. Но со мною рядом не итальянский вор, а совсем другой, кажется, совершенно незнакомый человек.

– Похоже, с трудоустройством ничего не получится? – подала я голос.

– Думаю, вряд ли. Послушай, ты всегда такая импульсивная и взбалмошная?

– А какое тебе до меня дело?

– Прости...

– Прости ЧТО?

– Нет, ничего, просто прости.

Ему виднее, за что я его должна прощать. Когда вернулся Сальвадор, мы засобирались в Мадрид: уже ни одному из нас компания не представлялась приятной, так что причин для затягивания встречи не было.

Провал, полный провал во всем... Идиотские мечты о сказочном принце, о чудесной работе, о долгом, классном сексе и красивом времяпрепровождении, о романе... Все это, придуманное от безысходности и одиночества, не имело под собой никакой основы: сказок не бывает.

Меня подвезли к Дракону. Нико, по-прежнему галантный, открыл передо мной дверцу машины и подал руку. «Офисный приятель» только сделал неопределенный жест рукой на прощанье.

– Адьюс, – быстро попрощалась я с Нико, направляя свои шаги в сторону дома.

– Подожди немного, не торопись.

– Тебя ждут.

– Пусть. Я бы хотел вновь встретиться с тобой... Мне надо объясниться...

– Зачем?

– Тебе неважно? Ничего из того, что произошло между нами?

– Это что-то меняет?

– Да, многое. Ты что-то чувствуешь ко мне?

– Возможно, не знаю, я... ничего не знаю, – честно ответила я.

– Увидимся сегодня в девять? Я только отвезу его и приеду обратно. Буду ждать тебя на этом самом месте. Придешь?

– Наверное...

– Спасибо. Я буду ждать!

Он, словно навеки потерявший право прикасаться ко мне, приложил свой палец к губам, а затем легонько тронул мою ладонь.

– Адьюс! – повторила я, чувствуя, как наворачиваются на глаза слезы.

Дома я сняла свое сказочное одеяние, влезла в старенький топик и леггинсы и улеглась на кровати в позе эмбриона. Настроение было послать все к чертям и навеки остаться здесь, среди моих приятелей, не обремененных идиотскими мечтами.

За тонкой перегородкой слышался шум начинающегося скандала: кричал в основном Саша, Ира спокойно его уговаривала. Нет, так не годится, я так не хочу! Да разве это жизнь? Обывательские разговоры, супы с борщами, ссоры из-за денег, упреки в непонимании... И где они – яркие мгновенья, ради которых нужно жить?

Я кинулась к шкафу в поисках чего-то подходящего для предстоящей встречи. Схватила джинсы и шелковую блузку с зеленым орнаментом, ноги всунула в сандалии на невысоком каблуке. Без пяти девять я выскочила на лестницу и побежала к Дракону.

Сгущались сумерки, спадала жара: на все ложилась спасительная тень. Как статические фигуры, застыли за столиками старики, играющие в муш. Чинные матроны тоже старались не двигаться, чтобы нечаянным движением не создать горячей энергии. Только дети не поддались сумраку и жаре и бегали по площадке с обычной резвостью.

Часы показывали 9.15, а Николаса все не было... Странно, обычно он меня ждал, а сейчас наоборот – я его. Еще какое-то время я наблюдала за детьми и стариками, потом опять посмотрела на часы и обнаружила, что стрелка указывала на половину десятого. Я набрала номер телефона Нико, но на этот раз никто не торопился брать трубку. С замиранием сердца я слушала длинные гудки, пока не выскочил автоответчик.

30 августа

Помешай мне, попробуй. Приди, покусись потушить

*Этот приступ печали, гремящей сегодня, как ртуть в пустоте
Торичелли.*

Воспрети, помешательство, мне, – о, приди, посягни!

Помешай мне шуметь о тебе! Не стыдись, мы – одни.

О туши ж! О, туши! Горячее!

Б. Пастернак

Утро... Вот уже несколько часов я лежу у меня в комнате, безразлично разглядывая потолок: трещинки, выемки, паучка, деловито свивающего свою паутину – у него тоже своя жизнь. Птахи по-прежнему поют, ничего не подозревая о буре в моей душе, да им и дела нет до моих бурь! Так же, как и паучку, как и королю Хуан Карлосу и как Нико...

Меня охватила апатия, нежелание и неумение стремиться к чему-либо, чего-то добиваться. Все давно решено за меня и, к сожалению, не в мою пользу. Боги распорядились таким образом, что все великие и возвышенные мечты оборвались на взлете и не дали никаких результатов.

Теперь наступает тяжелый период: смириться с тем, что есть, принять это как данность, не питать иллюзий и жить, как все. Должно быть, жизнь среднестатистического, нормального человека очень интересна. Впрочем, что за выдумки и мании! «Откуда такие амбиции?», как говорил мой бывший муж. И чем это я такая выдающаяся?

Горько, как горько... Так на свадьбах кричат, а я – на похоронах своей мечты.

После обеда заглянула любопытствующая и немного встревоженная Ирина.

– Ты чего не выходишь? Заболела? Или вчерашний ужин не пошел впрок?

– Нет, все нормально. Испанским занимаюсь.

– Ага, без книг...

– А я память тренирую. Еще вопросы?

– Нет... – и исчезла из поля зрения.

Смеркалось...

Хлипкие ворки пыряли по воде

И хлюкотали зельюки, как мюмзики в воде.

Все показалось каким-то абсурдом, как Алисины зельюки. В эту самую минуту зазвонил телефон. Я подскочила от неожиданности.

– Выспалась, отдохнула, набралась сил? – зазвучал голос, от которого у меня по телу пошла дрожь.

– Я... А ты?

– Я устал, как черт, но уже в пути. Через полчаса жду тебя на стоянке такси.

– Ты меня не спросил... Может, я не хочу тебя видеть...

– Разве это правда?

– Нет, – честно ответила я.

– Тогда не медли ни минуты и спускайся! Потом поговорим.

– Жди, я скоро, – пообещала я и как сумасшедшая бросилась готовиться к встрече.

Нико повел меня в паб, в котором, на мой взгляд, слишком громко звучала музыка, чтобы спокойно разговаривать. Я выпила мартини, он – виски, но напряжение не уходило; мы оставались отчужденными и отдаленными друг от друга, как две Вселенные после Большого Бума. Зазвучала песня Мадонны из «Девственницы»: медленная, тоскливая, как этот вечер. Нико обнял меня и поцеловал нежно, как ребенка целует мать.

– Пойдем отсюда, – попросила я.

– Да, пожалуй, ты права, – согласился Нико, заплатил по счету, и мы вышли в мадридскую ночь.

По-прежнему стояла нестерпимая духота, а после холодного воздуха от кондиционера в пабе она казалась еще более угнетающей. Мы спустились в Садик Сабатини, который разбили испанские республиканцы на месте королевских конюшен. Здесь от политых лужаек и деревьев, от тихо – уважая опустившуюся на город ночь – шуршащих фонтанов поднималась прохлада и свежесть. Нико уселся на скамейку, недалеко от статуи готтского короля. Я осталась стоять.

– Я ничего такого не ожидал. Ты мне веришь?

– Я надеюсь на это. Надеюсь, что ничего не было запланировано заранее. И что твой приятель Сальвадор – это гад, которого... – у меня сорвался голос от скопившихся где-то в переносице слез.

- Я не знал, не планировал и не ожидал, что все так выйдет.
  - Почему ты не выкинул его из машины? Пусть бы добирался до города пешком! Он это заслужил!
  - Мы вместе работаем. И я не мог бы...
  - А он, значит, мог? Он не работает вместе с тобой? Почему ты ему приказы отдаешь, а потом как будто чего-то боишься? Кто ты, Николас? Кто этот господин, который назвался Сальвадором? Я – вот она вся, на виду, ничего не скрываю. Ты знаешь, где я живу, чем занимаюсь, откуда приехала и о чем мечтаю. Но я никто в этом новом мире, потому мне и проще. Мнение чужих людей меня не волнует, только близких. И ты им стал в какой-то момент.
  - Я тебе многое рассказал. И это правда. Но я... мы не можем продолжать встречаться. Так, как ты этого хочешь, я не могу тебе предложить. Это будет нечестно.
  - Почему?
  - Я бы предпочел не отвечать на этот вопрос.
  - А я хочу знать на него ответ. Мне это очень важно.
  - Мы из разных систем...
  - Что за бред! Ты о Советском Союзе? Так его уже... А!.. Систем социальных, правда, Николас?
  - Да. Тебе надо многому учиться, чтобы стать в этой стране «своей». И у тебя получится, я абсолютно в этом уверен! И я не хочу предлагать тебе быть моей любовницей...
  - Любовницей? А-а... Мне тоже очень нравится заниматься с тобой сексом. Но секс – это еще не все...
  - Я знаю... Завтра я уезжаю. Время и расстояние пойдут нам на пользу. И вот еще что: я нашел тебе работу, такую, как ты хотела.
  - Прислужгой?
  - Иди сюда, сядь, – потянул он меня за руку. Я послушно опустилась на скамейку и очутилась в его объятиях.
  - Время пролетит незаметно, дорогая. Надо только немного подождать.
- Он держал меня на руках, как большого ребенка, покачивая и осыпая поцелуями. Разумеется, я пошла с ним в гостиницу, конечно, я осталась с ним на всю ночь. Что я теряла? Ничего,

кроме возможности побыть с ним рядом еще один короткий миг, еще одну короткую летнюю безумную ночь.

Господи, наградил ли, наказал ли? Так сразу и не поймешь... На расстоянии, все видится гораздо лучше на расстоянии. Надо подождать, он прав, мой принц Николас, надо подождать.

31 августа

*О ангел залгавшийся, сразу бы, сразу б,
И я б опоил тебя чистой печалью!..*

Б. Пастернак

Сегодня – мой первый день работы в доме у Марии Луисы, которой Николас порекомендовал меня. Мариса оказалась милой одинокой женщиной средних лет, энергичной и подвижной. Перво-наперво мы обговорили оплату труда (очень щедрую!). Потом она коротко объяснила, в чем заключаются мои основные обязанности, передала мне ключи от квартиры и убежала на работу: у нее – небольшой продуктовый магазинчик. На целых три часа дом в моем полном распоряжении.

Я немного забылась за уборкой, хотя тяжелый туман по-прежнему держался в голове. По какой-то злой иронии по радио шел концерт с песнями Джорджа Майкла.

Я иссушена как гербарий. Нет надежд, нет отчаяния, нет ничего... «Пустота, летите, в звезды врезываясь»... Как быстро все произошло и закончилось так быстро. Боль, осталась только боль. Как теперь жить с нею? Боги, боги, зачем вы мне его показали?

Уборка была закончена, и я поплелась домой. Господи, что там делать? Ненавижу эти стены, этот потолок, запах кухни из патио, скучные беседы, никчемные вопросы. Автобус! Я помчалась как сумасшедшая, втиснувшись в последний момент в закрывающуюся дверь буса с маршрутом Ла Элипа – Пуэрта дель Соль.

...В сумочке Моцартом заливался телефон. Как всегда, когда в этом есть срочная необходимость, он никак не хотел находиться, спрятавшись в одном из многочисленных кармашков.

– Говорите! – даже не взглянув на определитель номера, радостно закричала я в телефон.

– Сусанна, – зазвучал голос, протягивающий слова, – как дела, дорогая? Потерялась, не звонишь.

– Я действительно потерялась, Марио, – бодрое чириканье сменилось на унылое мяуканье.

– Чем могу тебе помочь? Нужны деньги?

– Нет, не то, Марио. Деньги ни при чем.

– Где ты сейчас?

– На скамейке, на площади Кайао.

– Жди, через десять минут буду на месте.

Вот и хорошо, вот и замечательно! Придет Марио, и что-то прояснится. Я по-прежнему вертела в руках телефон: позвонить или нет? Гордость, дурацкая никчемная гордость не позволяли мне нажать нужную клавишу, чтобы услышать любимый голос. «Не нужна я ему, так зачем надоедать? Но он приехал вчера, – спорила я сама с собой. – Да, а сегодня и завтра, и неизвестно до какого времени – нет». Не могу поверить, что Нико так безумно занят, что не может набрать мой номер телефона. «Почему не можешь поверить? Потому что сама свободна от безумия полного рабочего дня?» Но уже обеденное время...

– Сусанна! – окликнул меня Марио.

Я подняла голову. Видно, что-то было в моем взгляде, потому что он быстрым шагом подошел ко мне и обнял. И тут я расплакалась, безудержно, как обиженное дитя. Марио ничего не говорил, только гладил меня по волосам и плечам. Через несколько минут, когда я немного успокоилась и, устыдившись своих слез, замолчала, он попросил:

– Расскажи мне все, дорогая.

Я облегчила свою душу, я рассказала все или почти все, что произошло за эти короткие четыре дня. Он не перебивал, только изредка кивал головой и поглаживал мне руку.

– Ты думаешь, что вы больше никогда не увидите? – задал он вопрос, который терзал меня больше всего.

– Нет, Марио, думаю, что нет.

– Почему?

– Я так чувствую. Я не вписываюсь в его жизнь, понимаешь?

– Ты полюбила, моя Сусанна, – грустно сказал Марио. – И, по несчастью, полюбила не того.

– Не знаю, может, оно и так. Марио, он самый лучший из всех, кого я знала. Он – моя половинка, я это чувствую. Без него я – никто, какое-то подобие...

– Тогда дай ему время, не торопи события. Ты же его не знаешь, как можно влюбиться в кого-то, не зная его? Остынь сама, побудь наедине со своими чувствами.

– То же самое говорил он перед отъездом. Но почему, Марио, зачем?

– Вы оба из таких разных миров! А ты такая наивная в своем желании не замечать этого. Для того чтобы осознать чувства, надо от них немного отмежеваться. Дорогая, а может это просто хороший секс? Такое тоже иногда бывает: думаешь, что нашел свою любовь, а речь идет лишь о классном сексе... Значимости которого я ничуть не умаляю! Возможно, у него та же проблема, возможно, он боится ошибиться?

Я как будто слушала Нико: все так, как он говорил, когда делился своими опасениями. Значит, мужчины думают таким образом? Мне представляется глупым расставаться, чтобы проверить свои чувства. Но мужчины – это отдельный мир. И мы, женщины, понятия не имеем о нем.

Мудрый, добрый Марио, спасибо тебе за поддержку. Я немного успокоилась: вдвоем легче беду нести. Медленным шагом, прижимая к сердцу сумочку с телефоном, чтобы услышать его в гомоне толпы, я шла по Гран Виа. Строгая архитектура зданий, перемежающаяся с рекламой автомобилей и вездесущей кока-колы, цветочные шапки на железных столбах, поток разговаривающих на всех языках туристов – всюду ключом била жизнь. Надо найти в себе силы и возвращаться к ней.

Я села на скамейку в одном из проулков и решительно вытащила телефон: будь что будет! Контакты... Н... Нико... Послышались долгие томительные гудки, не предвещавшие ничего хорошего.

– Слушаю, говорите! – ответил мне довольно низкий, но несомненно женский голос.

– Я бы хотела поговорить с Нико, – ошеломленная, я еле выговаривала слова.

– Дорогая, – мягко, но властно сказали на другом конце провода, – вам лучше забыть и его, и этот номер телефона.

– Я хочу поговорить с Нико! – закричала я бездушной советнице. –
Дайте ему трубку, пожалуйста.

– Нет, так будет лучше, – и отключилась.

Я тут же набрала его номер, с холодной яростью приготавливая
речь для неизвестной дамы. Почему все на свете уверены, что так
будет лучше, кто они такие, эти безмозглые советчики, по какому
праву решают за других?

«Телефон находится вне зоны действия, пожалуйста, перезвоните
позже», – вежливо отозвалась безумная, чудовищная
неизвестность.

Мадрид 2006–2013.

Примечания

1. Я могу открыть тебе дверь, но пересечь ее должен ты. (Матрикс)
2. Перрафлаутас – пренебрежительное обозначение панков в Испании, которых обычно сопровождает собака – «перро», и они играют на флейте – «флаута».
3. Ven, acércate – Иди, подойди поближе, подойди и обними меня. (исп.).
4. A recordar Paris, a ser mi angustia – Давай вспомним Париж и потоскуем вместе (исп.).
5. – Где рыба? (фраза грамматически неверна, кроме того, в испанском существует разница между живой рыбой «pez» и для еды –«pescado»).
6. – А, рыба!
7. – Для еды?
8. Фонарь! Фонарь! Свежий номер! (исп.)
9. До свидания, красавица! (исп.)
10. Tarjeta de residencia – вид на жительство (исп.).
11. Mucha calor – очень жарко (исп.)
12. Чтобы убирать? (исп.)
13. Молодое фламенко (исп.).
14. Иди в задницу! (исп.)
15. Это детская песенка, рассказывающая о том, что у Сусаниты есть мышонок, маленький мышонок. В испанском языке слово «мышонок» имеет такой же сексуальный подтекст, как и «киска» в английском.
16. Б. Л. Пастернак. «Любимая - жуть! Когда любит поэт...»
17. Recuerdos de Constantinopla – Привет из Константинополя.
18. – Официант! Еще одно пиво, пожалуйста! (исп.)
19. Внешность обманчива (исп.)